

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ
БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Ученая библиотека
Томского
университета

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

КОЛИЧ. ПРЕДЫД. ВЫДАЧ

19 НОЯ 2002

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. В. КУИБЫШЕВА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Под редакцией д-ра юрид. наук В. Д. Филимонова,
д-ра юрид. наук М. К. Свиридова,
д-ра юрид. наук Н. Т. Ведерникова

А-950785

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1990

Актуальные вопросы борьбы с преступностью: Сб. статей/Отв. ред. В. Д. Филимонов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. — 156 с. — 1 р. 30 к. 500 экз. 120302100.

В сборник включены статьи преподавателей юридических факультетов университетов Западной Сибири. В статьях, подготовленных на основе действующего законодательства, практики его применения, рассматриваются вопросы правового регулирования в сфере борьбы с преступностью.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, практических работников.

Рецензент — канд. юрид. наук О. В. Филимонов

А $\frac{1203021100}{177(012)-90}$ 34—90

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

Ю. В. Голик, Б. Г. Прошкин

По-видимому, уже с момента возникновения человеческого сознания появились понятия плохого и хорошего, добра и зла, которые проходят через всю историю человечества. Абсолютно все социально значимые явления могут быть оценены с этих позиций. Поведение человека, его поступки, обладающие безусловной социальной значимостью, не являются исключением, поэтому тоже могут иметь знак «плюс» или «минус». Под поведением в данном случае мы будем понимать поступок или совокупность поступков человека, имеющих социальную значимость, и результаты этих поступков, то есть социально значимые последствия.

Поведение человека детерминировано большой совокупностью обстоятельств. К числу этих детерминант относятся и стимулы, под которыми в настоящей работе понимаются средства воздействия на человека в форме наказания или поощрения, а равно угрозы применения наказания или обещания поощрения. В свою очередь стимулирование можно определить как метод мотивации, при котором желательное поведение человека обеспечивается на основе его стремления улучшить удовлетворение какой-либо потребности (получить благо) или избежать ухудшения удовлетворения потребностей (лишения благ). Стимулирование, таким образом, существует в двух формах: позитивной, основанной на поощрениях, и негативной, которая основывается на наказаниях.

Стимулирование — сильное средство воздействия на человека, и потому его социальная полезность определяется целями, которые ставит субъект стимулирования, а также навыками применения. Это сильное оружие, попав в неумелые руки, может быть использовано во вред обществу. Современная практика изобилует примерами некавалифицированного применения стимулов на ведомственном и даже народнохозяйственном уровне, когда ожидаемые положительные результаты той или иной конкретной системы стимулирования через некоторое время полностью перекрывались негативными последствиями и начинали приносить больше вреда, чем пользы. К ним относится, например, стимулирование

предприятий по уровню выполнения планов, особенно основанных на принципе планирования «от достигнутого». Как реакция на это повсеместно утвердилась практика на получение возможно более низких планов, сокрытия резервов и т. п. Подобного рода негативные социальные последствия частично вызваны слабой изученностью достоинств и недостатков стимулирования как средства мотивации поведения человека, практической неразработанностью теории стимулирования.

В обществе имеют место и чисто криминальные варианты использования стимулирования в антисоциальных целях, например, побуждение человека к убийству за денежное вознаграждение. С точки зрения уголовного права такое деяние, будучи реализованным, квалифицируется как разновидность умышленного убийства из корыстных побуждений (пункт «а» ст. 102 УК РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик).

Одним из наиболее спорных вопросов в области стимулирования является вопрос о соотношении позитивного и негативного стимулирования, который является одним из проявлений более общей проблемы о соотношении поощрений и наказаний. В быденном сознании, да и среди специалистов, особенно в области педагогики, бытует представление о возможности, желательности и даже исторической перспективности воспитания без наказаний. Споры об этом возникли не сегодня и периодически выливаются в дискуссии в печати. На утверждение о том, что наказание воспитывает раба, А. С. Макаренко отвечал, что безнаказанность воспитывает хулигана¹.

Негативное стимулирование выступает как угроза применения наказания в случае невыполнения определенным лицом предъявленных требований (общественных норм поведения, правил техники безопасности, норм выработки и сдачи продукции, расхода сырья и т. д.). Человек, не желая подвергаться наказанию, вынужден выполнить поставленную перед ним задачу. Следовательно, здесь работает механизм устрашения. Его возможности ограничены, и это, пожалуй, лучше других поняли бихевиористы. Так, Р. Лапьер отмечал, что как лошадь нельзя заставить пить, когда она этого не хочет, так и человека нельзя заставить вложить душу в порученное дело под страхом физического наказания, если это дело ему не нравится².

Заставить вложить душу, конечно, нельзя, но заставить работать, выполнять требуемое (без души и сердца, автоматически)

¹ Козлов И. Ф. Педагогический опыт Макаренко. М., 1987. С. 152.

² Lapiere R. A Theory of Social Control and Social Behavior. Chicago, 1969. P. 220—226.

можно. В ряде случаев этого бывает достаточно, но в качестве массового универсального средства такой прием не годится. К сожалению, в нормотворческой практике это положение учитывается очень мало. Например, если проанализировать соответствующие разделы уставов добровольных обществ (а их в нашей стране более 1000), то можно увидеть, что, как правило, вопросам наказания уделено значительно больше внимания, чем вопросам поощрения. Авторы этих уставов, видимо, искренне полагают, что люди (единомышленники) добровольно объединяются в основном для того, чтобы нарушать устав.

Этот метод является неэффективным и при определенных ситуациях. Так, в периоды всеобщего бедствия, когда физические и моральные страдания становятся уделом каждого, то есть нормой, негативное стимулирование практически невозможно. Описывая положение рабочего класса в Англии, Ф. Энгельс сделал такой вывод: «Он беден, жизнь не имеет для него никакой прелести, почти все наслаждения ему недоступны, кара закона ему больше не страшна»³.

Аналогично, в период хозяйственной разрухи, безработицы и голода, явившихся следствием первой мировой войны и последовавшими за ними иностранной интервенции и гражданской войны, когда на плечи нашего народа свалились огромные тяготы и лишения, наказание перестало выступать устрашающей силой, ибо оно уже мало что добавляло к фактическому бедственному положению людей. Нужно было применять иной метод — поощрение. На это неоднократно указывал В. И. Ленин⁴. В ряде случаев он прямо указывал, что премий жалеть нельзя⁵. Правда, он ни в коем случае не исключал возможности применения наказаний. «Исполнишь — премия. Не исполнишь — тюрьма»⁶. Это принципиальное положение указывает на неразрывную связь позитивного и негативного стимулирования.

Существуют и другие условия, при которых дальнейшее применение наказаний не эффективно. Так, наказание перестает быть тормозом, когда человек видит безвыходность своего положения и стремится в последние моменты своего существования «урвать» от общества как можно больше, созная, что расплата и так не за горами. Особенно характерно это для расхитителей социалистической собственности всех мастей. Так было в конце 60-х — начале 70-х годов, когда торговля стала переходить на централизованные бухгалтерские операции, так происходит в ряде мест

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2, С. 348.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 554; Т. 37. С.31; Т. 38. С. 98, С. 411 и др.

⁵ Там же. Т. 50. С. 137, 179 и др.

⁶ Там же. Т. 52. С. 38.

сейчас, в связи с общим процессом освобождения нашего общества от всякой «накипи». Это, в частности, объясняет тот факт, почему, несмотря на суровые наказания, применяемые к расхитителям, «непойманные воры» зачастую активизируют свою деятельность.

Мы уже показали, что угроза близкого наказания или жестокое наказание могут приводить к отрицательным поступкам. Это объясняет, почему избранные средства достигают иногда совсем не тех целей, на которые рассчитывали те, кто их применял. Общественное мнение очень часто ратует за ужесточение наказаний за совершенные преступления. Законодатель же, опираясь на многовековую практику человечества, не идет на это. В подтверждение этой мысли рассмотрим такую гипотетическую ситуацию: за все или за большинство возможных преступлений законодателем предусмотрена высшая мера наказания — смертная казнь. Тогда при задержании преступника за любое из этих преступлений, например, кражу, преступнику будет выгоднее и безопаснее всего убить преследователя или преследователей, то есть совершить еще более тяжкое преступление. Тем самым преступник избежит задержания и неминуемой смертной казни.

Эта ситуация подтверждает верность тезиса о том, что зло порождает зло. Излишне суровые наказания стимулируют совершение наиболее опасных преступлений. Это же самое можно сказать и о других видах правонарушений. Вот почему профессиональные юристы всегда отстаивают принцип соответствия тяжести наказания тяжести содеянного, учитывая при этом личность виновного и другие обстоятельства дела. Этот принцип закреплен, в частности, в ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в ст. 22 Основ законодательства об административных правонарушениях Союза ССР и союзных республик.

Поощрения и наказания органически связаны друг с другом, как взаимосвязаны процессы удовлетворения и неудовлетворения потребностей, понятия нормы и позитивного и негативного отклонения от нормы поведения. Негативное стимулирование и наказания становятся неэффективными там, где не применяются позитивное стимулирование и поощрения. И наоборот. Речь, таким образом, должна идти не об абсолютных достоинствах одного из средств воздействия на человека и не об абсолютных недостатках другого, а об их комплексном применении. Оба средства выигрывают от соседства.

Позитивное стимулирование — очень эффективная форма организации стимулирования, если действует не в отрыве от негативного стимулирования. Именно оно должно быть положено в основу всей работы по повышению позитивной активности лично-

сти. Однако приходится констатировать, что нынешнее состояние данной формы организации стимулирования не отвечает потребностям дня. Существуют крупные недостатки в организации оплаты труда и премирования, построении системы тарифов и должностных окладов, организации надбавок и доплат, применении материальных денежных стимулов, в моральном стимулировании труда, практически в зачаточном состоянии находится поощрение свободным временем. Положение нужно менять.

Во-первых, необходима система поощрений. На это указывал еще В. И. Ленин. Система должна быть стройной и одновременно сложной по своей иерархии. По-видимому, она должна быть значительно сложнее существующей в обществе системы наказаний. В настоящее же время наблюдается обратное: система наказаний разработана значительно лучше. Во-вторых, система должна быть «сквозной», то есть пронизывать все сферы и все уровни нашей жизни. Она должна постоянно держать человека «под напряжением», постоянно поддерживать у него желание стремиться вперед. В-третьих, система эта должна постоянно развиваться, совершенствоваться. Здесь пока что большой простор для материального поощрения. С очищением морально-психологической атмосферы в нашем обществе хорошие перспективы могут открыться у морального позитивного стимулирования, которое в последние десятилетия сильно пострадало от двойной морали и в значительной мере девальвировалось. В-четвертых, при поощрении также всегда надлежит учитывать особенности личности поощряемого, его вкусы, наклонности, возрастные особенности и т. п. Наконец, в-пятых, необходима особая, тщательно разработанная поощрительная процедура.

Позитивная и негативная формы стимулирования в определенном смысле являются симметричными формами стимулирования. Это связано прежде всего с тем обстоятельством, что практически любое благо, которое можно человеку дать, у него можно и отнять, а также с тем, что, по-видимому, любому по масштабу социально положительному поведению человека может быть противопоставлено такое же по значимости социально негативное поведение. Таким образом, как по линии поведения (деяния), так и по линии последствий (воздаяния) между позитивной и негативной формами стимулирования может иметь место определенное соответствие.

В самом общем виде оно может быть выражено графиком функции стимулирования (рис. 1). Функция стимулирования отражает зависимость размера стимула (получаемого человеком поощрения или наказания) от уровня результатов поведения. Кривая сплошная линия 8—4—0—2—6 показывает основной характер свя-

зи стимула (от предельно негативного до предельно позитивного) при изменении поведения от предельно социально вредного до предельно положительного. Кривая пунктирная линия могла бы отражать логику стимулирования человека со стороны антисоциальных сил, когда сами цели и идеалы человеческого поведения перевернуты с ног на голову.

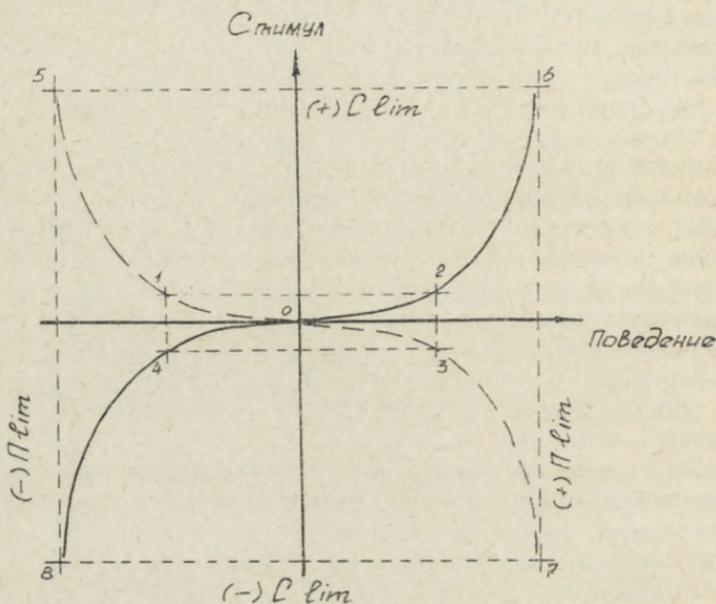

Рис. 1. Обобщенная функция стимулирования
Обозначения: (+) C lim — предел позитивного стимула;
(-) C lim — предел негативного стимула;
(+) П lim — предел позитивного поведения;
(-) П lim — предел негативного поведения

На графике пунктирные прямые 1—4 и 2—3 отсекают от оси поведения пространство нормального поведения, которое наиболее распространено, массово, привычно и потому не заслуживает ни официального поощрения, ни наказания. Конечно, отрезок оси от 0 до линии 1—4 являет собой определенное отклонение в негативную сторону от абсолютно нейтрального для общества поведения, но оно находится в рамках законного поведения и регулируется лишь моральными нормами. На отрезке от 0 до линии 2—3 располагается, в свою очередь, позитивное поведение, в целом заслуживающее положительной оценки, однако уровень его не настолько высок, чтобы быть замеченным и отмеченным на офици-

альной основе. Соответственно и на оси стимулов пунктирными линиями 1—2 и 3—4 отсечен отрезок позитивных и негативных стимулов неформального уровня, устанавливающийся стихийно в соответствии с моральными нормами среды (устная благодарность, похлопывание по плечу, выражение признания, горячее пожатие руки или, наоборот, нежелание подать руку, частное выражение неудовольствия, несогласия и осуждения).

Таким образом, зона графического пространства, ограниченная точками 1—2—3—4, есть зона неформального стимулирования в рамках обычного, нормального поведения. Все остальное пространство графика является зоной официально признаваемого (поощряемого — между линиями 2—3 и 6—7 и осуждаемого — между линиями 1—4 и 5—8) поведения. При этом по мере удаления от границы нормального поведения в положительную или отрицательную сторону размер стимула нарастает сначала постепенно, а затем все более и более круто. Это связано с тем, что такие отклонения в поведении становятся все более исключительными и все более затрагивают интересы общества⁷. Рассмотрим предельные формы человеческого поведения, определяющие расположение линий 5—8 и 6—7, а также предельные стимулы (линии 5—6 и 7—8).

Лимит отрицательного поведения

Из «Похвалы глупости» известного философа Возрождения Эразма Роттердамского следует, что предела человеческой глупости, как и предела человеческой низости, нет. Такой предел, однако же, есть. В каждый конкретный исторический период он определяется вполне конкретно: тяжестью наиболее опасного преступления. С точки зрения современного уголовного законодательства самое тяжкое преступление — измена Родине (ст. 64 УК РСФСР). Одним из наиболее тяжких преступлений признается умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ст. 102). Так же решаются эти вопросы в уголовных кодексах других союзных республик. Однако так было не всегда.

В разные эпохи в разных странах существовали различные по степени тяжести системы преступлений. Известно много доктринальных (теоретических) систем преступлений. Человечество постепенно и очень медленно подошло к необходимости построения

---

⁷ Обоснование такой формы функции стимулирования применительно к качеству продукции см: Греков Л. И. Качество продукции и материальное стимулирование. М., 1972.

иерархии преступлений, исходя из общественной опасности преступных посягательств. С этих позиций наивно, например, звучат утверждения, что наступление на тень фараона есть самое опасное преступление (Древний Египет).

Мы говорим о преступлении, поскольку преступление есть крайняя степень выражения отрицательных поступков человека. Помимо преступлений, отрицательные человеческие поступки включают в себя аморальные и асоциальные проступки, не достигающие степени правонарушений (пренебрежение общепринятыми нормами поведения и морали на бытовом уровне: не уступил место женщине или старику в общественном транспорте, не ответил на приветствие и т. д.); различные правонарушения, не достигающие степени преступлений. Их много и делятся они по отраслям законодательства и по порядку регулирования: трудовые, дисциплинарные, административные и др. По степени конкретизации — от практически не описанных четко и ясно в законе (как трудовые), до достаточно четкого определения (административные). Замыкают этот ряд преступления. К ним относятся только те деяния, которые прямо описаны в законе. Они характеризуются максимально возможной в наши дни четкостью определения границ.

Однако, если абстрагироваться от конкретно-исторических условий и встать на позиции гуманизма, признающего человека высшей ценностью, то убийство следует признать самым тяжким преступлением — самым отрицательным из всех возможных отрицательных поступков. Многие теоретики уголовного права предлагают именно убийство юридически признать самым тяжким преступлением, но законодатель пока на это не идет. Убийство двух лиц, таким образом, следует признать более тяжким преступлением, чем убийство одного человека, трех — еще более тяжким и т. д.

Современному международному праву известен такой вид преступления, как геноцид — полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Варфоломеевская ночь, события в Кампучии или на юге Африки — это примеры геноцида. Есть ли количественный предел? Конечно, есть. Он определяется численностью человечества. Взорвав земной шар, можно уничтожить все население планеты разом. Теоретически это возможно. «В наше время силы смерти столь мощны, что могут уничтожить плоды эволюции всего живого мира. Будет уничтожена и смерть, ибо не станет жизни. К сожалению, убийцы человечества, если такое случится, избегнут наказания, ибо не останется ни субъекта преступления, ни его объекта»⁸.

⁸ Яковлев А. Н. От Трумэна Рейгана. Доктрины и реальность ядерного века. М., 1985. С. 388.

Является ли уничтожение земного шара пределом «отрицательного поведения»? На сегодняшний день, как мы показали, да. А завтра? Рано или поздно человечество неизбежно выйдет за пределы Земли, Солнечной системы, Галактики. Тогда уничтожением планеты нельзя будет уничтожить все человечество и, следовательно, «предел низости» этим не достигается. Это дает нам основание говорить о малой, но все же подвижности этого предела. Эта подвижность настолько мала и ее перспективы настолько отдалены от нас, что мы можем сегодня вовсе не принимать ее во внимание. Тем более, что, достигнув технического уровня развития, позволяющего перешагнуть границы Солнечной системы, человечество сумеет решить и нравственные проблемы самосохранения.

Лимит положительного поведения

Возможен ли он в принципе, ведь принято считать, что добро вечно и беспредельно? Для ответа на этот вопрос надо сначала выяснить, что же мы понимаем под положительным поведением. В отличие от отрицательных поступков, где есть хотя бы схематичное деление: проступок, правонарушение, преступление, здесь нет даже такого. Хотя каждый человек может привести десятки, а то и сотни оттенков «хорошего» поведения. И такое отношение к позитивному поведению наблюдается не только на уровне «бытового» сознания. Даже в Статутах орденов и Положениях о медалях нет четкого деления, какая награда и за что дается человеку. Есть только вехи, общие ориентиры, иногда они определены четко, иногда даны лишь «направляющие линии».

Шкала позитивного поведения начинается с так называемого «нормативного поведения», в котором находят свое отражение социальные нормы, стереотипы, правила, рамки человеческих поступков в данном обществе в данное время. Наиболее распространенный вид нормативного поведения — добросовестное выполнение своих обязанностей на работе и в быту.

Помимо нормативного поведения, есть еще сверхнормативное поведение — то, что превосходит эти нормы (превышение норм выработки, перевыполнение планового задания, досрочное окончание работ и т. д.). Это как раз то поведение, которое заслуживает поощрения прежде всего.

В зависимости от референтной группы понятие нормативности может смещаться. Так, спасти человека из огня для пожарного — работа, нормативное поведение, а для случайного прохожего — подвиг. Кроме двух названных видов существует еще один, который, не являясь усредненной нормой поведения каждого гражданина, в то же время и не выходит за пределы этой нормы. Речь

идет об активном использовании своих субъективных прав (депутат может воспользоваться своим правом депутатского запроса, а может и промолчать и т. д.). Этот вид поведения, на наш взгляд, заслуживает безусловного поощрения, но на практике так происходит далеко не всегда, ибо именно активно пользующиеся своими конституционными правами лица часто являются «возмутителями спокойствия».

Как видим, и приведенная градация «хороших» поступков достаточно условна. Из всего многообразия положительных общественно полезных поступков человечество сумело «озаглавить» только «верхнюю ступень» — подвиг.

«Подвиг» — акт героизма, поступок, требующий от человека предельного напряжения воли и сил, связанный с преодолением необычных трудностей, общественно полезный результат которого превосходит по своим масштабам результаты обычных действий⁹.

Содержание этого понятия изменчиво и, как видно из предложенной дефиниции, зависит от уровня нормы: при «поднятии» этого уровня повышаются и требования к подвигу. Например, говорить правду при одних условиях — подвиг, при других — норма. Чем выше уровень нравственной культуры общества, тем выше требования общества к подвигу. Где же границы положительного поведения, его предел? Он ограничивается историческими и социальными условиями общества и развитием науки и техники в данный период. Он обусловлен также физическими, психическими, биологическими и т. п. ресурсами и возможностями данного конкретного человека и человека как биологического вида. Поэтому высшим подвигом считается тот акт героизма, в котором человек отдал все свои силы и возможности на благо общества, положил самое свою жизнь на его алтарь.

Предел негативного стимула

Человечество в процессе своей истории совершенствовало систему действующих наказаний. Вряд ли найдется такое благо, которое у человека не отбирали бы путем наказания. Наказание — это вид негативной санкции, способ негативного стимулирования. Существует разветвленная сеть негативных санкций: от мер воздействия, применяемых общественными организациями, до системы правовых мер. Вот некоторые примеры: п. 9 Устава КПСС: постановка на вид, выговор (строгий выговор), выговор (строгий выговор) с занесением в учетную карточку, высшая мера — ис-

⁹ Словарь по этике. М., 1970. С. 238.

ключение из партии; ст. 135 КЗоТ РСФСР: замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок; увольнение; ст. 24 КоАП РСФСР: предупреждение, штраф; возмездное изъятие предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения; конфискация предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного данному гражданину (права управления транспортными средствами, права охоты); исправительные работы, административный арест.

Самые суровые негативные санкции — это уголовные наказания. Ст. 21 УК РСФСР: лишение свободы, ссылка, высылка, исправительные работы без лишения свободы, лишение прав занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф, увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред, общественное порицание, конфискация имущества, лишение воинского или специального звания.

Характерно, что во всех правовых актах меры наказания расположены по «восходящей» от менее сурового к более суровому, а в уголовном кодексе система наказаний начинается с самого тяжкого — лишения свободы. В наши дни такой подход неоправдан по той простой причине, что он вольно или невольно ориентирует суды прежде всего на массовое применение наиболее суровых видов уголовных наказаний. В карательной практике судов уже много лет ведущие места занимают как раз лишение свободы и исправительные работы. Между тем, как отмечает академик В. Н. Кудрявцев, «уголовно-правовой запрет следует рассматривать как субсидиарный — в том смысле, что наказание надо устанавливать в качестве последнего средства»¹⁰. В теоретической модели Общей части Уголовного кодекса, разработанной Институтом государства и права АН СССР, это учтено, и ст. 58 содержит перечень видов наказаний, начинающийся со штрафа, то есть с наименее сурового наказания.

При анализе уголовных наказаний видно, что в систему наказаний не включена смертная казнь. Это сделано потому, что сам законодатель считает смертную казнь исключительной мерой наказания.

Есть ли предел у наказания? Есть, он определен рамками человеческой жизни. Поэтому бессмысленно приговаривать человека к лишению свободы сроком в 100—150 лет, что практикуется, на-

¹⁰ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 269.

пример, в США. В СССР максимальный срок лишения свободы составляет 20 лет. Крайняя мера (за гранью всех мер) — смертная казнь. Правда, можно сделать условия существования человека настолько невыносимыми, что смерть будет для него избавлением от страданий.

Истории человечества были известны квалифицированные виды смертной казни: четвертование и колесование на Руси, распиливание шеи деревянной пилой в Японии, сжигание в металлической бочке в странах Востока и т. д. Квалифицированные виды смертной казни причиняли потерпевшему особые страдания и мучения. Итог, тем не менее, был всегда один и тот же — смерть приговоренного. Эта «квалифицированность» носила устрашающий характер и была рассчитана на окружающих.

Особое место занимают позорящие наказания. Они причиняют не столько физические страдания, сколько душевные, как бы ставя на преступнике клеймо изгоя. В разные времена у разных народов существовали различные виды позорящих наказаний: от бритья головы (применяется и сейчас в некоторых странах, исповедующих ислам) до изнасилования (в ассирийских законах). Моральное воздействие этих наказаний бывает весьма сильным, иногда даже приводит к самоубийству наказанного.

Предел позитивного стимула

Если у человека почти всегда найдется, что отнять, то абсолютно всегда ему можно что-то дать. Дать — значит предоставить в распоряжение лица дополнительное благо. Это благо может быть материальным и нематериальным, вещным и духовным. Если насыщение (и пресыщение) материальными благами происходит достаточно быстро, то духовное насыщение (жажда познания, например) в принципе безгранично (оно определено рамками жизни и физических возможностей человека, которые различны у разных людей).

Стройной системы позитивных стимулов нет ни в праве, ни в социологии. Это объясняется отсутствием теории поощрения. Ее нет ни в философии, ни в психологии, ни в социологии. Нет даже единого понятийного аппарата. Существует масса терминов, отражающих различные грани позитивного стимулирования: поощрение, вознаграждение, премия, льгота, привилегия, преимущество, награда и т. д. Единственный, пожалуй, крупный нормативный акт, где есть попытка построить относительно последовательную систему поощрений, это КЗоТ. В ст. 131 КЗоТа РСФСР перечислены следующие виды поощрений: объявление благодарности, выда-

ча премии, награждение ценным подарком, награждение Почетной грамотой, занесение в Книгу почета, на Доску почета.

Вопрос о поощрениях в уставах общественных организаций решается по-разному. Так, Устав КПСС, как уже отмечалось, содержит перечень партийных взысканий, но он совсем не упоминает о возможных поощрениях. Устав профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений говорит о поощрениях вместе с наградами, тем самым отождествляя их друг с другом, что приводит к обесцениванию и тех и других.

Поощрение существует и в других отраслях права, в частности, в уголовном. Это нетрадиционный для правоведения вопрос, ибо уголовное право не раздает наград. Тем не менее поощрение есть и в уголовном праве, хотя оно обладает своей спецификой. Если поощрение в других отраслях права (да и поощрение вообще) всегда выражается в предоставлении человеку дополнительных льгот и благ, то в уголовном праве оно выступает в виде устранения обременений. По сути дела в уголовном праве человеку возвращается то, что у него раньше отобрали в виде наказания (например, свободу), либо не отбирается то, что по общему правилу должно быть отобрано.

Каков предел у позитивного стимула? Им является перспектива обретения человеком бессмертия, т. е. бессмертия в памяти человечества. Этот стимул является сильнейшим человеческим побуждением, вдохновляет его на крайнее напряжение сил, на героические подвиги.

ПОНЯТИЕ «КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

В. Н. Сомин

Решительное усиление борьбы с преступностью ставит перед криминологической наукой исключительно большие и ответственные задачи. Их суть видится прежде всего в том, чтобы надежно обеспечить практику предупреждения преступности необходимыми рекомендациями по радикальному повышению ее эффективности. При решении этих задач крайне важно руководствоваться методологическим положением, в соответствии с которым «партия принципиально ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику»¹.

Как показывают материалы региональных прикладных криминологических исследований, к числу проблем, имеющих первостепенное практическое значение, следует отнести проблему целенаправленного воздействия на причины и условия преступности. Центральный ее аспект — разработка теоретической концепции криминологической политики, социальное предназначение которой усматривается в научном обосновании стратегии и тактики предупреждения преступности применительно к разным уровням территориальной организации общества. Отсюда вытекает вся теоретическая и практическая значимость исследования самого понятия «криминологическая политика», заключающего в себе многие исходные положения, на основе которых разрабатывается здание концепции.

Словосочетание «криминологическая политика» достаточно заметного распространения в теории и практике пока не получило. Обычно его употребляют при анализе составных частей политики, когда наряду с уголовно-правовой, судебной, исправительно-

---

¹ Федосеев П. Наука на этапе ускорения // Коммунист. 1986. № 5. С. 36.

трудовой политикой выделяют и этот ее компонент. До сих пор не сложилось общепринятое понимание содержания и смысловой нагрузки термина, хотя его объект в целом ясен — сфера предупреждения преступлений. Сейчас можно говорить о наметившемся процессе усиления внимания к данной проблеме, о чем свидетельствуют соответствующие теоретические разработки, например, Г. А. Аванесова, П. С. Дагеля, М. М. Бабаева.

«Криминологическая политика на своем специальном уровне, — отмечает Г. А. Аванесов, — решая круг специфических проблем, предполагает построение такой теоретическо-практической системы мер, которая обеспечивала бы изучение преступности и ее причин, устранение этих причин, а также условий и обстоятельств, способствующих совершению преступлений, позволяла бы выявлять и изучать лиц, склонных в силу антиобщественного поведения к преступлению, оказывать нужное профилактическое воздействие на таких лиц. ...Криминологическая политика есть не столько система рычагов, сколько направление их воздействия»². Сразу же оговоримся: приведенное высказывание Г. А. Аванесова, строго говоря, не есть определение термина «криминологическая политика». Судя по всему, речь идет только об определенных аспектах общественного явления, отражаемого данным понятием, что, как известно, не одно и то же. Вместе с тем автор, подчеркивая существенные стороны криминологической политики как явления, тем самым дает основу содержания адекватного термина.

Данная интерпретация криминологической политики не лишена спорных моментов. Главный недостаток содержательного характера видится в необоснованном ограничении основного содержания политических отношений в области предупреждения преступности построением системы мер, имеющих криминологическое значение, определением направлений их воздействия.

Несколько иное толкование криминологической политики (буквально — «политики в области профилактики преступлений») дано П. С. Дагелем. Согласно ему она «определяет основные направления, цели и средства деятельности государственных органов и общественности, специально направленной на предупреждение преступлений путем устранения причин и условий, их порождающих, оказания предупредительно-воспитательного воздействия на лиц, склонных к их совершению»³. Абстрагируясь от некоторых формально-технических недостатков дефиниции, заметим: в сравнении с предыдущей эта представляется нам более привлекатель-

² Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 499.

³ Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики. ДВГУ. 1982. С. 83.

ной. Так, она четко предусматривает главные элементы политики вообще — постановку целей, определение основных направлений, средств достижения целей. В то же время нельзя не признать ошибочным положение, в силу которого криминологическая политика связана лишь со специально-криминологической деятельностью по предупреждению преступлений. Система предупреждения преступности включает общесоциальный и специально-криминологический уровни. Действие процесса предупреждения преступности определяет профилактическая практика на общесоциальном уровне, ибо она прямо противодействует общим причинам преступности, ограничивая и устраняя их... и тем самым предотвращает самую возможность возникновения или пресекает развитие цепи причин конкретных преступлений... создает благоприятную обстановку и условия для предупреждения преступлений на специально-криминологическом уровне...»⁴ Стало быть, если согласиться с оспариваемым положением П. С. Дагеля, то следовало бы прийти к выводу о существовании двух политик в области предупреждения преступности (той, которая связана со специально-криминологическим предупреждением, и той, на которой основывается общесоциальное предупреждение), несостоятельность чего очевидна. Здесь вернее говорить о двух «срезах» криминологической политики. Другое уязвимое для критики место анализируемого определения является общим для названных схем трактовки политики. Речь идет о неопределении степени общности его важнейших элементов — целей, задач, направлений профилактики.

Не совсем четкую позицию по рассматриваемому вопросу занимает М. М. Бабаев. Он пишет: «Криминологическая политика — это осуществляемая под руководством КПСС на основе общесоциальных и с помощью специально-криминологических мер целенаправленная и научно обоснованная деятельность государственных органов и общественных организаций по выявлению факторов и механизмов преступного поведения, устранению из жизни общества причин, порождающих преступления, исправлению и перевоспитанию лиц, совершивших преступления»⁵. В данном случае правильно обозначается «поле действия» криминологической политики — общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение. Однако определение «криминологической политики» сформулировано в общей форме, вследствие чего указаны не все наиболее существенные стороны понятия.

Рассмотренные определения «криминологической политики» вместе с аналогичными разработками представителей других от-

⁴ Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С. 34—35.

⁵ Бабаев М. М. О соотношении уголовной и криминологической политики. // Проблемы социологии уголовного права. М., 1982. С. 7.

раслей правовой науки представляют собой ценную теоретико-информационную базу для дальнейших исследовательских поисков. Пользуясь этой базой, а также соответствующими разработками философов, социологов, демографов, позволим себе предложить такую дефиницию: «криминологическая политика» — термин советской криминологии, отражающий социальное явление, имеющее своим содержанием определение Коммунистической партией, Советским государством, общественными организациями общих принципов, целей и задач (общих) направлений, (общих) методов деятельности государственных и негосударственных органов, организаций по устранению (нейтрализации, ослаблению действия) причин и условий преступности, конкретных преступлений.

Безусловно, такое определение не претендует на бесспорность. Затронутая проблема относится к разряду наименее разработанных и поэтому нуждается в интенсивном изучении. Вот почему наше определение понятия «криминологическая политика» нужно рассматривать не более как одну из возможных основ ее дальнейшего исследования.

Являясь теоретическим понятием, «криминологическая политика» выполняет ряд методологических функций, в частности, способствует объяснению эмпирических законов и обобщений, расширению, развитию систематизации криминологического знания. Посредством этого понятия можно в значительной мере объяснить характер локального, регионального... проявления основного криминологического закона социализма — постепенного устранения причин и условий преступности, уменьшения степени их криминогенности.

Преступность — многофакторное явление, она детерминирована сложным комплексом явлений, процессов. С созданием социалистического государства, ликвидировавшим частную собственность на орудия и средства производства, как известно, устраняется лишь коренная причина правонарушений, в том числе преступлений — эксплуатация масс, нужда и нищета их. В то же время продолжают не только существовать, но и действовать другие факторы, вызывающие преступность. «При социализме, — констатирует В. Н. Кудрявцев, — общество еще не устраняет объективных экономических и социальных различий; оно еще и не достигает высшей ступени развития коммунистического сознания у различных слоев населения. Вот почему сохраняются и отрицательные антиобщественные поступки...»⁶

Строительство социализма сопряжено с успешным решением экономического, социального, идеологического порядка задач, вследствие чего криминогенные явления постепенно устраняются.

⁶ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 177.

Это с объективной необходимостью вызывает позитивные изменения в социально-криминогенном комплексе. В свою очередь данная тенденция обуславливает другую — постепенное сокращение преступности, понижение степени ее общественной опасности. Однако для свободного проявления основного криминологического закона нужны не только объективные, но и субъективные предпосылки. В ряду последних, пожалуй, центральное место занимает криминологическая политика. Интегральным показателем степени социальной зрелости этой политики, то есть соответствия ее объективным закономерностям, является характеристика криминальной ситуации. Благоприятный характер изменений в ней свидетельствует о позитивных сдвигах в социально-криминогенном комплексе и, следовательно, научно обоснованной криминологической политике, и, наоборот, ее нежелательная эволюция сигнализирует о негативных процессах в нем, серьезных просчетах в разработке или реализации криминологической политики.

Как видно, оперируя данным понятием, мы как бы пользуемся своеобразным инструментом, с помощью которого способны в немалой степени объяснить зафиксированную на той или иной территории криминальную ситуацию. Термин «криминологическая политика» способен обогатить криминологическую науку целой системой как фундаментальных теоретических положений, так и эмпирических обобщений и фактов.

По нашему мнению, разработка теоретической концепции высокоэффективной, локальной, региональной криминологической политики есть тот главный рубеж, на достижение которого в конечном счете должна быть нацелена теория криминологии. Решение этой проблемы будет означать создание важнейшей предпосылки перевода криминально-профилактической практики на прочную научную основу. Пока же ее в полном объеме, видимо, нет. При этом исходим из того, что краеугольным камнем профилактики является определение максимальных реалистических целей предупреждения преступлений. Их надлежит рассматривать как сложную многоэлементную территориально дифференцированную систему, без глубокого уяснения которой достаточно эффективная деятельность по устранению криминогенных факторов просто невозможна. Между тем пока этот вопрос в литературе почти не освещается. Широкое введение в научный оборот понятия «криминологическая политика» повлечет за собой активизацию исследования не только проблемы целей предупреждения преступности, но и других новых крупномасштабных проблем (например, задачи, основные направления криминологической стратегии и тактики; «дерево» средств достижения целей предупреждения преступности; механизм реализации криминологической политики), что заметно расширит нынешние рамки криминологического знания.

По сути дела, речь идет о предпосылках нового направления, связанного с социальным управлением предупреждения преступности и потому представляющего собой приоритетную область фундаментальных исследований.

Максимальную ценность теоретическое знание имеет тогда, когда оно строго системно, обязательное условие чего состоит в разработке системы посылок теории. Однако для их формулирования требуется та или иная совокупность основных теоретических понятий⁷. В ряду основных посылок советской криминологии особое место принадлежит утверждению, в соответствии с которым в условиях социализма предупреждение преступности — сознательный целенаправленный процесс. Термин «криминологическая политика», будучи важнейшим элементом содержания понятия «управление предупреждением преступности», позволяет не только четко сформулировать эту посылку, но и раскрыть ее содержание. С учетом сказанного можно говорить о его активной роли в систематизации криминологического знания и, следовательно, в дальнейшей разработке криминологической теории как таковой.

В пирамиде терминов криминологии особое место занимают базисные понятия, образующие основу ее понятийного содержания. К ним следует отнести прежде всего такие понятия, как «преступность», «причины преступности», «личность преступника», «предупреждение преступности»⁸. В эту группу входит и понятие «криминологическая политика». При этом учитываем ту исключительно активную роль, которую играет в деле устранения причин и условий преступности социальная деятельность, отображаемая этим понятием. Таким образом, появление «криминологической политики» привело к расширению круга теоретических понятий криминологии и, значит, развитию этой отрасли научного знания.

Кроме того, термин в известной мере «возмутит» относительно сложившуюся понятийную систему криминологии. Согласно М. М. Бабаеву, понятие «криминологическая политика» охватывает такое коренное понятие, как «предупреждение преступности»⁹. Отсюда вытекает необходимость внесения существенных коррективов в уже ставшую традиционной структуру системы базисных понятий криминологии, в сложную сеть связей, отношений (координации, субординации) между ними.

Введение анализируемого понятия сопряжено с возникновением целого ряда новых пристокающих из его содержания поня-

⁷ Рузавин Г. Н. Научная теория. Логико-методологический анализ. М., 1978. С. 102.

⁸ См.: Долгова А. И., Коробейникова Б. В., Кудрявцева В. Н., Панкратова В. В. Понятия советской криминологии. М., 1985. С. 3.

⁹ См.: Бабаев М. М. О соотношении уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права. М. 1982. С. 7.

тий. В качестве таковых можно назвать, например, «криминологическую стратегию», «криминологическую тактику», «механизм реализации криминологической политики», «корректирование криминологической политики». В свою очередь они влекут за собой появление других (подчиненных им) криминологических терминов. Все это, естественно, тоже не может не вызывать модификацию категориального аппарата криминологической науки.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ИЗВЛЕЧЕНИЕМ НЕТРУДОВЫХ ДОХОДОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКРЕТНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

С. А. Елисеев, Л. М. Прозументов

Стоящие перед советским государством задачи перспективного развития социалистических общественных отношений, совершенствования социалистического образа жизни, укрепления законности и правопорядка, воспитания высокой гражданственности, уважения к советским законам и правилам общежития, нетерпимости к любым их нарушениям с необходимостью требуют дальнейшего серьезного анализа причин и условий, а также путей и средств преодоления негативных явлений в общественном сознании и поведении людей.

В решении задачи борьбы с преступлениями и правонарушениями наряду с применением правовых средств большое значение придается воспитательно-пропагандистским и организационным средствам. Для того, чтобы последние были эффективными, необходимо глубокое и всестороннее изучение уровня правовой культуры населения, морально-психологического климата, сложившегося в конкретном коллективе, состояния общественного мнения как в отношении лиц, совершивших противоправные действия, так и относительно деятельности соответствующих органов государства, общественности, которые должны осуществлять борьбу с правонарушениями и преступлениями.

Общественное мнение, как отмечается в научной литературе, «своеобразным способом отражает и выражает социальные требования и интересы различных классов и слоев населения»¹. Будучи социально-психологическим образованием, общественное мнение в оценках тех или иных факторов, событий экономического, культурного и иного характера несет и определенное знание², в том числе о реально наблюдаемых населением явлениях.

---

¹ Ганчев Д. Изучение и формирование общественного мнения. М., 1983. С. 33.

² См.: Уледов А. К. Общественная психология и идеология. М., 1985. С. 96.

Борьба с нетрудовыми доходами является важной функцией социалистического государства. Для повышения эффективности предупреждения извлечения нетрудовых доходов большое значение имеет изучение общественного мнения. Оно позволяет судить о результативности работы системы правоохранительных органов по пресечению извлечения нетрудовых доходов, о ответственности существующей системы правового воспитания населения, о содержании и направленности отношения отдельных лиц, социальных групп, слоев населения к общенародной и личной собственности граждан. Значение изучения общественного мнения состоит и в том, что оно, как справедливо заметил Р. А. Сафаров, позволяет лучше связывать научные решения с жизнью, гарантирует реализм обобщений и оценок³.

В целях изучения уровня правосознания населения применительно к проблеме нетрудовых доходов нами был проведен в 1988 г. выборочный опрос членов трудовых коллективов ряда предприятий, организаций, учреждений Томска. Респондентам предлагалось самостоятельно ответить на 17 вопросов анкеты. После получения и выбраковки материала предметом изучения стало вполне допустимое для дальнейшего анализа с учетом ошибки репрезентативности в 3—5% число анкет, удовлетворявшее цели исследования.

Анализ ответов респондентов показал, что подавляющее число опрошенных относят к нетрудовым доходам доходы, полученные в результате совершения таких конкретных преступлений, как спекуляция, взяточничество, хищения. Так, 54,3% опрошенных считают нетрудовым доходом доход, полученный от спекуляции; 37,0% — от получения взяток, 36,5% опрошенных отнесли к нетрудовым доходам доходы, полученные в результате хищений (всех видов), 12,2% — путем злоупотребления отдельных должностных лиц служебным положением. Нельзя не отметить то обстоятельство, что 10,8% опрошенных граждан отнесли к нетрудовым доходам, получаемые членами кооперативов, причем не всех кооперативов, а преимущественно осуществляющих свою деятельность в сфере общественного питания.

В то же время почти каждый четвертый опрошенный нами имеет свое, более или менее обобщенное представление о понятии «нетрудовые доходы» и не связывает их с конкретными преступлениями. Они относят к нетрудовым доходам, получаемые любыми противозаконными способами, и отмечают, что по своей сути нетрудовым является любой доход, полученный без соответствующих затрат физического или умственного труда, в результате присво-

---

³ См.: Сафаров Р. А. Общественное мнение: изучение и действительность. // Правда. 1981. 25 сент.

ения чужого труда. В большей мере такое представление о сущности нетрудовых доходов характерно для лиц с более высоким образовательным уровнем⁴.

Как видим, большая часть опрошенных граждан в своей повседневной жизни руководствуется обыденным представлением о правовой категории «нетрудовой доход». Это представление, как правило, не выходит за рамки конкретных жизненных ситуаций, с которыми они сталкиваются как непосредственно, так и опосредованно (через друзей, знакомых, родственников и иных лиц). Несомненно, что на представлениях людей о круге общественно опасных деяний, имеющих корыстную направленность, сказывается неопределенность используемого законодателем понятия «нетрудовой доход». Как известно, законодателем оно не раскрыто, а в правовой теории нет единого подхода к его определению. Определение понятия «нетрудовой доход» дают не только теоретики и практики, занимающиеся проблемами уголовного права, но и специалисты других отраслей советского права (административного, гражданского). Естественно, что применительно к той или иной отрасли советского права само понятие «нетрудовой доход» наполняется различным содержанием. Не подлежит сомнению, что отсутствие законодательного определения нетрудовых доходов, различная интерпретация этого понятия в теории не позволяет в доступной для населения форме раскрывать это понятие в научно-популярной литературе, публицистике.

Исследование показало, что граждане в целом выразили глубокую озабоченность общественной опасностью корыстных преступлений. При этом наиболее опасными они сочли преступления, доля которых в структуре корыстной преступности сравнительно невелика. Наиболее опасными для общества деяниями, с помощью которых извлекаются нетрудовые доходы, по мнению опрошенных, являются спекуляция (на нее указали 37,8%), взяточничество (34,7%), преступления против социалистической и личной собственности (21,3%), злоупотребление служебным положением (13,4%). 11,3% опрошенных считают, что общественную опасность в равной мере представляют все противоправные способы извлечения нетрудовых доходов.

Казалось бы, что кражи, грабежи, разбои, другие корыстные посягательства на социалистическую и личную собственность с учетом их распространенности, размера причиняемого ущерба должны оцениваться населением как предоставляющие большую опасность для общества, чем, например, спекуляция, взяточниче-

⁴ Такое понимание сущности понятия «нетрудовой доход» высказали около 20% опрошенных рабочих, почти 30% служащих. (В нашем исследовании к последним относятся ИТР предприятий, научные работники, преподаватели, работники учреждений культуры).

ство. Но этого не произошло. Причину такого положения объяснить однозначно, без проведения специального, более глубокого исследования социальных, экономических, социально-психологических процессов, происходящих в обществе, в настоящей статье не представляется возможным. Однако можно предположить, что в числе прочих обстоятельств, повлиявших на результаты ответов респондентов, в частности, на высокую оценку общественной опасности спекуляции, могло быть то, что в условиях существующего в настоящее время дефицита товаров и предметов личного потребления население так или иначе непосредственно сталкивается с субъектами этой противоправной деятельности.

Исследование показало, что почти каждый третий из опрошенных нами лиц часто сталкивается с людьми, живущими на нетрудовые доходы. На это указали 46,8% служащих и 26,4% опрошенных рабочих. Почти половина респондентов отметили, что им только изредка приходилось встречать людей, живущих на нетрудовые доходы. Соотношение опрошенных рабочих и служащих, указавших на это обстоятельство, оказалось примерно одинаковым. По мнению 10,8% опрошенных, им вообще не приходилось сталкиваться в жизни с подобной категорией лиц. Удельный вес рабочих, ответивших таким образом, составил 8,9%, служащих — 6,6%. Не ответили на вопрос анкеты — 8,4% респондентов (из них рабочие составили 14,7%, служащие — 4,4%).

Приведенные выше данные дают возможность предположить наличие большей степени терпимости к асоциальному корыстному поведению у опрошенных нами рабочих. Подавляющее число респондентов (73,5%) считают, что пресекать получение нетрудовых доходов должна милиция. Среди других органов, которые, по мнению опрошенных, должны вести работу в этом направлении, были названы: народный контроль — 16,1%; прокуратура — 3,9%; финансовые органы — 3,9%; советы трудовых коллективов — 7,8%. 11,3% из числа опрошенных считают, что пресекать получение нетрудовых доходов должны в равной мере все правоохранительные органы.

Практически все опрошенные (96,9%) считают, что указанные ими органы государства не справляются с выполнением задачи по пресечению извлечения нетрудовых доходов. Причины такого положения попытались объяснить только 46% из числа всех опрошенных граждан. Среди причин, указанных в анкетах, были названы: бездеятельность, заинтересованность отдельных работников правоохранительных органов в извлечении нетрудовых доходов (на это указали 17,1% из всех опрошенных или около 40% объяснивших причины создавшегося положения), несовершенство правового регулирования деятельности по пресечению нетрудовых доходов, недостаточный профессионализм работников, осу-

ществляющих эту работу, отсутствие информации о распространении этого негативного явления, которое приобрело, по мнению опрошенных, массовый характер и др.

Исследование показало, что население в целом скептически относится к эффективности работы правоохранительных органов в сфере борьбы с извлечением нетрудовых доходов. Отвечая на вопрос анкеты о том, пресекает ли милиция деятельность лиц, извлекающих нетрудовые доходы из эксплуатации личного транспорта, государственного транспорта; использования строительной и иной техники; продажи спиртных напитков домашнего изготовления; кустарно изготавливаемых меховых изделий, большинство респондентов считают, что такая работа проводится крайне неудовлетворительно.

Лишь каждый пятый опрошенный считает, что милиция предпринимает все необходимые меры для пресечения названных правонарушений. Каждый третий полагает, что меры, принимаемые милицией, являются недостаточными для пресечения этих правонарушений. А 29,1% утверждают, что работники милиции вообще не пресекают эти правонарушения (15,6% не ответили на поставленный вопрос). Представляется, что на содержании приведенных выше ответов в определенной мере сказалось субъективное отношение к деятельности отдельных работников милиции. Больше половины опрошенных (52,1%) утверждают, что они сталкивались с конкретными случаями, когда работникам милиции было известно о существовании лиц, извлекающих нетрудовые доходы, однако никаких мер пресечения не принималось. Этим и объясняется то обстоятельство, что только каждый десятый из опрошенных нами лиц видит в милиции орган, способный успешно бороться с извлечением нетрудовых доходов. 16,9% полагают, что милиция в принципе может справиться с этой задачей, если будет «более добросовестно выполнять свои функции», «очистит свои ряды от нечестных сотрудников», будет проявлять большую инициативу в привлечении широких слоев населения к этой работе. Респонденты предлагают свои варианты субъектов, могущих оказать существенную помощь милиции в этой работе (трудовые коллективы предприятий, организаций, органы народного контроля, средства массовой информации, некоторые общественные организации трудящихся и др.). В то же время только 36,2% опрошенных лиц допускают возможность своего личного участия в пресечении извлечения нетрудовых доходов отдельными гражданами. Следует сказать, что признание такой возможности еще не означает готовности к ее реализации в практической деятельности граждан в конкретных жизненных ситуациях. В частности, только 11,7% от всех опрошенных лиц, или около 40% от лиц, допускающих возможность личного участия в пресечении

извлечения нетрудовых доходов, по их словам, реально пытались совершать действия, направленные на пресечение извлечения нетрудовых доходов (ставили вопрос перед трудовыми коллективами, товарищеским судом, правоохранительными органами о пресечении извлечения нетрудовых доходов конкретными лицами).

В то же время каждый третий респондент убежден, что милиция и иные правоохранительные органы должны сами заниматься выявлением всех правонарушений, имеющих целью извлечение нетрудовых доходов. При этом около 7,0% из числа опрошенных нами лиц считают, что особая роль в проведении этой работы должна принадлежать участковым инспекторам милиции, которые, по их мнению, в настоящее время практически этой работой не занимаются.

По мнению респондентов, в наибольшей мере имеют возможность извлекать нетрудовые доходы работники торговли (на это указали 61,3%), сферы обслуживания (36,9%), аппарата управления (16,7%), предприятий общественного питания (15,2%), члены кооперативов (13,4%). 14,7% респондентов считают, что есть возможности для извлечения нетрудовых доходов во всех сферах деятельности. Меньшая часть опрошенных среди сфер деятельности, дающих возможность извлекать нетрудовые доходы, назвала медицинское обслуживание населения. 6,1% опрошенных считают, что нетрудовые доходы имеют возможность извлекать работники станций технического обслуживания автомобилей, 8,6% — работники правоохранительных органов (милиции, прокуратуры, суда).

Анализ ответов респондентов показал, что представление о правовых средствах борьбы с извлечением нетрудовых доходов отличается узостью и связано, как правило, с двумя-тремя составными корыстных преступлений (спекуляция, взяточничество, хищения). Причем следует отметить, что 13,9% опрошенных вообще не знают о видах ответственности за те или иные способы извлечения нетрудовых доходов. 15,2% не ответили на предложенный им вопрос. У абсолютного большинства опрошенных нет знаний о существующих средствах административно-правовой ответственности за извлечение нетрудовых доходов.

Поэтому становится понятным и объяснимым мнение большей части опрошенных лиц связать повышение эффективности борьбы с нетрудовыми доходами с необходимостью усиления уголовной ответственности (на это указали 66,5% респондентов). В частности, около 15% опрошенных предлагают усилить ответственность членов кооперативов, получающих нетрудовые доходы от изготовления и реализации продуктов питания, некоторая часть

предлагает ввести уголовную ответственность за занятие проституцией.

Таким образом, только незначительная часть опрошенных допускает возможность личного участия в борьбе с корыстной преступностью вообще и с извлечением отдельными гражданами нетрудовых доходов в частности. Большая часть опрошенных нами лиц не высказала своего желания оказывать содействие правоохранительным органам в проведении этой работы (мотивы такого отношения назывались самые разные: от отсутствия возможности личного участия до откровенного нежелания).

Более того каждый пятый респондент считает вполне допустимым для себя совершение мелких хищений социалистического имущества по месту работы. Удельный вес рабочих, допускающих возможность подобного правонарушения, достигает почти 28%, служащих — 12%. При этом мнение различных категорий служащих оказалось разнополярным. Так, работники научных учреждений, преподаватели, лица, занятые в сфере культуры, в своих ответах исключают для себя возможность совершения мелких хищений не только по месту работы, но и вообще. В то же время немало (почти 20%) инженерно-технических работников промышленных предприятий считают допустимым совершение мелких хищений по месту работы.

Возможность совершения мелких хищений обосновывается рядом обстоятельств, среди которых наиболее часто упоминаются следующие: «невозможность приобретения предметов хищения законным путем», «имущество все равно пропадет», «в магазине ничего нет, а если есть, то цены — недоступные» и т. п. Респонденты не видят в существующих в настоящее время общественных организациях реальной силы, способной оказывать необходимую помощь государственным органам в борьбе с извлечением нетрудовых доходов. Лишь 13,9% опрошенных нами лиц полагают, что эффективность пресечения извлечения нетрудовых доходов будет выше только при условии взаимодействия государственных органов с общественностью.

Полагаем, что на характер и содержание ответов респондентов в определенной степени оказали влияние те источники информации, формирующее общественное мнение о состоянии и мерах борьбы с извлечением нетрудовых доходов, которыми они пользовались. Подавляющее большинство опрошенных (83,0%) получали информацию из периодических изданий (газеты, журналы), 77,8% — из радио и телевизионных передач. Если учесть, что в последние годы в публикациях газет и журналов, радио и телевизионных передачах основной уклон был сделан на освещение негативных сторон общественной жизни, в том числе очень часто средства массовой информации акцентировали свое внима-

ние на недостатках в работе правоохранительных органов, то становятся понятными причины как невысокого уровня правосознания большей части опрошенных, так и их отношения к деятельности правоохранительных органов. Такое положение усугубляется еще и тем, что одним из серьезных источников информации, по мнению опрошенных, являлись сведения, услышанные ими от незнакомых лиц, с которыми они случайно сталкивались в различных местах (на это указали 16,9% от всех опрошенных нами лиц), а также знакомых (друзья, сослуживцы по работе, соседи), которые являлись источником информации для каждого третьего респондента.

Исследование показало, что лишь незначительное число опрошенных получало информацию о состоянии и мерах борьбы с извлечением нетрудовых доходов из компетентных источников: из публичных лекций, читаемых юристами по линии общества «Знание» — 18,6%, из встреч с работниками правоохранительных органов — 14,8%. Чаще получали информацию из публичных лекций о правовых мерах борьбы с нетрудовыми доходами научные работники, преподаватели, работники сферы культуры. Эта же категория граждан в большей мере, чем другие группы опрошенных, получала информацию из газет и журналов. Рабочие предприятий, как показывают результаты исследований, в меньшей мере ориентированы на получение информации в официальных источниках. Они чаще, чем служащие, указывают в своих ответах на неофициальные источники получения информации.

Среди обстоятельств, побуждающих граждан заниматься извлечением нетрудовых доходов, респонденты в своих ответах указали следующие: стремление определенной части людей к обогащению — 36,9%; наличие своеобразного престижного стремления «жить не хуже других» — 36,9%; вести праздную жизнь — 33,9%; нежелание работать — 20,4%, пьянство — 15,2%, тяжелое материальное положение — около 5%. В этой связи нельзя не отметить противоречивость в объяснении определенной частью опрошенных причин извлечения нетрудовых доходов, в частности лицами, допускающими возможность извлечения нетрудовых доходов путем совершения мелких хищений.

Как отмечалось, многие из них связывали допустимость совершения мелких хищений с объективными обстоятельствами (дефицит предметов потребления, бесхозяйственность и т. п.), которые были лично персонифицированы, т. е. рассматривались по отношению «к себе». При объяснении обстоятельств, побуждающих извлекать нетрудовые доходы вообще, на первый план вышли факторы субъективного порядка, отражающие отдельные негативные стороны личности. Лишь немногие из ответивших были последовательными в ответах на вопросы анкеты, указывая как

субъективные, так и объективные обстоятельства, побуждающие извлекать нетрудовые доходы.

Резюмируя результаты исследования, считаем возможным сделать следующие основные выводы.

1. Следует отметить недостаточную активность, проявленную населением при заполнении предложенных анкет. Наименьшую активность проявили работники предприятий общественного питания и научные работники (только около 30% лиц, которым были розданы анкеты, ответили на поставленные вопросы). Более активными оказались рабочие и инженерно-технические работники промышленных предприятий (около 80% от всех лиц этой социальной группы, которым были розданы анкеты, заполнили их). Всего анализу было подвергнуто 450 анкет.

2. Объем правовой осведомленности населения применительно к изучаемой проблеме оказался весьма невысоким. Лишь незначительная часть опрошенных показала достаточные знания правовых установлений, направленных на пресечение извлечения нетрудовых доходов и умение применять эти знания при оценке конкретных жизненных ситуаций, возникающих в сегодняшней практике социалистического строительства.

3. Отмечая наличие высокого интереса у граждан к проблемам защиты социалистической, личной собственности, а также к деятельности органов, осуществляющих эту защиту, отметим, что интерес этот имеет пассивный («потребительский») характер и не вызывает желания непосредственно способствовать деятельности государственных органов по пресечению извлечения нетрудовых доходов.

4. Считая, что основную роль в борьбе с извлечением нетрудовых доходов должны выполнять правоохранительные органы (главным образом, органы МВД), население критически оценивает их деятельность в этом направлении.

5. Не нашло подтверждения мнение, высказанное рядом ученых на страницах юридической печати, о высокой степени активности широких слоев населения в борьбе с антиобщественными проявлениями. Напротив, как показало проведенное исследование, следует говорить о низкой активности населения в борьбе с антиобщественными проявлениями.

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

В. А. Уткин

Гуманизация законодательства о борьбе с преступностью, расширение применения мер, не связанных с реальным лишением свободы, требуют повышения роли общественности, трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений среди осужденных без лишения свободы и судимых. Коренное социально-экономическое и социально-политическое положение общественных формирований трудовых коллективов в советском обществе, отсутствие эксплуатации, классовых антагонизмов, единство основополагающих идейных и моральных ценностей позволяют говорить об объективном «профилактическом» интересе, присущем всем элементам политической системы социализма и отражающем объективную потребность в предупреждении преступлений, как деяний, нарушающих «элементарные» условия общежития. В то же время объективный «профилактический» интерес не реализуется автоматически. Нужна кропотливая работа по «переводу» его в осознанные потребности конкретных коллективов, общественных формирований, личностей. В этой связи поставленная в ходе перестройки задача повышения роли человеческого фактора, создания мощной системы мотивов и стимулов творческой деятельности на общее благо¹ имеет прямое отношение к участию общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений.

В криминологической литературе правовое стимулирование профилактической активности трудящихся расценивается как перспективное направление совершенствования предупредительной работы². Между тем ему пока уделяется мало внимания в науке и практике. Опрос большой группы трудящихся и шефов-настав-

¹ Основные положения коренной перестройки управления экономикой: Постановление Пленума ЦК КПСС от 25 июня 1987 года //Коммунист. 1987. № 10. С. 68.

² Долгова А. И. Социально-правовая активность в сфере борьбы с преступностью и проблемы ее формирования. //Проблемы участия общественности в борьбе с преступностью. М., 1978. С. 6—7.

ников осужденных без лишения свободы показал, что в числе недостатков организации профилактической работы в числе главных отмечается отсутствие ее должного стимулирования. Такой недостаток отметили 44% шефов-наставников и 42% всех трудящихся. Аналогичный ответ дали свыше 40% сотрудников инспекций исправительных работ и около половины опрошенных народных судей.

Пути повышения профилактической активности общественности, трудовых коллективов многообразны, однако роль права здесь вряд ли можно преуменьшить. Причем правовая реформа, совершенствование юридических форм регулирования общественной жизни предполагают повышение стимулирующей, мотивационной функции права³. И в этой связи проблема правового стимулирования профилактической активности общественности, трудовых коллективов должна решаться как в комплексе с иными юридическими аспектами профилактики рецидива, так и с учетом экономических, политических, идеологических преобразований в обществе.

Существует несколько уровней стимулирующего воздействия права на предупредительную деятельность общественности, трудовых коллективов⁴. Первый связан с созданием объективных условий формирования и реализации профилактических устремлений трудящихся. Такое опосредованное стимулирование во многом определяется уровнем и качеством юридической регламентации применения мер, не связанных с изоляцией от общества. И в этом смысле уже сам факт более широкого применения последних расширяет объективные возможности проявления профилактической активности общественности, трудовых коллективов.

Существенное значение для стимулирования предупредительной активности трудящихся имеет расширение системы признаваемых законом негосударственных субъектов профилактики. Так, официальное признание субъектами профилактики наряду с трудовыми коллективами, общественными организациями учебных коллективов, коллективов граждан по месту жительства, отдельных заслуживающих доверия лиц будет способствовать более полному выявлению их предупредительных возможностей.

Важную роль играет и расширение конкретных профилактических полномочий общественности, трудовых коллективов, в частности, предоставление им более широких возможностей влиять на ход и исход рассмотрения уголовного дела, на реализацию на-

---

³ Тихомиров Ю. А. Закон в социалистическом правовом государстве. // Советское государство и право. 1988. № 10. С. 4.

⁴ См.: Социальная активность трудящихся в условиях социализма. М., 1987. С. 182.

казания, иных уголовно-правовых мер. В этом плане гораздо большего внимания заслуживает поручительство, причем не только со стороны общественных формирований, трудовых, учебных коллективов, но и отдельных, заслуживающих доверия граждан. Хотя поручительство давно известно советскому законодательству, пока оно используется явно недостаточно и существует лишь как мера, альтернативная уголовной ответственности (поруки). В иных случаях роль волеизъявления общественности предполагается более пассивной (реже — в виде простого ходатайства, чаще — в качестве учета согласия на реализацию предупредительных функций). В этой связи целесообразно недвусмысленно закрепить факт поручительства (в том числе и со стороны отдельных лиц) среди возможных оснований применения мер, не связанных с лишением свободы. Аналогичное решение содержится в уголовном законодательстве некоторых социалистических стран (например, ГДР, ПНР). Последовательным шагом была бы юридическая регламентация порядка принятия поручительства; основных условий его реализации, некоторых конкретных полномочий поручителя (например, права ходатайствовать об отмене условной меры наказания, о снятии судимости).

Весьма велика стимулирующая роль такого полномочия общественности, трудовых коллективов, как право самостоятельно и непосредственно ходатайствовать об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Сейчас это право закреплено крайне непоследовательно. Им непосредственно обладают лишь общественные организации, трудовые коллективы при исполнении наказания в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 363 УПК РСФСР), при условном осуждении и освобождении с обязательным привлечением к труду (ч. 3 ст. 53 УК РСФСР). В иных случаях говорится о «совместном представлении» администрации и наблюдательной комиссии, то есть непосредственные полномочия общественности и трудовых коллективов существенно сужаются.

Безусловно, этот вопрос требует самостоятельного рассмотрения и должен решаться в контексте общего совершенствования оснований и порядка условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким. Заметим лишь, что еще в 1921 г. в Декрете СНК РСФСР «О лишении свободы и порядке условно-досрочного освобождения заключенных» предусматривалась возможность заявления ходатайств об условно-досрочном освобождении не только со стороны лишенного свободы, но и его близкими, организациями, учреждениями, должностными лицами⁵.

⁵ Сборник документов по истории уголовного права СССР и РСФСР. М., 1953. С. 90.

Другой уровень опосредованного стимулирования профилактической активности общественности, трудовых коллективов определяется интенсивностью и качеством взаимодействия общественности и правоохранительных органов. Причем в этой системе последним должна принадлежать активная роль. Одна из особенностей современного этапа самоуправления состоит в том, что без опоры на профессиональный управленческий аппарат народ не в состоянии осуществлять функции управления в полном объеме⁶. Некоторые авторы особо заостряют внимание на необходимости «государственно-властной активизации» человеческого фактора путем использования информационных, организационных, воспитательных средств⁷. В этой связи, видимо, нуждается в уточнении и само понятие управленческого профессионализма, имеющее отношение и к деятельности правоохранительных органов государства. Такой профессионализм, вероятно, должен включать не только специальные знания и навыки, но и умение использовать творческий потенциал трудящихся, привлекать общественность для решения конкретных задач.

Рассмотрим в этой связи некоторые стороны взаимодействия правоохранительных органов и общественности в решении задач профилактики рецидива. В законодательстве не решается вопрос о том, какую информацию, кому и в какие сроки должны направить следователь, суд в связи с расследованием или рассмотрением уголовного дела. Статьи 21¹, 21² УПК лишь в общем виде упоминают о представлении следователя, частном определении суда по поводу причин и условий совершения преступления и мер по их устранению. Представления следователя обычно содержат краткую информацию о событии преступления, его квалификации, общую ссылку на те или иные недостатки деятельности администрации, руководства общественных организаций. Нередко в представлениях содержится категорическое требование к коллективу, организации выдвинуть общественного обвинителя. Подобная практика подвергается справедливой критике⁸. Вместе с тем анализ ходатайств и иных обращений коллективов, организаций в правоохранительные органы свидетельствует о незнании членами коллективов, организаций элементарных положений уголовного, уголовно-процессуального законодательства и, как следствие, — своих юридических возможностей. Разумеется, задачи правового

⁶ Скурагов Ю. И. Система социалистического самоуправления советского народа (проблемы конституционной теории и практики). Свердловск, 1987. С. 115.

⁷ Туманов Г. А. Человеческий фактор государственного управления. // Советское государство и право. 1986. № 10. С. 3.

⁸ Петрухин И. Л. Правосудие и законность // Советское государство и право. 1986. № 6. С. 75.

всеобуча и правового воспитания — не главные в деятельности правоохранительных органов. Однако в подобных ситуациях создаются более благоприятные возможности для формирования правосознания трудящихся на конкретных примерах. И эти возможности должны быть реализованы.

В этой связи содержание информации (представления), направляемой следователем в трудовой коллектив, общественную организацию по поводу преступления, совершенного их членом, должно быть, на наш взгляд, более широким. Оно должно быть дополнено сведениями о возможных юридических последствиях преступления (мере наказания, условном осуждении, отсрочке и т. п.), о правах общественности в связи с возбуждением уголовного дела (право ходатайствовать о передаче на поруки, о направлении дела в товарищеский суд, о праве выдвинуть общественного обвинителя или защитника и т. п.).

В законе пока не закреплена такая форма взаимодействия между правоохранительными органами и общественностью, как обязательное выяснение мнения общественных организаций, трудовых коллективов по поводу юридически значимых действий, затрагивающих уголовно-правовой статус виновного. Некоторые положения такого рода есть в ведомственных актах об исполнении мер, не связанных с лишением свободы. При представлении к условно-досрочному освобождению осужденных к исправительным работам, ссылке, высылке орган внутренних дел должен выяснить мнение по этому вопросу администрации, трудового коллектива и общественных организаций по месту работы виновного. Юридическая конструкция, используемая здесь, весьма своеобразна. Мнение коллектива, общественных организаций, в сущности, не имеет решающего значения в представлении к условно-досрочному освобождению. Но выяснить его нужно во всяком случае. Представляется, что такая форма взаимодействия общественности и правоохранительных органов весьма перспективна и полностью вытекает из такого направления демократизации общественной и государственной жизни, как учет и сопоставление различных мнений и предложений трудящихся⁹.

Переходя к правовым формам непосредственного стимулирования воспитательно-профилактической активности общественности и трудовых коллективов, выделим две разновидности стимулирования: коллективное и индивидуальное. Проблема правовых форм коллективного стимулирования со всей остротой встала с переходом на хозрасчет и самофинансирование, когда осложнилось трудовое и бытовое устройство освобожденных из мест лишения

---

⁹ Программа КПСС (новая редакция)//Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 159.

свободы. Только по официальным данным, в 1987 г. предприятия необоснованно отказали в трудоустройстве 11 тысячам освобожденных из ИТУ¹⁰. Это нередко способствует росту рецидива. Аналогичная ситуация складывается при осуждении к мерам, не связанным с лишением свободы. По нашим данным, примерно каждый четвертый осужденный к исправительным работам по месту работы в течение срока наказания меняет место работы, причем далеко не всегда по собственной инициативе. Возрастают трудности в устройстве на работу осужденных к исправработами «в иных местах».

Нельзя сказать, что эта проблема не привлекла внимания ученых и практиков. Сегодня видят в основном два пути ее решения. Первый — установление юридической ответственности за отказ в приеме на работу освобожденного, направленного по предписанию исполкома местного Совета. Второй — организация специальных предприятий, учебных центров и временных общежитий в системе МВД СССР для работы и временного проживания освобожденных из ИТУ.

Каждый из предлагаемых путей не лишен привлекательности, но вряд ли следует возлагать на них особые надежды. Установление юридической ответственности за отказ в приеме на работу не даст положительного результата, если эта норма будет противоречить экономическим интересам предприятия, учреждения, организации. Советскому законодательству подобные нормы известны, например, ст. 139 УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или кормящей матери по мотивам беременности или аналогичным побуждениям. Насколько нам известно в судебной практике таких уголовных дел нет, хотя в жизни подобные факты, к сожалению, не единичны. Кроме того, с развитием самоуправления на производстве решения об отказе в приеме на работу уже сейчас нередко оформляются не резолюцией представителя администрации, а коллегиальным актом трудового коллектива или его Совета.

Предложения об организации специальных предприятий, учебных центров и общежитий в системе МВД СССР также небезупречны. С психолого-педагогической стороны сосредоточение осужденных, судимых на одном предприятии, а тем более в общежитии — не лучшее средство закрепления результатов исправления. Еще в конце 20-х гг. П. И. Стучка писал, что лишение свободы представляет собой «искусственно нами же создаваемую организацию преступников». И если при исполнении лишения свободы с его отрицательными сторонами в определенной степени

¹⁰ Власов А. В. На страже правопорядка//Коммунист. 1988. № 5. С. 59.

приходится мириться, то для продолжения существования подобной «организации» в условиях свободного образа жизни вряд ли есть оправдания. Осужденный (освобожденный) должен адаптироваться к условиям труда и жизни обычных трудовых коллективов.

Другой серьезный довод против создания подобных предприятий и общежитий — организационно-юридический. Как свидетельствует опыт (например, условного осуждения с обязательным привлечением к труду), всякая «открытая» или «полузакрытая» система содержания осужденных со временем тяготеет к «закрытости», к превалированию административно-командных начал ее функционирования. На деле это выливается в постепенное ужесточение условий содержания, распорядка и в конечном итоге — в приобретение такими мерами многих черт, свойственных наказанию. Тем самым подобные меры фактически превращаются в весьма строгие наказания, хотя по названию могут и не быть таковыми. Думается, что так может случиться и со специальными предприятиями и общежитиями МВД СССР, если они будут созданы. Кроме того, указанным путем вряд ли можно решить проблему трудоустройства осужденных без лишения свободы, например, к исправительным работам.

На наш взгляд, выход следует искать в развитии организационно-правовых форм коллективного экономического стимулирования воспитательно-профилактической деятельности трудовых коллективов. Речь идет о следующем. С развитием территориального и регионального хозрасчета признано необходимым, чтобы предприятия, учреждения и организации общесоюзного, союзно-республиканского и республиканского подчинения перечисляли в местные бюджеты часть платы за трудовые ресурсы по долговременным стабильным экономическим нормативам¹¹. На практике эта сумма колеблется от 300 до 16 тыс. р. в расчете на одного работника. В этой связи можно было бы не взимать с предприятия эти средства в течение 2—3 лет после трудоустройства лица, направленного исполкомом местного Совета или органом внутренних дел после отбытия лишения свободы или трудоустраиваемого в период отбывания наказания, не связанного с лишением свободы.

Сходные предложения высказываются в литературе применительно к трудоустройству лиц, уклоняющихся от общественно-полезного труда. Некоторые ученые, в частности, пишут о необходимости установления для базовых предприятий определенных

¹¹ См.: О совершенствовании деятельности республиканских органов управления. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 17 июля 1987 года // СП СССР. Отдел 1. № 39. 1988. Ст. 124.

льгот «производственного характера»¹². Другие полагают, что это ведет к иждивенчеству, которое не следует поощрять¹³.

Мы полагаем, что подобные доводы неубедительны. Ведь речь идет не о льготах для правонарушителей, а о стимулировании коллективов, которые по сравнению с иными выполняют повышенную «общественную нагрузку». Такой подход в полной мере вытекает из провозглашенного XIX Всесоюзной партийной конференцией курса на создание эффективных стимулов качественной работы коллективов¹⁴.

В принципе не исключается и образование специального фонда стимулирования, в формировании которого могли бы участвовать учреждения и органы МВД СССР путем отчисления части прибыли предприятий ИТУ, части заработка самих осужденных, в том числе осужденных без лишения свободы. В целом же такой фонд целесообразно формировать на «смешанных» началах. Аналогичный принцип был, как известно, закреплён еще в 1925 г. в «Положении о Всероссийском и губернских (областных, краевых) комитетах помощи содержащимся в местах заключения и освобожденным из них». При комитетах помощи предусматривалось создание специальных денежных и материальных фондов за счет отчислений от прибыли предприятий мест заключения, субсидий государства и общественных учреждений, пожертвований и отчислений отдельных граждан, доходов от собственных предприятий и специально организуемых мероприятий¹⁵.

В 20-е гг. деятельность фондов и комитетов помощи не получила широкого распространения из-за узости их материальной базы, сложности экономического положения (прежде всего — предприятий мест заключения). Сейчас эту задачу можно решать на качественно ином уровне. Нужно заметить, что здесь, как и во многих иных случаях, практика начинает опережать науку и правотворчество. Своеобразные «фонды помощи» освобожденным из мест лишения свободы начинают создавать сами сотрудники органов внутренних дел за счет добровольных взносов. Такой опыт существует, например, в Бресте¹⁶ и, безусловно, нуждается в государственной поддержке.

¹² Готлиб Р. М., Романова Л. И., Яцков Л. П. Социально-правовые и медицинские аспекты борьбы с тунеядством, пьянством и наркоманией. Владивосток, 1987. С. 158.

¹³ Леонтьев Ю. Б., Лозбяков В. П., Овчинский В. С. Если спорить не только о терминах // Социологические исследования. 1988. № 3. С. 148.

¹⁴ О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки // Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС // Коммунист. 1988. № 10. С. 10, 12.

¹⁵ См.: Бюллетень НКВД РСФСР № 5 (145) от 4 февраля 1925 года. С. 31—33.

¹⁶ Рыпула Г. Поддержать инициативу // Правда. 1988. 27 нояб.

Средства «фонда помощи» могли бы быть направлены не только на помощь в трудовом, бытовом устройстве освобожденным из ИТУ, но и на стимулирование тех предприятий, учреждений, организаций, которые трудоустраивают освобожденных и осужденных без лишения свободы по направлениям местных Советов и органов внутренних дел. Не исключено и создание на эти средства предприятий, учебных центров, которые находились бы в ведении местных Советов, а не Министерства внутренних дел. Во всяком случае изложенные выше предложения заслуживают экспериментальной проверки.

Говоря о стимулировании воспитательно-профилактической деятельности «первичного» коллектива, отметим перспективность движения «Трудовой и общественной дисциплине — гарантию коллектива». Сущность и результаты этого движения широко отражены в печати, оно получило поддержку Госкомтруда СССР, ВЦСПС, а впоследствии и ЦК КПСС¹⁷. Проблем в этом деле, однако, немало. Порой бригады, подписавшие договор, стремятся избавиться от нарушителей. В этой связи в постановлении ЦК КПСС подчеркивается необходимость поддержки инициативы передовых бригад, «включающих в свой состав молодежь, работников, впервые приходящих на производство или нарушающих производственный и общественный порядок (выделено мной. — В. У.)»¹⁸.

На практике уже сложились некоторые особые формы дополнительного стимулирования таких коллективов. Например, размер «добавки» к премии бригады, принявшей в свой состав нарушителя, увеличивается вдвое при соблюдении дисциплины¹⁹. На некоторых предприятиях в течение определенного времени (нескольких месяцев, года) бригада остается полноправным участником соревнования, даже если принятый в ее состав работник допускает нарушения²⁰.

Индивидуальное стимулирование воспитательно-профилактической активности представителей общественности пока проводится крайне слабо. Как показал опрос большой группы шефов-на-

---

¹⁷ О почине передовых трудовых коллективов Свердловской области по развитию движения «Трудовой дисциплине — гарантию коллектива»: Постановление Президиума ВЦСПС и Госкомтруда СССР от 1 июля 1985 года. //СП СССР. Отдел. 1. 1986. № 24. Ст. 139; О движении за коллективную гарантию трудовой и общественной дисциплины/Постановление ЦК КПСС// Правда. 1987. 4 мая.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Потапов И. По инициативе бригад Северского трубного завода//Ритм перестройки. Новая система управления экономикой. Год 1987. М.: Экономика. 1988. С. 288.

²⁰ Андреев В., Пряхин В. Трудовую дисциплину гарантирует коллектив//Ритм перестройки. Новая система... С. 291.

ставников осужденных без лишения свободы, три четверти шефов имели какие-либо поощрения, но только 1% — поощрения в связи с выполнением ими шефских обязанностей. Между тем свыше 80% подшефных за время наставничества улучшили поведение.

На наш взгляд, правы ученые, которые призывают к преодолению широко распространенного подхода, что моральное и материальное стимулирование — альтернативы²¹. Принципиальная возможность не только морального, но и материального стимулирования профилактической активности общественности не отрицается советским законодателем. Меняются лишь конкретные его формы (дополнительный отпуск, единовременные премии, ценные подарки и т. п.). Но стройной системы стимулирования нет, не сложились его принципы. В этой связи некоторые авторы предлагают разработать «Закон о поощрениях граждан»²².

В ряде стран (например, ПНР, НРБ) возможность материального стимулирования профилактической деятельности общественности более четко отражена в специальном законодательстве. Согласно §3 ст. 6 Закона об исполнении наказаний НРБ «министерство внутренних дел по согласованию с министерством финансов определяет случаи и порядок выплаты вознаграждения лицам за порученную им воспитательную работу»²³. Аналогичная норма могла бы быть закреплена и в советском исправительно-трудовом законодательстве. Она послужила бы правовой основой разработки конкретных мероприятий по стимулированию профилактической активности представителей общественности.

Здесь велика роль и ведомственных нормативных актов МВД СССР, касающихся порядка распоряжения финансовыми средствами со стороны низовых органов внутренних дел. Нам представляется целесообразным, например, дополнительно стимулировать деятельность наиболее активных общественных инспекторов инспекций исправработ путем распределения между ними от 0,1 до 0,5 ставки штатного инспектора.

Хотя в настоящее время отменены дополнительные отпуска трудящимся в связи с их участием в охране общественного порядка, принцип стимулирования общественности дополнительным временем отдыха в своей основе представляется верным. Решение об отмене, видимо, вызвано извращениями такого принципа, большими потерями рабочего времени из-за необоснованно широких поощрений такого рода. Вместе с тем с расширением хозяйствен-

²¹ Повышение трудовой активности масс. М., 1987. С. 214.

²² Юзьков Л. П. Государственное управление в политической системе советского общества. М., 1980. С. 33.

²³ Исправительно-трудовое законодательство зарубежных социалистических государств. Народная Республика Болгария. М., 1983. С. 13.

ной самостоятельности предприятий возрастает значение решений самого трудового коллектива, его Совета, в том числе и в вопросах стимулирования. Здесь, на наш взгляд, следовало бы вернуться и к возможности предоставления дополнительного отпуска (например, шефу-наставнику осужденного, судимого), но в каждом конкретном случае по решению трудового коллектива и представлению первичного коллектива и органа, исполняющего наказание. Бытовавший ранее «огульный» подход был бы исключен в условиях самофинансирования и хозрасчета.

Что касается морального поощрения на коллективном и индивидуальном уровне, то его значение пока также невелико. При анализе судебной практики и деятельности инспекций исправработ за пять лет нам встретились лишь единичные случаи, когда суд или инспекция обращались бы к вышестоящим органам, руководству коллективов с просьбой поощрить хорошо работающих наставников, общественных инспекторов. Не встретилось и документов такого рода (благодарственных писем, частных определений суда и т. п.). Учитывая усиление организующего начала в предупредительной работе инспекций исправработ, это направление их организационной деятельности следовало бы более четко отразить в ведомственном нормативном акте.

В юридическом закреплении форм стимулирования профилактической активности общественности и трудовых коллективов весьма велика роль рекомендательных норм. Такие нормы позволяют наиболее целесообразно сочетать направляющее воздействие центральных органов и расширяющуюся инициативу на местах²⁴. В этой связи проблема рекомендательных норм в теории исправительно-трудового права нуждается в углубленной разработке.

²⁴ Кулапов В. Л. Рекомендательные нормы советского права. / Саратов, 1987. С. 4.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЦ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

Н. И. Ланкин

II. На XIX партийной конференции отмечалось, что после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС в стране приняты решительные меры по правовому обеспечению перестройки. Вместе с тем подчеркивалось, что их следует рассматривать лишь как начало большой работы по формированию социалистического правового государства. В резолюции конференции о правовой реформе поставлена задача радикально пересмотреть уголовное, административное, процессуальное и исправительно-трудовое законодательство под углом зрения новых условий хозяйствования, гуманизации и демократизации общественной жизни, усиления профилактики правонарушений. Успешная реализация этой весьма сложной задачи предполагает концентрацию усилий ученых и практиков на решении в первую очередь важнейших ключевых проблем. Рассматривая основные направления развития наук криминального цикла в условиях перестройки правовой системы, И. И. Карпец справедливо отмечает, что одной из важнейших проблем советского исправительно-трудового права является проблема индивидуализации отбывания наказания и организации трудового перевоспитания осужденных¹. Практика исполнения наказания в виде лишения свободы также показала, что задача трудового перевоспитания осужденных уже на протяжении многих лет выполняется крайне неудовлетворительно. Подтверждением этому является стабильно высокий уровень рецидивной преступности со стороны лиц, освобождаемых из исправительно-трудовых учреждений (ИТУ). Сложившееся положение вызывает серьезное беспокойство. Партия и правительство требуют решительной перестройки деятельности ИТУ, коренного изменения стиля и методов решения этой сложной социальной проблемы. В этой связи научными и практическими работниками высказываются различные предложения, направленные на повышение эффективности

¹ Карпец И. И. Развитие наук криминального цикла в свете решений XXVI съезда КПСС // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 45. С. 5.

трудового перевоспитания лиц, лишенных свободы, намечаются и разные направления в решении этой сложной проблемы. Дискуссии по этим вопросам особенно обострились в настоящее время в связи с начавшейся работой по новой кодификации норм советского исправительно-трудового права.

2. Представители томской школы в науке советского исправительно-трудового права считают, что центральное место в решении задачи трудового перевоспитания должно быть отведено всемерному повышению трудовой и общественной активности осужденных, развитию их полезной инициативы в процессе коллективной трудовой деятельности. Этот вывод в основе своей был сформулирован в середине 70-х годов, а несколько позднее прошел экспериментальную проверку в ИТУ Томской области. Представляется, что в новых условиях хозяйствования, гуманизации и демократизации общественной жизни актуальность этого вывода возрастает, поскольку возрастает значение активизации человеческого фактора в решении стратегической задачи ускорения социально-экономического развития нашего общества. «Центральным вопросом реализации всех наших планов, — подчеркивал М. С. Горбачев, — является отношение человека к труду, к выполнению своих обязанностей, его активность, словом, то, что принято называть человеческим фактором»².

Исправительно-трудоуые учреждения при всей их специфике не могут стоять в стороне от тех процессов, которые происходят в обществе. В настоящее время МВД СССР разработан большой комплекс мер, направленных на перестройку системы и организации деятельности ИТУ. Разрабатывается целевая программа улучшения трудового перевоспитания осужденных и совершенствование производственно-хозяйственной деятельности ИТУ на период до 2000 года в свете Основных положений коренной перестройки управления экономикой. Перед ИТУ поставлены трудные задачи, направленные на усиление работы по реализации активной социальной политики и повышению человеческого фактора. Среди них такие, как: демократизация управления производством ИТУ, перевод его на хозяйственный расчет и самофинансирование; расширение правового статуса осужденных, широкое привлечение их к участию в управлении производственными и общественными делами; совершенствование социалистического принципа распределения по труду, усиление зависимости размеров вознаграждения от личного трудового вклада работника и от конечных результатов производственной деятельности коллектива; улучшение организации труда и материально-технического снабжения,

² См.: Ускорение социально-экономического развития страны — задача всей партии, всего народа: Сб. документов и материалов. М., 1986. С. 112.

широкое внедрение коллективных (бригадных) форм организации и стимулирования труда осужденных.

Не претендуя на исчерпывающий перечень этих задач, попытаемся вкратце рассмотреть, какое отражение и развитие они получили в проекте Основ уголовно-исполнительного законодательства в сфере правового регулирования труда лиц, лишенных свободы.

3. По сравнению с действующим исправительно-трудовым законодательством в проекте Основ предусмотрена более детальная регламентация некоторых положений в области труда осужденных. В частности, закрепляется обязанность администрации ИТУ обеспечить не только привлечение осужденных к общественно-полезному труду, но и достижение воспитательных, экономических и оздоровительных целей труда осужденных. При привлечении осужденных к общественно-полезному труду указывается также на необходимость учитывать не только их трудоспособность и специальность, но и возраст, пол, состояние здоровья. Так, осужденные мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет должны привлекаться к труду с учетом их остаточной трудоспособности, а инвалиды 1-й и 2-й групп — по их желанию. Необходимость такой регламентации вызвана, в первую очередь, потребностями практики и должна, по нашему мнению, сыграть положительную роль.

В проекте Основ предусмотрены и такие дополнительные меры, направленные на стимулирование трудовой активности осужденных, как ежегодное предоставление добросовестно работающим осужденным своего рода трудовых отпусков: освобождения от работы в течение 6—12 календарных дней (в зависимости от вида режима) с выездом или без выезда за пределы колонии. Предусмотрена также возможность включения времени добросовестной работы осужденных в общий трудовой стаж. Эти дополнительные меры стимулирования трудовой активности осужденных уже давно в качестве предложений обсуждаются на страницах юридической печати. Закрепление их в новом законе является, на наш взгляд, вполне оправданным.

Вместе с тем следует отметить, что в целом этот раздел проекта Основ не претерпел каких-либо принципиальных изменений, несмотря на то, что повышение трудовой активности осужденных предполагает расширение их правового статуса, прежде всего в системе производственных отношений. В этой связи в новом законе необходимо, на наш взгляд, закрепить основные права и обязанности осужденных в сфере труда. Основополагающим во всем комплексе отношений, связанных с трудовой деятельностью осужденных, является их право на труд и вытекающее из него право на участие в управлении производством.

Мы считаем, что на осужденных, как и на всех советских граждан, распространяется конституционное право на труд, хотя и с определенными ограничениями. Фундаментальный характер права на труд обусловлен тем, что оно является основой, базой для всех остальных трудовых прав граждан: права на оплату труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера; права на отдых в соответствии с законами об ограничении рабочего дня и рабочей недели; права на здоровье и безопасные условия труда; права на участие в управлении производством и т. д. Основной обязанностью осужденных, как и всех советских граждан, является обязанность добросовестно трудиться. Из нее вытекают обязанности строго соблюдать трудовую дисциплину, бережно относиться к социалистической собственности, выполнять установленные государством нормы выработки и т. д.

Для повышения трудовой активности осужденных, развития их полезной инициативы особо важное значение имеет законодательное закрепление права осужденных на участие в управлении производством. Право осужденных как граждан СССР принимать участие в управлении производственными и общественными делами не только не противоречит действующему законодательству, но и прямо из него вытекает (ст. 49 Конституции СССР).

В настоящее время это конституционное положение получило частичное закрепление в действующем исправительно-трудовом законодательстве в виде права осужденных обращаться с предложениями, жалобами и заявлениями в государственные органы, общественные организации и к должностным лицам (ст. 26 Основ ИТЗ, ст. 36 ИТК РСФСР). Важным, однако, является то, чтобы это право получило широкую реализацию именно в области производственных отношений. Участие осужденных в управлении производством ИТУ может быть реализовано путем внесения предложений по совершенствованию организации труда и производства, улучшению условий труда и быта, укреплению трудовой дисциплины и т. д. Праву осужденных на участие в управлении производством должна корреспондировать обязанность администрации ИТУ по созданию необходимых условий для такого участия. Законодательное закрепление этих прав и обязанностей создает серьезную правовую основу не только для существенного повышения трудовой активности осужденных, но и для развития взаимодействия и сотрудничества между осужденными и представителями администрации ИТУ в решении производственных и воспитательных задач.

4. Стимулирование трудовой активности осужденных напрямую связано с прогрессивной системой отбывания наказания в виде лишения свободы. Дальнейшее совершенствование этой си-

стемы должно быть направлено на более глубокую дифференциацию отбывания наказания в зависимости от поведения осужденных и их отношения к труду.

В проекте Основ такая попытка предпринята: изменение условий содержания в пределах одного ИТУ предусматривает перевод осужденных с первоначальных условий содержания на улучшенные и облегченные, а равно с облегченных и улучшенных на первоначальные условия содержания (ст. 28). Такая более глубокая дифференциация условий отбывания наказания в рамках одного ИТУ осуществлена в данном случае по принципу перехода от жесткой изоляции к обычным и облегченным условиям. Все осужденные на первоначальном этапе отбывания наказания содержатся в помещениях строгой изоляции.

Вместе с тем предложенная система поэтапного отбывания наказания внутри ИТУ имеет тенденцию к ужесточению наказания. Она серьезно затруднит проведение воспитательной работы с осужденными на первоначальном этапе отбывания наказания, осложнит обстановку за счет смешения новичков со злостными нарушителями режима, улучшенные и облегченные условия содержания которых ухудшатся в порядке дисциплинарного взыскания.

Представляется, что углубление дифференциации условий отбывания наказания должно строиться не по принципу перехода от жесткой изоляции к обычным и облегченным условиям, а по принципу перехода от обычных условий содержания к жестким или облегченным в зависимости от поведения осужденного, его отношения к труду.

5. Перевод производства ИТУ на полный хозяйственный расчет и самофинансирование предполагает широкое внедрение новых бригадных форм организации и стимулирования труда осужденных, поскольку именно с этого первичного звена начинается хозяйственный расчет цеха, участка, предприятия.

Перевод бригад на хозяйственный расчет объективно ставит осужденных в такие условия, при которых они заинтересованы бережно относиться к расходованию материально-технических ресурсов, обеспечивать бесперебойную работу машин и механизмов и изыскивать дополнительные резервы производства. Воспитательная работа в таких условиях приобретает более конкретный или целенаправленный характер. Работа осужденных по единому наряду с оплатой труда по конечным результатам и распределением общбригадного заработка с учетом коэффициента трудового участия (КТУ) — все это создает прочную экономическую основу для сочетания личных и коллективных интересов, воспитания личной ответственности за общее дело. Сами условия труда в такой бригаде ставят осужденных в сложную систему отношений взаимного контроля, деловой ответственной зависимости, которая

оказывает положительное влияние на формирование и развитие личности. Члены бригады непосредственно или через постоянно действующий орган самоуправления (совет бригады) имеют широкие возможности для реального участия в управлении производством. К сожалению, практика показывает, что удельный вес хозрасчетных бригад пока невелик (в пределах 20%), а многие бригады отнесены к числу хозрасчетных необоснованно, формально. Настораживает недооценка всей важности работы по внедрению этих прогрессивных форм организации и стимулирования труда осужденных со стороны многих практических работников, особенно работников аппарата. В нынешних условиях, когда на предприятиях ИТУ ликвидирован дефицит рабочей силы, открываются возможности для широкого внедрения бригадных форм, которые необходимо оптимально использовать.

О ВЛИЯНИИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ СОВМЕСТНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ НА РАЗВИТИЕ ИХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. К. Новосельцев, Д. А. Савченко

Настоящая работа является продолжением цикла исследований влияния бригадной формы организации и стимулирования труда на позитивное развитие производственных формирований осужденных, выполненных с позиций теории деятельного опосредования межличностных отношений (А. В. Петровский и его со-трудники).

Однако, если в предыдущих исследованиях изучалось развитие межличностных отношений осужденных в бригадах нового типа в сравнении с бригадами, работающими традиционным способом без учета организационно-технологических взаимосвязей (типа производства и технологического процесса), в предлагаемом исследовании предпринята попытка (среди прочих задач) определить роль и этих факторов.

При определении объекта исследования нами были использованы классификации формы совместной деятельности, предложенные Л. И. Уманским и А. И. Донцовым. В соответствии с классификацией Л. И. Уманского форма организации совместной деятельности распадается на три разновидности: совместно индивидуальную, где конечный продукт групповой деятельности представляет собой простую сумму индивидуально произведенных продуктов; совместно последовательную, предполагающую межиндивидуальное взаимодействие конвейерного типа; совместно взаимодействующую, основанную на относительно полной системе деятельности взаимосвязей¹.

А. И. Донцов в своем исследовании также выделяет три формы организации деятельности: индивидуальную, которая не требует непосредственного взаимодействия; частично кооперативную, предполагающую тесные контакты внутри небольших подгрупп, взаимосвязанных между собой; коллективную, характеризующуюся постоянными контактами большинства членов коллектива².

¹ Цит. по кн.: Донцов А. И. Психология коллектива. М. 1984. С. 132.

² Там же. С. 134.

Для реализации задач исследования была выбрана производственная бригада осужденных, отбывающих наказание в колонии строгого режима, занятая выпуском керамической плитки. Бригада сквозная (члены бригады обслуживают оборудование в три смены); укрупненная комплексная (члены бригады осуществляют все технологические операции от начала и до конца); на началах коллективной организации и стимулирования труда работает около 5 лет; сдельный приработок и ежемесячные премии распределяются с применением коэффициента трудового участия (КТУ). В бригаде (за исключением старшего дневального и нескольких нетрудоспособных осужденных) полностью задействованы осужденные отряда. Специфика производственного процесса (его непрерывность) заставила администрацию ИТУ отказаться от соблюдения принципа отряд — смена. Исследуемое формирование осужденных построено по принципу отряд — бригада — цех.

Бригаду возглавляет бригадир, который опирается в своей деятельности на совет производственной бригады (СПБ). В состав СПБ входят звеньевые и несколько рядовых осужденных. В соответствии с технологическим процессом бригада разбита на несколько звеньев.

Звено массозаготовки (15 чел.) во главе со звеньевым занимается относительно законченной производственной операцией — заготовкой керамической массы. Участок работы обособлен (отделен от конвейера), на нем находятся 3 основных агрегата, которые обслуживают группы по 3—4 осужденных. Осужденные этого звена работают в основном в первую смену, во вторую смену выходит только по одному человеку на агрегат (работающие во вторую смену постоянно меняются).

Три звена обслуживают конвейер, который представляет собой законченную технологическую линию по изготовлению из керамической массы готовых плиток. Звенья, возглавляемые звеньевыми, работают посменно (еженедельно смена меняется) и организованы по принципу звено — смена. Каждое звено включает в себя 14 осужденных, непосредственно работающих на конвейере или занимающихся его обслуживанием. Группа осужденных (как звено не оформлена), которая непосредственно в изготовлении продукции не участвует, а осуществляет руководящие и вспомогательные функции (бригадир, кладовщик, слесари, группа КИП, уборщик и др.), работает постоянно в первую смену.

Таким образом, на примере исследуемой бригады мы имеем возможность проследить влияние разных форм организации деятельности на процесс коллективообразования в производственных формированиях осужденных.

Организацию деятельности лиц, непосредственно в изготовлении продукции не участвующих и между собой не взаимодействующих, можно отнести к индивидуальной (совместно индивидуальной). Организацию деятельности осужденных звена массозаготовки, которые тесно взаимодействуют в небольших группах (на обслуживании одного агрегата) при слабом межгрупповом взаимодействии, отнесем к индивидуально групповой (при усилении межгрупповых связей она перерастает в частично кооперативную). Организацию деятельности в звеньях, обслуживающих конвейер, где более тесное взаимодействие осужденных задано объективно условиями производства, будем считать совместно последовательной.

Следует иметь в виду, что вся бригада работает на единый (конечный) продукт, что может способствовать усилению ориентации осужденных на сотрудничество и взаимопомощь во всех без исключениях группах. Основной задачей исследования является сравнительный анализ межличностного восприятия осужденных в звеньях с различной формой организации совместной деятельности. В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что в звеньях осужденных с разной формой организации совместной деятельности имеются существенные различия в сфере их межличностного восприятия. При этом в звеньях с более тесным взаимодействием восприятие осужденными друг друга должно быть более позитивным, а деловые качества личности более значимыми.

Исследование проводилось в несколько этапов. На подготовительном (около четырех недель) были использованы: метод непосредственного целенаправленного наблюдения с целью определения наиболее опытных и добросовестных осужденных (в том числе осужденных, на которых опирается в своей деятельности бригадир), которые в дальнейшем использовались как эксперты; изучение документов (протоколы заседаний совета производственной бригады за 3 года, протоколы заседаний секции производственно-массовой работы, положение о премировании и др.); оказание консультаций и практической помощи по разрешению вопросов, связанных с оплатой труда, деятельностью совета производственной бригады и т. д., с целью расположить к себе, создать определенный уровень доверия осужденных для повышения достоверности результатов; выборочное интервьюирование представителей администрации и осужденных из разных звеньев. Таким образом, на подготовительном этапе мы получили общую картину состояния дел в бригаде.

На втором этапе исследования³ каждому третьему в бригаде осужденному предлагалось задание выбрать из состава бригады трех человек, которых он хорошо знает, таким образом, чтобы двое из них (по какому-то существенному для жизнедеятельности бригады признаку с точки зрения испытуемого) были похожи друг на друга и в то же время отличались от третьего, указав при этом, какое качество считают положительным. Процедура повторялась до того момента, когда опрашиваемый затруднялся выделять признаки или же терял уверенность в том, что в определении признаков очередной выделенной им триады осужденных не произойдет ошибки.

Получив таким образом набор качеств личности с противоположными знаками, мы выбрали из них повторяющиеся наиболее часто. После этого нами была составлена и распечатана для каждого осужденного бригады классификационная сетка, по горизонтальной оси которой располагались фамилии осужденных исследуемой бригады, а в левом столбце по вертикали — качества личности (табл. 1).

Все качества были разбиты нами на 3 группы:

1) характеризующие отношение человека к труду (в данном случае играющие важную роль для достижения совместных результатов работы) — 2, 3, 4, 7, 8, 10, 15, 17;

2) характеризующие стремление осужденного в сложных условиях отбывания наказания сохранить собственное достоинство, а также этические качества — 1, 5, 6, 13, 14, 19, 20, 23, 24;

3) отражающие специфические особенности положения осужденных, отбывающих наказание в ИТУ (здесь же, в частности, стремление проявить инициативу и выступить в роли организатора по устранению недостатков, мешающих делу) — 9, 11, 12, 16, 18, 21, 22⁴.

На третьем этапе исследования каждому осужденному в бригаде предлагалось следующее задание:

---

³ Экспериментальная процедура, используемая нами на 2-м этапе, была построена с учетом техники сбора информации, применяемой при изучении систем «личностных конструктов» (Дж. Келли). Различные модификации этой методики применялись в диссертационных исследованиях И. Н. Козловой, Л. П. Хохловой, М. Ю. Кондратьева. Следует иметь в виду, что в нашем исследовании указанная процедура не применялась в том виде, как в предыдущих, а была использована с единственной целью, хотя бы в определенной мере избежать разного понимания осужденными слов, заложенных в суждениях об одних и тех же свойствах личности, и тем самым повысить достоверность полученных результатов.

⁴ Мы сознаем, что наша классификация несет в себе некоторую условность. Но избежать ее в ситуации, когда сами осужденные определяли набор качеств, полностью вряд ли возможно.

Таблица 1

№ п/п	Конструкт-контраст	Ф. И. О.			
		1	2	3	...

1. Стремится к самообразованию (много читает, пытается разобраться в происходящих событиях). — К своему самообразованию относится безразлично
2. На производстве добросовестный, инициативный. — Лишь бы поскорее закончился рабочий день
3. За что ни возьмется, все получается. — Берется за многое, но делать не может
4. Готов в затруднительной ситуации помочь товарищу. — Не придет на помощь
5. Аккуратный. — Неаккуратный
6. Выдержанный во взаимоотношениях с людьми. — Может оскорбить ни за что
7. Квалифицированный работник. — Должной квалификации не имеет
8. Трудолюбивый. — Ленивый
9. Вмешается в конфликт и займет справедливую позицию. — Ни при каких обстоятельствах не станет лезть в чужие ссоры
10. На производстве считает, что работа — главное. — Ориентируется прежде всего на хорошие отношения с окружающими
11. Легко приспосабливается к жизни в колонии. — Приспосабливается с трудом
12. В случае отсутствия бригадира и звеньевого, если потребуется, возьмет на себя руководство. — Решения не примет
13. Правдивый. — Во имя личной выгоды может обмануть

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
14. Уравновешенный. — Не- уравновешенный					
15. Всегда поделится опытом в работе с другими. — До трудностей в работе других ему нет дела					
16. В жилой зоне пользуется уважением. — На его мне- ние никто не обращает внимания					
17. Добросовестный — Недо- бросовестный					
18. К справедливым требовани- ям администрации относит- ся с пониманием. — Спра- ведливые указания адми- нистрации воспринимает как нежелательное (как ущем- ление своего положения)					
19. Может быть хорошим то- варищем. — Живет только для себя					
20. Свои слова всегда подтвер- ждает делом (хозяин свое- му слову). — Пообещает и не сделает					
21. Сознательно подчиняется дисциплине. — Подчиняется правилам вынужденно и не- охотно					
22. В случае возникновения за- труднений в производствен- ном процессе найдет такой способ распределения лю- дей, который быстро помо- жет делу и устроит всех.— Если возьмется за это дело, то внесет еще большую неразбериху					
23. Для улучшения своего по- ложения ищет только пра- вильные (законные) пути.— Готов на все для получе- ния личной выгоды					
24. Правильно оценивает свои ошибки и неудачи. — В своих неудачах склонен об- винять других					

1) выделить круг осужденных бригады, с которыми он непосредственно взаимодействует в процессе работы;

2) выделить тех осужденных, с которыми он хотел бы работать вместе в том случае, если переформировать бригаду с учетом его желания.

Отметив обе группы осужденных на классификационной сетке, испытуемому предлагалось оценить себя и их по качествам личности, представленным в левом столбце. Знак плюс соответствовал положительной оценке, минус — отрицательной. Пустой клетка оставалась в случае, если испытуемый не уверен в том, что он сможет правильно оценить того или иного осужденного по данному качеству. Кроме того, каждому опрашиваемому предлагалось указать, какими положительными качествами должен обладать член бригады обязательно, и те качества, которые в условиях их жизнедеятельности существенной роли не играют. Последовательно выполняя задания, каждый испытуемый все фиксировал в классификационной сетке. Каждый осужденный опрашивался отдельно. При этом, прежде чем приступить к заполнению сетки, мы старались убедить опрашиваемого, что в задачу исследования входит изучение его способности оценивать события, поведение людей безотносительно к его конкретному окружению (начиналась беседа обычно со «свободных тем»). Всем опрашиваемым были даны гарантии, что содержание бесед и их ответов на вопросы ни в коем случае не будут разглашены. Обработка результатов будет производиться на ЭВМ, где не будут фигурировать никаких фамилий, а результаты могут иметь лишь научное значение для оптимизации бригадной формы организации и стимулирования труда и не будут обращены во вред испытуемому и другим осужденным.

Результаты исследования⁵. Определяя круг лиц, с которыми они хотели бы работать вместе в случае, если переформировать бригаду с учетом их желания, осужденные выбрали людей из своего непосредственного делового окружения: в группе А — 37,8%; в группе Б — 41,9%; в группе В — 55,4%. Индекс взаимоприемлемости в разных группах выглядел следующим образом: в группе А — 0,171; в группе Б — 0,294; в группе В₁ — 0,377; в группе В₂ — 0,424; в группе В₃ — 0,291.

При подсчете усредненных оценок⁶ осужденных по качествам личности мы получили данные, представленные в табл. 2.

⁵ Для удобства изложения результатов исследования группам осужденных с разной формой организации деятельности нами присвоены следующие обозначения: с индивидуальной (совместно индивидуальной) — А; с индивидуально-групповой — Б; с совместно последовательной — В.

⁶ При подсчете оценок: знак + в клеточке означал +1; знак — означал — 1; пустая клетка означала 0.

Таблица 2

Номер конструкта	К	О	ОК
1	0,34	0,19	0,36
2	0,70	0,39	0,75
3	0,64	0,39	0,70
4	0,65	0,33	0,69
5	0,65	0,57	0,72
6	0,62	0,38	0,58
7	0,70	0,44	0,73
8	0,75	0,40	0,76
9	-0,11	-0,26	-0,14
10	0,39	0,21	0,44
11	0,05	0,06	0,04
12	-0,01	-0,17	-0,01
13	0,39	0,06	0,37
14	0,43	0,17	0,34
15	0,64	0,29	0,67
16	0,31	0,00	0,29
17	0,64	0,33	0,63
18	0,28	0,05	0,21
19	0,46	0,08	0,46
20	0,50	0,23	0,48
21	0,30	0,07	0,27
22	0,25	0,05	0,31
23	0,40	0,03	0,33
24	0,47	0,15	0,49

Примечание: Знаком К обозначена группа лиц, которым при социометрической процедуре было отдано предпочтение (— предпочитаемые); знаком О обозначены лица, которые работают непосредственно с осужденным; значком ОК обозначены лица, которые получили предпочтение при социометрической процедуре и в то же время работают вместе с осужденным.

Анализ табл. 2 показывает, что наиболее позитивно оцениваются лица, с которыми осужденный хотел бы работать, и люди, с которыми он хотел бы и действительно работает вместе (в этой группе оценки несколько выше, чем в первой). А если учесть,

что наибольшее количество осужденных пожелало работать с теми, с кем действительно работают вместе (в звеньях с совместно последовательной деятельностью), можно сделать вывод, что осужденные, занятые в звеньях с такой организацией труда, оценивают друг друга более положительно, чем при индивидуальной и индивидуально-групповой. Анализ табл. 2 позволяет сделать и другой вывод: наиболее положительно осужденные оценивают качества, играющие важную роль в достижении совместных результатов работы.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА И ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

О. В. Филимонов

Борьба с преступностью была и остается одной из важных функций государственных органов, общественных организаций, широких слоев трудящихся в странах, которые стремились использовать соответствующий опыт, накопленный в Советском Союзе. Развитие уголовного права этих стран, несмотря на сохранившиеся раньше и увеличившиеся в настоящее время различия, свидетельствует о единстве исходных принципов, о совпадении подходов, которые использовались при решении вопросов, связанных с основаниями и условиями уголовной ответственности, уголовно-правовыми средствами борьбы, участием общественности в исправлении и перевоспитании преступников и др.¹

В свою очередь Советское государство внимательно изучало и творчески использовало применительно к своим условиям опыт, накопленный в других государствах. Свидетельством тому могут служить многочисленные публикации в советской юридической печати, отражающие передовой опыт борьбы с преступностью, новейшие изменения в уголовном законодательстве стран восточной Европы.

В последние десятилетия в ряде государств достигнуты определенные успехи в борьбе с правонарушениями. Уровень преступности в восточноевропейских странах был существенно ниже, чем во многих других². В современной уголовной политике указанных стран это позволяло основное внимание уделять мерам предупредительного воздействия, применяемым к осужденным вне мест лишения свободы. Велся поиск наиболее эффективных форм воспитательного воздействия, помощи и поддержки осужденному, а

---

¹ См.: Андреев И. Очерк по уголовному праву социалистических государств. М., 1978; Гельфер М. А. Уголовное право зарубежных социалистических государств. М., 1973; Современные тенденции развития социалистического уголовного права/Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1983.

² См.: Материалы VI конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каракас, 1980). М., 1981. С. 11.

также осуществления контроля (надзора) за его поведением. При этом наблюдалась тенденция расширить надзор должностных лиц в соединении с общественным надзором и контролем³.

Аналогичные тенденции наблюдаются в настоящее время и в советской уголовной политике. «В условиях последовательного сокращения числа лиц, наказываемых за совершенные преступления лишением свободы, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС от 2 апреля 1988 года «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений», — во много раз возрастает ответственность трудовых коллективов, государственных и общественных органов за профилактику правонарушений и перевоспитание тех, кто совершил противоправные действия»⁴.

В связи с этим возрастает роль контроля за поведением лиц, осужденных без изоляции от общества и освобожденных из мест лишения свободы, обязанности по осуществлению которого действующее законодательство возлагает на органы внутренних дел, а также наблюдательные комиссии и комиссии по делам несовершеннолетних Советов народных депутатов. В настоящее время нормы советского уголовного и исправительно-трудового права предусматривают необходимость осуществления посткриминального контроля в отношении лиц, осужденных условно и с отсрочкой исполнения приговора, к исправительным работам без лишения свободы, к ссылке и высылке. Наряду с этим для определенных законом категорий лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предусмотрен контроль в форме так называемого «административного надзора».

Контроль, осуществляемый за поведением названных категорий осужденных, имеет целью ограничение или лишение данных лиц возможности совершать новые преступления или иные правонарушения, а также создание условий, способствующих их исправлению и перевоспитанию. Органы, осуществляющие контроль, ведут учет осужденных, сбор и анализ информации об их поведении, обеспечивают выполнение данными лицами предусмотренных законом правоограничений, в необходимых случаях заявляют в суд ходатайство об изменении режима назначенного наказания либо о направлении осужденного в места лишения свободы.

Практика показывает, что эффективность такого контроля во многом определяется характером правового регулирования вопросов, относящихся к его осуществлению, объемом и содержа-

³ См.: Современные тенденции развития социалистического уголовного права. С. 88—93.

⁴ Правда. 1988. 13 апр.

нием полномочий, предоставляемых вышеназванным органам, обязанностей, предусмотренных законом для осужденных.

Между тем в настоящее время в этой области имеет место определенная пробельность, несогласованность правовых норм, обусловленная прежде всего тем, что вопросы посткриминального контроля в СССР регулировались отдельно применительно к каждой категории осужденных, в разное время и на разном нормативном уровне. Сказывается и отсутствие надлежащего научного изучения деятельности по осуществлению посткриминального контроля.

В связи с этим заслуживает внимания опыт осуществления и особенности правового регулирования данной деятельности в странах восточной Европы. Это тем более своевременно в свете реформы уголовного и исправительно-трудового законодательства в СССР с учетом того, что в ряде восточноевропейских государств в последние годы были приняты новые уголовные кодексы или внесены изменения в действующее уголовное законодательство.

Например, важные изменения в нормах уголовного права внесены в законодательство Чешской и Словацкой федеративной Республики, где в 1973 г. был принят специальный закон об охранном надзоре (закон № 44 (1973), вступивший в силу 1 июля 1973 г.). Наряду с этим в странах восточной Европы приняты специальные законы об исполнении уголовных наказаний или уголовно-исполнительные кодексы⁵. Хотя их основное содержание составляют вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы, в отдельных странах, например в Польше, уголовно-исполнительным законодательством регулируется порядок осуществления надзора за осужденными, находящимися вне мест лишения свободы. В уголовно-процессуальных кодексах некоторых стран выделены особые разделы, посвященные исполнению мер уголовной ответственности, где в числе других вопросов освещается организация и порядок осуществления контроля (надзора) за осужденными.

Однако в целом наиболее важные вопросы посткриминального контроля в странах восточной Европы урегулированы уголовными кодексами. Поэтому в уголовном праве этих государств институт контроля (надзора) за лицами, осужденными без изоляции от общества и освобожденными из мест лишения свободы, рассматривается в качестве уголовно-правовой меры воздействия.

---

⁵ См.: Исправительно-трудовое законодательство зарубежных социалистических государств/Под ред. М. А. Гельфера и Н. А. Стручкова: Венгерская Народная Республика. М., 1976; Германская Демократическая Республика. М., 1976; Социалистическая Республика Румыния. М., 1976; Польская Народная Республика. М., 1980; Чехословацкая Социалистическая Республика. М., 1982; Народная Республика Болгария. М., 1983.

В правовом регулировании посткриминального контроля в отдельных восточноевропейских странах имеются некоторые различия, которые в основном определяются различиями в системах наказаний, в частности, наказаний, не связанных с лишением свободы. Имеются различия и в оценке такой формы уголовно-правового воздействия, как условное осуждение.

В некоторых странах условное осуждение рассматривается в качестве меры уголовного наказания, в то время как в других странах условное осуждение считается особой мерой уголовной ответственности, суть которой заключается в отсрочке исполнения ранее назначенного наказания. При этом условное осуждение, как правило, распространяется только на лишение свободы, однако в некоторых странах условно могут быть назначены также штраф и исправительные работы⁶.

В уголовном законодательстве восточноевропейских стран имеются определенные различия в определении понятия и видов рецидива преступлений⁷. Все эти отличия, однако, не носят принципиального характера, что позволяет в обобщенном виде определить такие особенности посткриминального контроля за лицами, осужденными без изоляции от общества и освобожденными из мест лишения свободы, в восточноевропейских странах, которые отражают передовой опыт и могут быть учтены в процессе дальнейшего совершенствования правового регулирования аналогичной деятельности в СССР. К их числу можно отнести следующие.

1. Определение содержания контроля за осужденными и наиболее общих вопросов, связанных с его осуществлением, в Общей части Уголовных кодексов. При этом сам посткриминальный контроль рассматривается в качестве относительно самостоятельного уголовно-правового института.

Такой подход способствует систематизации норм о контроле, своевременному выявлению и устранению пробелов в законодательстве, облегчает доступ к правовому материалу заинтересованным лицам.

Для сравнения отметим, что в настоящее время в СССР нормы о посткриминальном контроле бессистемно расположены в различных нормативных актах, к числу которых можно отнести: Основы уголовного и Основы исправительно-трудового законодательства, а также соответствующие республиканские кодексы;

---

⁶ См.: Современные тенденции развития социалистического уголовного права. С. 91.

⁷ См.: Гельфер М. А., Гусейнов А. Ответственность за рецидив преступлений в законодательстве зарубежных социалистических государств Европы. М., 1981; Гельфер М. А., Гусейнов А. Вопросы ответственности за рецидив по законодательству отдельных социалистических стран Европы. М., 1983.

Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г., Указы Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. и от 15 февраля 1977 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» и «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Положения о наблюдательных комиссиях и о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденные Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 сентября 1965 г. и от 3 июня 1967 г.; Положение об общественных воспитателях несовершеннолетних и Положение об общественных инспекторах органов, ведающих исполнением исправительных работ, утвержденные соответственно Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1967 г. и от 23 августа 1978 г. и др.

Наряду с этим в правовом регулировании посткриминального контроля значительную роль играют ведомственные нормативные акты МВД СССР. Такое многообразие правовых норм вряд ли оправдано. На практике оно способствует различным недостаткам в профилактической работе органов внутренних дел, трудовых коллективов и общественности, затрудняет контроль за поведением осужденных. С одной стороны, здесь сказывается несогласованность перечисленных нормативных актов, а с другой — содержащиеся в них элементы дублирования друг друга.

Вместе с тем в данном случае мы не призываем к простому копированию законодательства стран восточной Европы. Следует, на наш взгляд, учитывать, что процесс осуществления посткриминального контроля неразрывно связан с процессом исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией осужденных от общества, либо с закреплением результатов отбытого наказания — для лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Поэтому было бы целесообразно урегулировать все основные вопросы этого контроля в нормах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, сохранив в Общей части уголовного закона лишь наиболее общие указания на необходимость его осуществления в отношении определенных лиц.

2. Наличие в законодательстве восточноевропейских стран правила, согласно которому контроль устанавливается только по решению суда.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, коллегиальное решение суда об установлении посткриминального контроля в открытом заседании с участием осужденного, прокурора и других заинтересованных лиц имеет большое воспитательное значение и вместе с тем служит гарантией основательности применения данной меры⁸.

Такой подход имеет очевидные преимущества перед сложившимся у нас в стране положением, в соответствии с которым контроль устанавливается автоматически вслед за осуждением к той или иной мере уголовно-правового воздействия либо признанием лица особо опасным рецидивистом, или по решению органа внутренних дел, санкционированному прокурором.

При этом представляет интерес правило, предусмотренное законодательством ПР, ЧСФР, согласно которому при осуждении преступника к наказанию в виде лишения свободы суд может либо назначить меры контроля одновременно с назначением наказания, либо вернуться к этому вопросу после отбытия осужденным назначенного наказания. Это позволяет учесть изменения личности осужденного, происшедшие в процессе исполнения наказания; оценить условия жизни и поведения лица после освобождения из мест лишения свободы.

3. Наличие в уголовном законодательстве ряда стран восточной Европы единого института контроля (надзора), осуществляемого в отношении различных категорий осужденных.

В данном случае имеются в виду сходные институты «патронажного», «предохранительного», «охранного» надзора в Венгрии, Польше и ЧСФР. Данные института распространяются на лиц: а) условно осужденных; б) условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы; в) освобожденных из мест лишения свободы по отбытии срока наказания.

Конкретные условия такого контроля в каждой стране имеют свои особенности непринципиального характера. Общим же является то, что лицо, взятое под контроль, обязано соблюдать указанные ему условия и выполнять законные требования органов, осуществляющих контроль, в течение определенного срока, под угрозой уголовного наказания.

Например, в ЧСФР в ранее упомянутом законе об охранном надзоре определены ограничения, направленные на то, чтобы поднадзорный «вел честный образ жизни трудящегося человека». Лицо, которому в соответствии с решением суда был назначен охранный надзор, обязано сообщать органу, осуществляющему над-

⁸ См.: Гельфер М. А., Гусейнов А. Вопросы ответственности за рецидив преступлений по законодательству отдельных социалистических стран Европы. С. 51.

зор, о своем образе жизни, способах и источниках существования, лично докладывать об этом в установленные сроки, предоставлять возможность представителю этого органа посещать свое жилище и предварительно извещать такой орган об удалении с места проживания.

Кроме того, лицам, условно-досрочно освобожденным из мест лишения свободы, может быть запрещено посещать определенное место, местность или заведение, а также проживать в определенном месте либо районе и не покидать его без разрешения органа, осуществляющего надзор. Суд может также обязать досрочно освобожденного возместить по возможности вред, который он причинил своим преступным деянием.

В отношении условно осужденных закон предоставляет суду право самому определять характер и количество таких обязанностей. В п. 5 § 25 УК ЧСФР указано лишь, что, как правило, должна назначаться обязанность возместить по мере своих сил ущерб, причиненный преступлением.

4. Дифференцированное применение посткриминального контроля с учетом общественной опасности лица и иных обстоятельств, определяющих степень вероятности совершения нового преступления.

При этом дифференциация контроля осуществляется на двух уровнях: 1) на уровне отдельных категорий осужденных; 2) на индивидуальном уровне. Дифференциация контроля на уровне отдельных категорий осужденных проявляется в том, что законом последовательно предусматривается возможность применения все более строгого контроля к лицам: а) осужденным к исправительным работам без лишения свободы, ссылке и высылке; б) осужденным условно к лишению свободы и условно-досрочно освобожденным из мест лишения свободы; в) рецидивистам и лицам, освобожденным из мест лишения свободы по отбытии срока наказания.

Кроме того, законодательство восточноевропейских стран выделяет определенную категорию лиц, как правило, опасных рецидивистов, за которыми контроль устанавливается в обязательном порядке, в то время как для других осужденных этот контроль устанавливается факультативно, в зависимости от усмотрения суда.

Дифференциация контроля на индивидуальном уровне находит свое отражение в нормах права, предусматривающих возможность установления в обусловленных пределах конкретных правоограничений для каждого отдельного лица, взятого под контроль, а также возможность их последующего изменения (установления новых правоограничений или отмены ранее назначенных) с учетом изменений в поведении осужденного и его микросоциальных

условий. В советском законодательстве подобная индивидуализация контроля предусмотрена лишь в институте административного надзора.

5. Правовое обеспечение посткриминального контроля, выражающееся в применении мер уголовного наказания и иных форм изоляции от общества (направление в центр социального приспособления и т. п.) к лицам, уклоняющимся от применяемого к ним контроля или от выполнения отдельных обязанностей и ограничений.

Установление такого рода негативных последствий в большинстве стран восточной Европы направлено на предупреждение случаев уклонения от контроля. В конечном счете оно играет существенную роль и в предупреждении повторных преступлений.

В советском законодательстве вопрос об ответственности за уклонение от контроля решен неоднозначно применительно к отдельным категориям осужденных. В частности, возможность наступления тех или иных правовых последствий предусмотрена лишь для лиц, осужденных к исправительным работам, осужденных с отсрочкой исполнения приговора, а также для лиц, состоящих под административным надзором. Для осужденных условно, к ссылке и высылке никакой ответственности за уклонение от контроля быть не может.

Выделенные особенности носят наиболее общий характер и, разумеется, не исчерпывают всех позитивных черт, присущих правовому регулированию посткриминального контроля в странах восточной Европы. Например, заслуживают изучения правовые формы привлечения общественности к воспитанию и контролю за осужденными без изоляции от общества и освобожденными из мест лишения свободы, используемые в Польше, Венгрии и других странах. Несомненного внимания заслуживают и специальные правоограничения, применяемые в восточноевропейских странах к осужденным и лицам, освобожденным из мест лишения свободы, при осуществлении контроля за их поведением. При этом, однако, хотелось бы внести некоторые уточнения.

Если в обобщенном виде проанализировать содержание таких правоограничений, предусмотренных законодательством стран восточной Европы, то их можно разграничить на две относительно самостоятельные группы.

Первую группу образуют правоограничения в основном компенсационного характера, направленные на возмещение причиненного вреда. К их числу можно отнести возлагаемые на осужденных обязанности «возместить причиненный ущерб», «выполнить работы на общественные нужды», «принести извинения потерпевшему», «выполнять возложенные судом обязанности по содержанию других лиц» и т. п.

Возложение на осужденных таких обязанностей широко практикуется в восточноевропейских странах, а в некоторых из них, в частности в Румынии, применение условного осуждения допускается лишь при условии возмещения осужденным причиненного вреда. Такая практика вполне оправдана и объясняется прежде всего необходимостью выполнения уголовным правом его охранительной функции, восстановления нормального состояния существующих общественных отношений, торжества социальной справедливости.

Вместе с тем следует учесть то обстоятельство, что в отличие от этих стран в советском уголовном праве обязанность возместить причиненный вред предусмотрена в качестве одного из видов уголовного наказания и может состоять в непосредственном устранении причиненного вреда своими силами или в возмещении материального ущерба своими средствами, либо в публичном извинении перед потерпевшим или членами коллектива в форме, устанавливаемой судом (ст. 32, ч. 1 УК РСФСР). Поэтому включение подобных обязанностей в нормы советского права, регулирующие осуществление посткриминального контроля, представляется нам нецелесообразным.

Аналогично следует подходить и к такой мере, предусмотренной законодательством некоторых стран, как запрещение осужденному занимать административную, руководящую должность, должность воспитателя или должность в общественной организации, с учетом наличия в советском уголовном законодательстве такого наказания, как лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

Вторую группу правоограничений образуют обязанности и запреты профилактического характера, направленные на ограничение возможностей для противоправного поведения, устранение способствующих ему условий. Несмотря на определенные различия в характере этих правоограничений и объеме их применения к различным категориям осужденных, существующие в отдельных странах, в большинстве своем они совпадают по своему содержанию и конкретной направленности. В совокупности данных правоограничений преобладают:

1) обязанности, направленные на получение информации о поднадзорном, например, обязанность лица лично докладывать о своем поведении и образе жизни в орган, осуществляющий надзор, предоставлять возможность представителю этого органа посещать свое жилище и т. п.;

2) ограничения в выборе или перемене места работы и жительства, например, обязанность проживать в определенном месте или районе и не покидать его без разрешения, следовать указаниям относительно места работы и не менять его без разреше-

ния, уведомлять об изменении места работы или жительства и т. п.;

3) ограничения и запреты на пребывание в определенных местах, например, запрет посещать определенное место, местность или заведение, общаться с определенными лицами;

4) обязанности, направленные на устранение у лица привычки к злоупотреблению спиртными напитками, например, возложение обязанности пройти курс противоялкового лечения, воздерживаться от употребления алкоголя.

Названные правоограничения в основном имеют соответствующие аналоги в нормах советского права. Однако в странах восточной Европы эти правоограничения применяются значительно шире, чем в Советском Союзе. Более удачно, на наш взгляд, чем в советском праве, сформулированы в уголовном праве восточноевропейских государств некоторые обязанности, возлагаемые на осужденных. Это, например, относится к обязанности лично докладывать о своем поведении и образе жизни в орган, осуществляющий надзор, которой в советском праве соответствует обязанность периодически являться для регистрации. Заслуживает изучения опыт некоторых стран, законодательство которых предоставляет органам, осуществляющим посткриминальный контроль, при необходимости производить обыск по месту жительства поднадзорного.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Л. М. Прокументов, С. И. Типигин, А. В. Шеслер

Одной из особенностей преступности несовершеннолетних является ее групповой характер¹. Исследование, проведенное нами в г. Томске в 1986—1988 гг., показало, что около 70% преступлений несовершеннолетние совершают в группе. В определенной мере это связано с возрастными особенностями личности подростка.

Подросток, начиная осознавать свою индивидуальность, стремится к утверждению себя как личности в обществе. Общество пока не считает подростка готовым к выполнению взрослых социальных ролей, что порождает у подростка желание войти в социальную среду, где воспринимают его как равного. Такой средой для подростка становится общество сверстников, в котором он находит равных партнеров по общению и получает необходимый опыт межличностного взаимодействия². Возможность найти собеседника, друга реализуется прежде всего в неформальных группах несовершеннолетних, формирующихся на основе взаимных предпочтений подростков, поэтому через такие группы проходит большинство несовершеннолетних³.

Неформальная группа несовершеннолетних приобретает характер криминогенной или преступной, если ее образуют подростки, испытывающие недостаток или отсутствие положительных эмоциональных связей в основных сферах своей деятельности — семье и школе. Отчуждение подростка от нормального общения в этих сферах заставляет его искать признание среди таких же отверженных⁴. В их обществе подросток обретает психологический комфорт и самоутверждается.

Преступные группы, как правило, создаются на асоциальной основе (употребление спиртного, бесцельное времяпровождение

¹ См.: Курс советской криминологии. М., 1986. С. 245.

² См.: Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1980. С. 87—88.

³ См.: Кон И. С. Дружба. М., 1987. С. 210.

⁴ Антонян Ю. М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Сов. гос. и право. 1988. № 8. С. 54.

и т. д.). Это объясняется конфликтным характером отношений между обществом и входящими в группу подростками. Группа в этом конфликте выступает в качестве коллективного оппонента обществу, поэтому направленность группы на общественные ценности носит не только пренебрежительный, но часто и негативный характер. Антиобщественное содержание деятельности этих групп, уход подростков от позитивного влияния приводят к совершению несовершеннолетними преступлений⁵.

В юридической литературе отмечается, что преступные группы несовершеннолетних, как правило, являются нестойкими и малочисленными⁶. Исследование преступных групп подростков, проведенное нами, в целом подтвердило это положение. Так, 58,4% преступных групп несовершеннолетних состояли из 2—3 чел., 12,1% — из 4 чел., 3,85% — из 5 чел., 8,24% — из 6 чел. Почти половина таких групп просуществовали менее одного месяца, 18,11% — до трех месяцев, 21% — до шести месяцев, 8,2% — свыше года. Показателем нестойкости этих групп явилось и незначительное количество совершенных ими преступлений: 42,07% групп совершили одно преступление; 17,68% — два; 9,76% — три; 10,37% — четыре; 8,54% — пять; 1,58% — более пяти преступлений. Большинство групп, действующих менее одного месяца, распались после совершения первого преступления.

Между тем в ходе проведенного исследования нам пришлось столкнуться с качественно иной характеристикой групповой преступности несовершеннолетних — наличием преступных группировок, объединяющих несколько групп подростков-правонарушителей. О существовании таких группировок в разных городах страны сообщалось и на страницах периодической печати⁷.

Объектом нашего исследования оказались две преступные группировки несовершеннолетних, которые от обычных преступных групп подростков отличались, во-первых, большей численностью, во-вторых, стойкостью. Численность одной группировки составила 27 чел., численность другой — почти 100 чел. О стойкости этих группировок свидетельствуют длительное их существование и большое количество совершенных ими преступлений. Первая группировка просуществовала более шести месяцев, вторая —

⁵ См.: Бурчак Ф. К. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1986. С. 85—89.

⁶ См.: Угрехелидзе Н. Г. Криминологическая характеристика соучастия в преступлении. Тбилиси, 1978. С. 19; Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 207; Криминология. М., 1988. С. 233 и др.

⁷ См.: Лиханов Д. «Дрянные» мальчишки//Огонек. 1988. № 29; Мяло К. Казанский феномен//Новое время. 1988. № 33, 34; Власов А. Укреплять законность, правопорядок//Политическое образование. 1988. № 14; Щекочихин Ю. Экстремальная модель//Лит. газ. 1988. 12 окт.

более года. Следует отметить, что прекращение деятельности группировок было обусловлено не внутригрупповыми процессами, а вмешательством правоохранительных органов. За время своего существования группировка из 27 чел. совершила 21 преступление, группировка из 100 чел. — 50 преступлений.

Своеобразной является структура этих группировок. В них четко прослеживается самостоятельное существование нескольких микрогрупп несовершеннолетних правонарушителей численностью, как правило, от 2 до 7 чел. Существование таких групп подтверждает следующее. Во-первых, подростки в этих группах были хорошо знакомы по совместной учебе, работе, месту жительства еще до вхождения в группировку. Других членов группировки они знали, как правило, только по кличкам или в лицо. Во-вторых, подростки имели наибольшее количество контактов между собой именно в рамках отдельных микрогрупп. В-третьих, в обеих группировках обнаружены преступные микрогруппы, в которых подростки проживали совместно длительное время на квартире или даче, вместе совершали преступления, готовили пищу, проводили досуг, сообща пользовались имуществом, добытым преступным путем. В-четвертых, после распада группировки члены отдельных микрогрупп сохраняли между собой контакты (встречались, переписывались и т. д.).

Иным является характер связей в обычных преступных группах несовершеннолетних, не входящих в группировку. Знакомство подростков в них носило, как правило, случайный характер (ИДН, улица и т. д.), подростки обычно проживали в разных микрорайонах, вместе не работали и не учились, продолжительность их знакомства не превышала одного месяца.

Различным оказался удельный вес несовершеннолетних в возрасте 14 лет в обычных преступных группах и в группах, входящих в группировку. В первых группах каждый четвертый подросток был в возрасте 14 лет. Причем эта категория подростков оказалась наиболее криминогенной. Так, 70% групповых краж личного имущества совершено с участием 14-летних. В группировках доля 14-летних подростков оказалась значительно меньшей. В группировке из 27 чел. был один подросток 14 лет, в группировке из 100 чел. — три. Особой криминогенной активностью эти подростки не отличались. В первой группировке 14-летний подросток вообще не участвовал в совершении преступлений, во второй участвовал лишь один подросток из трех, причем в двух случаях присутствовал при совершении преступления, в одном — был непосредственным исполнителем.

Характер организации преступной деятельности в отдельных преступных группах несовершеннолетних и группах, входящих в группировку, оказался в основном сходным: свыше 90% группо-

вых преступлений в обоих типах групп совершены по предварительному сговору. Между тем случаев сложного соучастия практически не обнаружено: сговор носил характер простой договоренности совершить преступление. Даже техническое разделение ролей было эпизодическим и осуществлялось обычно в процессе совершения преступления.

Однако на уровне группировки удалось вычленить механизм, координирующий деятельность всех входящих в нее групп. Таким механизмом оказалась преступная группа, для которой было характерно следующее. Во-первых, стабильный (неизменный) состав, что позволило сохранять группировку в целом при изменении численности других групп или их выходе из группировки. Во-вторых, такая группа являлась наиболее криминогенной и многочисленной. Так, в группировке из 27 чел. 20 преступлений из 21 совершено членами такой группы или с их участием, в группировке из 100 чел. — соответственно 35 преступлений из 50. Численность этого типа группы в первой группировке составила 7 чел., во второй — 20 чел. В-третьих, эти преступные группы имели свое «представительство» в других группах подростков, о чем свидетельствует вхождение в группировку несовершеннолетних именно через членов стабильных групп и сохранение с ними связи в последующем. Наличие такой связи позволяло координировать деятельность всей группировки в целом. В четвертых, такая группа выполняла функции коллективного лидера в группировке. Она определяла место и время сбора всех групп, организовывала вовлечение подростков в группировку и преступную деятельность. Так, в группировке из 100 чел. было организовано совершение 4 хулиганств, в которых принимали участие большинство подростков, входивших в группировку.

Существование таких группировок несовершеннолетних не нашло пока отражения в юридической литературе, поскольку сами группы с большим количеством подростков, нарушающих нормы права, в том числе и уголовного, появились недавно. Поэтому изучение таких групп несовершеннолетних, разработка мер профилактики в этом направлении является актуальной.

В этой связи важно отметить то обстоятельство, что и органы дознания, предварительного следствия, суды должны прилагать все усилия к наиболее полному и всестороннему изучению деятельности таких групп несовершеннолетних, не ограничиваясь при этом только деятельностью в рамках института соучастия, что характерно для их работы сегодня.

Необходимо учитывать, что подросток, входящий в группировку, как правило, не участвует во всех преступлениях, совершенных группой. В результате может оказаться, что отдельные групповые преступления, из которых складывается преступная

деятельность группировки несовершеннолетних, будут не связаны между собой в рамках соучастия. Поскольку правоохранительные органы расследуют именно совместное участие в преступлении, деятельность одной преступной группировки может быть отражена в разных уголовных делах. Так, преступная деятельность группировки, состоящей из 27 чел., нашла отражение в трех делах, два из которых рассмотрены одним из народных судов Томска, одно — народным судом Кемеровской области. Преступная деятельность группировки из 100 чел. отразилась в двух уголовных делах, рассмотренных двумя народными судами.

Такое разделение уголовных дел противоречит указанию ст. 68 УПК РСФСР об обязательном установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления. Раздельное расследование групповых преступлений в данном случае не позволяет отразить влияние преступной группировки на личность несовершеннолетнего. Думается, при решении вопроса о выделении или соединении уголовных дел о преступлениях, совершенных членами одной группировки, во внимание следует принимать не только совместное участие двух или более лиц в отдельных преступных эпизодах, но и преступную деятельность группировки в целом. Желательно, чтобы все преступные эпизоды группы находили отражение в одном уголовном деле. Когда вся преступная группировка подростков станет единым объектом исследования на предварительном следствии и в суде, можно будет получить полную и объективную информацию о причинах и условиях конкретных преступлений, совершенных несовершеннолетними, входящими в группировку. Это позволит более объективно решать вопросы об ответственности каждого конкретного члена микрогруппы, учитывая его роль, место и т. п. не только в любой группе, но и в преступной группировке в целом.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ-РЕЦИДИВИСТКИ

Е. А. Заплатаина

Личность преступника, как и любого человека, формируется и развивается в деятельности. Общественная активность человека проявляется в трудовой, общественно-политической, семейно-бытовой, культурно-образовательной сферах жизни.

Для женщины наиболее значимой является сфера семейных отношений. Несмотря на зрелый возраст абсолютного большинства женщин-рецидивисток (старше 30 лет), только 10% из них оказались замужем на момент совершения последнего преступления, а к моменту изучения их личности во время отбывания наказания в ИТУ замужем уже были только 7% рецидивисток¹. Среди рецидивистов-мужчин почти втрое выше доля состоящих в браке. Несовершеннолетние дети преступниц-рецидивисток воспитываются, как правило, в детских домах-интернатах, либо у различных родственников. По свидетельству работников ИТУ, женщины, освобождаясь из колонии, нередко заставляют просить своих малолетних детей милостыню, не оказывают им должного ухода, не занимаются их воспитанием. Взрослые дети рецидивисток нередко отбывают уголовное наказание либо являются соучастниками по делу своих матерей. Отношения в сохранившихся семьях рецидивисток и в создаваемых, как правило, вновь после каждого освобождения фактических брачных союзах крайне деформированы. Нормой поведения в этих семьях являются скандалы, ссоры, драки, которые порой провоцируют новое преступление. 40% из числа рецидивисток, осужденных по ст. 102—104, убили своих мужей или сожителей. Практически же женщины, имевшие семьи, оценивают отношения в семье как плохие. Неустойчивы и связи с родственниками: за время пребывания в ИТК только 17% женщин поддерживали связи с близкими родственниками. 20% рецидивисток полностью одиноки, 14% — матери-одиночки.

¹ В основу статьи положены материалы собственного исследования автора личности осужденных к лишению свободы женщин, проведенного в ИТК общего режима для женщин, отбывающих лишение свободы впервые, и в ИТК общего режима для женщин, отбывающих лишение свободы повторно.

Потеря семьи в результате совершения преступления и осуждения, особенно к лишению свободы (больше половины совершивших преступления впервые — женщины замужем), часто бывает связана и с потерей жилья. Из числа женщин, имевших до осуждения свое жилье (более половины), смогли воспользоваться им после освобождения из ИТК только 57%. В общей сложности 2/3 освобожденных из ИТК женщин должны были подыскать себе жилье. Интересен тот факт, что удельный вес женщин, не имеющих после освобождения жилья, почти совпадает с долей женщин, не занимавшихся перед совершением последнего преступления общественно-полезным трудом. В отдельные годы достигает такого же удельного веса и количество рецидивисток без определенного места жительства (72%).

По исследованию А. В. Иващенко, абсолютное большинство многократных рецидивистов (речь идет о мужчинах) проживали в городе и имели неплохие жилищные условия. О меньшей по сравнению с мужчинами-рецидивистами личной и бытовой устроенности женщин-рецидивисток свидетельствуют и латвийские криминологи². Возможность создания новой семьи наряду с отсутствием жилья значительно затруднена в силу возраста освобождающихся из ИТУ женщин, среди которых преобладают старшие возрастные группы. Одновременно с этим необходимо отметить, что почти треть женщин, освобождающихся из ИТУ, имеют возраст до 30 лет и 2/3 — возраст до 40 лет, то есть достаточно высокой может быть степень их социальной активности.

Важнейшей сферой проявления общественной активности человека является сфера труда, деятельности, направленной на создание общественных благ. Личность рецидивисток, характеризующаяся в сфере трудовой деятельности, отличается неоднозначностью и противоречивостью. С одной стороны, в поведении освобожденных из мест лишения свободы женщин проявляется ярко выраженная психология паразитизма. 72% рецидивисток не занимались общественно-полезным трудом перед совершением последнего преступления³. Из них 71% не работали свыше года. Из числа работающих находились в данном коллективе менее 1 года 95%. Эти женщины зачастую поступали на работу не по специальности (как правило, специальность швей), на неквалифицированную работу, на предприятия с плохими условиями труда и быта, в небольшие по численности трудовые коллективы. Очень маленький трудовой стаж особенно показателен при высоких интервалах рецидива у женщин.

² Рецидивная преступность: Понятие и криминологическая характеристика. Рига, 1983. С. 95.

³ Такие же данные приводят рижане. При этом неработавших мужчин, по их исследованию, в 2,5 раза меньше. (См.: Рецидивная преступность... С. 67).

Одновременно с этим у четвертой части из числа работавших женщин имелось ходатайство производственного коллектива о передаче их на поруки. Подавляющее большинство женщин были довольны своей последней работой, несмотря на выполнение большинством из них неквалифицированной, часто грязной работы, что является, на наш взгляд, показателем положительного отношения к труду. 14,5% женщин имели общественные поручения (из числа работавших — более половины), хотя и носящие, в основном, разовый характер, 18% женщин в течение своей трудовой жизни являлись членами профсоюза. 2/3 женщин выполняли свою последнюю работу, по их мнению, хорошо, пятая часть — нормально, десятая часть — посредственно или плохо и 4% — отлично.

Более трети женщин имели поощрения по последнему месту работы (благодарности, премии, ценные подарки, грамоты), некоторые имели по 2 и более поощрения.

47% женщин за период их трудовой жизни занимались, по их словам, общественной работой. За время отбывания наказания в ИТУ, к моменту исследования, имели поощрения 2/3 женщин, из них 94% — поощрения за труд. Более 2/3 женщин (71%), по мнению начальников отрядов, работают постоянно хорошо, хорошо работают только при условии хорошего заработка либо льгот 1/10 часть осужденных, без желания работают 17% и уклоняются от работы 2%. При этом начальники отрядов полагают, что идейно-общественные стимулы отношения к труду (трудом искупить вину, принести пользу обществу и т. д.) наблюдаются у половины осужденных; более чем у четверти женщин стимулом является привычка работать. Давая такую высокую оценку отношению рецидивистов к труду, начальники отрядов в то же время сравнительно низко оценивают профессиональную подготовленность женщин: не имеют никакой специальности 33,3% женщин, еще 1/3 женщины имеют специальность, по которой в ИТУ работать нельзя. Из оставшейся 1/3 осужденных чуть меньше половины являются, по мнению администрации, хорошими специалистами, больше половины — средними специалистами и 2,2% от числа всех осужденных — плохие специалисты.

Интересен тот факт, что при сравнении анализируемого контингента с женщинами, отбывающими наказание в ИТУ, впервые наблюдается явное изменение оценки отношения к труду начальниками отрядов в положительную сторону у неоднократно судимых женщин. В ИТУ для отбывающих лишение свободы впервые удельный вес женщин, работающих постоянно хорошо, в 2 раза меньше — 32%, а хорошо работающих только при условии хорошего заработка или льгот и уклоняющихся от работы более чем в 2 (21,7% против 9,7%) и в 3 раза (8,3% против 2,4%) больше.

Несколько хуже у впервые осужденных и профессиональная подготовка: удельный вес хороших специалистов составляет 13%, средних — 25%, плохих — 5%, не имеют никакой специальности 37% женщин. Относительно 20% впервые осужденных мы не получили сведений о их профессиональной подготовке.

Состав женщин, отбывающих наказание в ИТУ впервые отличается по своим социально-демографическим признакам, что уже само по себе может приводить к различию отношений к основным общезначимым ценностям, в том числе и к труду. Так, не исключено, что более зрелый возраст женщин-рецидивисток по сравнению с впервые отбывающими лишение свободы женщинами является причиной их более зрелого отношения к труду. И в таком случае акцент в причинном механизме незанятости общественно полезным трудом 72% рецидивисток перед совершением преступления, возможно, будет смещен в ряде случаев с личного отношения на неблагоприятные обстоятельства среды или мало зависящие от самих освобожденных качества личности (состояние здоровья).

Некоторые женщины по состоянию своего здоровья не могут работать после освобождения по специальности швей-мотористки (основной вид производства и профессионально-технического обучения в ИТК для женщин) в силу плохого зрения. Из личных бесед с медицинским персоналом ИТУ, и в частности с наркологами, выяснилось, что довольно значительный процент женщин имеют серьезные заболевания: стенокардия, заболевание легких, гинекологические, венерические заболевания (в одной из изученных колоний около 8% составляет сифилис), различные психические заболевания. По их мнению, это связано, в первую очередь, с большим процентом лиц, являющихся хроническими алкоголиками, при этом хронический алкоголизм часто накладывается на неоднократные черепно-мозговые травмы, что почти с неизбежностью продуцирует аномалии в психике.

По исследованиям А. М. Михайловой, среди преступниц-бродяг (к которым в связи с высокой долей лиц БОМЖ и не работающих можно отнести большое количество рецидивисток) особенно велика доля лиц с психическими отклонениями. Психические аномалии, затрудняя общение и другие виды социальной активности, помимо этого способствуют развитию других отклонений. Так, на отсутствие блокирующих факторов при удовлетворении сексуальных интересов у олигофренов обращают внимание психиатры⁴.

Не являясь причинами преступлений, психические аномалии играют определенную роль в генезисе преступного поведения. Лицам, умственно отсталым или имеющим другие отклонения в пси-

⁴ Судебная психиатрия: Учебник/Под ред. Г. В. Морозова. М., 1986. С. 47.

хике, труднее усвоить усложняющиеся общественные отношения. Они тяготеют к вступлению в более примитивные отношения, являющиеся часто несовместимыми с отношениями, принятыми в обществе. Зачастую такие лица искаженно воспринимают и оценивают окружающую действительность, жизненные ситуации и неадекватно реагируют на внешние воздействия. Многие из них легко внушаемы, что нередко используется в корыстных целях более опытными преступниками. Половина из числа обследованных нами рецидивисток, совершивших преступление в группе, были втянуты, по их словам, в преступную деятельность группы сожителем (35%), мужем (6%), сослуживцами (35%), знакомыми по местам лишения свободы или ранее судимыми лицами (41%).

По половому составу группы распределились следующим образом: одни женщины — 41%, преобладали женщины — 14%, преобладали мужчины — 4%, единственная женщина в группе — 41%. В случаях, когда осужденная являлась единственной женщиной в группе, она была, как правило, связана с одним из членов группы интимными или родственными отношениями.

Нежелание работать на свободе у некоторой части рецидивисток может быть в определенной степени связано с низким заработком, который не обеспечивает в полной мере насущные потребности освобожденных из мест лишения свободы женщин, почти половина женщин имели довольно низкий (70 р. и ниже) душевой доход.

Поскольку 72% женщин не работали, а работающие занимались неквалифицированным, низкооплачиваемым трудом и многие женщины были одинокими или одни воспитывали детей, то, что 33% женщин указали доход семьи в расчете на одного человека, как превышающий 100 р., свидетельствует о том, что часть женщин либо приукрашивают материальное положение своих семей (как это наблюдается в вопросах о возрасте, семейном положении, трудовом стаже), либо эти женщины или их семьи имели дополнительные источники доходов, помимо заработной платы, возможно и добытые путем преступления, либо проституции. «Случайными заработками, в том числе и на средства, извлеченные из антиобщественной деятельности — проституции, попрошайничества и т. д. — жили 12,1% рецидивисток», — свидетельствуют авторы коллективной монографии «Рецидивная преступность»⁵.

Учитывая, однако, что абсолютное большинство рецидивисток не работало перед совершением последнего преступления, высокий процент латентности краж с небольшим размером похищенного, которые наиболее характерны для рецидивисток, а также отсутствие в нашей стране моральной статистики, можно пред-

⁵ Рецидивная преступность... С. 90.

полагать, что на самом деле процент женщин, живущих за счет таких «случайных заработков», гораздо выше.

Ссылка латвийских криминологов на то, что трудовые общественно полезные усилия части женщин находят применение в сфере быта, не будучи отраженными в показателях трудового стажа (работа по воспитанию детей, когда по тем или иным причинам женщина-домохозяйка не может включиться в процесс общественного производства, не зафиксированный трудовыми книжками труд домработниц и т. д.)⁶, лишь с очень большими оговорками может быть применена к женщинам-рецидивисткам. Среди обследованных женщин, освобожденных из мест лишения свободы (на предмет протекания процесса их ресоциализации в обществе), ни одна из женщин, имеющих семью, не проявила заботы о муже, детях, интереса к ведению домашнего хозяйства.

Низкая профессиональная подготовленность неоднократно судимых женщин не служит для большинства из них стимулом к повышению своего профессионального уровня. Обучаются в ПТУ ИТК только 27% осужденных. Из них 3/5 обучаются, по мнению начальников отрядов, добровольно, сознательно и 2/5 — по принуждению. Не обучаются по уважительной причине только 15% осужденных, лишь у 13% рецидивисток отмечается такой стимул к труду, как интерес к специальности.

Познавательная активность в целом очень мало развита у неоднократно судимых женщин. Сравнение рецидивистов по полу и образованию показывает, что неграмотных и имеющих начальное образование больше среди женщин — 44% (неграмотные — 1%, начальное — 12%, 5—7 классов — 21%), нежели среди мужчин — 18,4%. Имеющих неполное среднее образование также больше среди женщин — 34%, чем среди мужчин — 23%. На уровне полного среднего образования преобладают мужчины (29% женщин и 53% мужчин)⁷.

Отсюда следует вывод: женщины-рецидивистки отличаются низким уровнем образования, значительно отставая по этому показателю от рецидивистов-мужчин. В то же время на момент совершения последнего преступления нигде не училась ни одна из изученных нами женщин. Женщины-рецидивистки характеризуются и очень низким общекультурным уровнем развития. Значительно ограничено у рецидивисток использование средств массовой информации, стремление к пользованию благами культуры.

К специфическим особенностям эмоциональных свойств женщин-рецидивисток можно отнести неустойчивость психических состояний. Для многих из них характерны резкие переходы от слез-

⁶ Там же.

⁷ Рецидивная преступность... С. 89.

ливости, проявлений жалости к себе и окружающим к грубости и к себе, и к окружающим. Женщины-рецидивистки, как правило, морально неустойчивы, зачастую идут на поводу у других. Тот факт, что 50% женщин-рецидивисток были втянуты в преступную деятельность групп сожителем, мужем, подругами, сослуживцами или знакомыми по местам лишения свободы, говорит о том, что они не отличаются сильной волей, что мешает им встать на путь трудовой жизни (почти все опрошенные сказали, что при освобождении за предыдущее преступление они собирались честно жить и работать). Обращались в какие-либо органы за помощью в трудоустройстве только 10% женщин-рецидивисток, по поводу прописки — 19%, по вопросу предоставления жилья — 9%, не обращались никуда — 68%. То, что большинство женщин, работавших на неквалифицированной, порой тяжелой и грязной работе, сказали, что работа их в общем-то устраивала, свидетельствует об отсутствии у них стремления улучшить свое социальное положение. Высокий удельный вес лиц, имеющих плохие отношения в семье, также свидетельствует о неспособности, а порой и нежелании этих женщин каким-то образом улучшить свое семейно-бытовое положение. На вопрос, были ли они втянуты в преступную деятельность группы, 50% ответили «да», 35% — «нет» и 15% затруднились ответить положительно или отрицательно.

Содержанием индивидуалистического отношения большинства рецидивисток является корысть, которая, однако, не выражается в стремлении к накопительству и стяжательству, а является, по терминологии Н. Ф. Кузнецовой, корыстью-паразитизмом и корыстью-легкомыслием⁸. Средства, полученные преступным путем, обычно расходуются на удовлетворение «сиюминутных» потребностей. При совершении воровства молодыми женщинами определенное значение имело стремление быть красиво и модно одетыми, занимать определенное положение в компании и т. д. Для женщин старших возрастных групп воровство в большей степени связано с желанием получить средства для паразитического существования, на спиртные напитки, на содержание сожителя и т. д. Распространенность злоупотребления спиртными напитками тесно связана с образом жизни и, в свою очередь, накладывает определенный отпечаток на личностные установки неоднократно судимых женщин. Под воздействием алкоголя у них снижается работоспособность, вырабатываются жизненные позиции, реализация которых не требует особых усилий. Корыстные устремления подчиняются единственной цели — добыче спиртного. Хулиганским действиям присущ исключительный цинизм и

⁸ Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 69—70.

развязность. Глубокий дефект эмоциональной сферы приводит их к половой распущенности⁹.

В криминологической литературе уже отмечалось, что негативная ориентация женщин-рецидивисток, как правило (исключением являются, по нашему мнению, мошенницы-рецидивистки), не достигает уровня антиобщественной установки (А. И. Алексеев). Индивидуалистическое отношение к общезначимым ценностям проявляется, по его мнению, в асоциальной установке ситуативного характера.

Проведенное нами исследование не подтверждает применительно к женщинам выдвинутый в криминологии тезис о том, что по мере возрастания количества судимостей возрастает и общественная опасность личности рецидивиста. Многократные рецидивистки, за редким исключением, не совершают тяжких преступлений. Тенденция прослеживается обратная: чем больше судимостей, тем вероятнее осуждение за бродяжничество, нарушение паспортных правил или кражу с небольшим размером похищенного. Кроме того, сравнение рецидивисток с женщинами, отбывающими лишение свободы впервые, обнаружило лучшие характеристики (в процессе отбывания наказания) личности рецидивисток по сравнению с первичными преступницами (или отбывающими впервые лишение свободы) по целому ряду показателей (отношение к труду, к совершенному преступлению, к соблюдению режимных требований и дисциплины, к политзанятиям, к участию в общественной жизни, родственникам, некоторые волевые, эмоциональные и коммуникативные черты характера).

Выявленная в процессе исследования существенная разница между многими объективными данными о личности осужденных рецидивисток, полученными из материалов уголовных и личных дел осужденных, и субъективной оценкой тех же явлений самими женщинами в процессе интервью (возраст, семейное положение, трудовой стаж и др.) может в некоторой степени объясняться недобросовестной работой уполномоченных в плане выяснения ряда подобных сведений (стаж и другие характеристики образа жизни, причин и условий совершения преступления). Но основной причиной такого несовпадения, по нашему мнению, является желание осужденных выглядеть лучше в глазах окружающих. В целом это следует признать положительным фактором, поскольку такое поведение свидетельствует о том, что такие общезначимые ценности, как труд, семья, общение и др., существуют для жен-

---

⁹ Голоднюк М. Н. Криминологическая характеристика женщин, отбывающих наказание в ИТК//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 2. Право. 1985. № 5. С. 18—23.

щин-рецидивисток, по крайней мере, абстрактно¹⁰. Иначе говоря, мы наблюдаем во многих случаях наличие положительных нравственных отношений женщин-рецидивисток к общественным ценностям, которые, однако, не достигают уровня убеждений, реализация которых, кроме того, затрудняется у рецидивисток мощным негативным средовым комплексом.

Материалы исследования позволяют нам сделать вывод о более глубокой степени деформации личности женщин-рецидивисток по сравнению с первичными преступницами (среди которых примерно в 3 раза больше работающих перед совершением последнего преступления, а в 4,5 раза — имеющих семью), которая проявляется как в социологической, так и психологической (В. Д. Филимонов) структуре личности. При этом необходимо отметить, что в большей степени страдают не нравственно-психологические отношения к основным общезначимым ценностям (по сравнению с женщинами, осуждаемыми впервые), диспозиции рецидивисток, а статусы (позиции, роли), то есть реальная включенность в наиболее важные сферы жизнедеятельности общества. Следовательно, с возрастанием числа судимостей повышается не столько степень общественной опасности личности женщин-рецидивисток, сколько степень социальной дезадаптации.

---

¹⁰ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 372—373.

О МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. К. Свиридов

Нормальное развитие уголовно-процессуальной деятельности как средства реализации норм уголовного права требует своего обеспечения. Практике известно немало случаев, когда ненадлежащее поведение того или иного субъекта (особенно представителя органа государства) приносило ощутимый ущерб уголовному судопроизводству, достижению его задач.

Механизм обеспечения уголовно-процессуальной деятельности по содержанию сложен. В него, как отмечается в литературе, входят: уголовно-процессуальная ответственность, меры защиты правопорядка и превентивные меры¹. Все это — институты уголовно-процессуального права. Обоснованно в рассматриваемый механизм включаются и непроцессуальные средства: уголовно-правовое, административно-правовое, общественное и иное обеспечение реализации уголовно-процессуальных норм и правоотношений².

Естественно, что в одной статье дать анализ всех элементов обеспечительного механизма нет возможности. Поэтому в настоящей работе предпринимается попытка исследовать один его элемент, который, по мнению ряда авторов, играет большую (как полагает З. Ф. Коврига — ведущую) роль в деле обеспечения уголовно-процессуальной деятельности — процессуальную ответственность.

Об уголовно-процессуальной ответственности в последнее время опубликован ряд работ. Однако не все аспекты этой проблемы исследованы, не все аргументы в пользу той или иной позиции проанализированы. До сих пор нельзя признать окончательно решенным основной вопрос: существует ли в действительности

---

¹ Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 56, 57. Близка к изложенной позиция других авторов: Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 8—9; Филющенко А. А. Об уголовно-процессуальном принуждении // Правоведение. 1974. № 3. С. 108—109.

² Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 44.

ответственность как самостоятельный институт уголовно-процессуального права?

Большинство авторов отвечают на этот вопрос положительно. Так, Г. Н. Ветрова пишет, что самостоятельное существование уголовно-процессуальной ответственности вызывается наличием в уголовно-процессуальном праве своего метода правового регулирования. По содержанию же уголовно-процессуальная ответственность — это обязательство участников процесса отчитываться в своих действиях по исполнению процессуальных обязанностей и принять на себя вину за возможные последствия неисполнения³. Более полное и четкое понятие уголовно-процессуальной ответственности дает Л. Д. Кокорев. Она Л. Д. Кокоревым трактуется как «правовое состояние участников уголовного судопроизводства, в силу которого они должны надлежащим образом пользоваться своими правами и выполнять свои обязанности, а в случае нарушения процессуальных норм подвергнуться предусмотренным законом мерам процессуального воздействия»⁴.

Как видно, указанные авторы, во-первых, признают существование уголовно-процессуальной ответственности; во-вторых, они понимают ее очень широко, как состоящую из двух видов: позитивной (перспективной) и негативной (ретроспективной) ответственности.

Думается, что и первый, и второй выводы Г. Н. Ветровой и Л. Д. Кокорева следует подвергнуть сомнению. Начнем с анализа так называемой позитивной (перспективной) ответственности. Она понимается как «осознание гражданином чувства долга перед обществом, убежденность в необходимости строгого соблюдения законов, в недопустимости совершения общественно опасных преступных деяний и основанная на этом осознании практическая деятельность»⁵. «О позитивной процессуальной ответственности, — пишет Г. Н. Ветрова, — следует говорить, когда налицо, с одной стороны, сознательное положительное отношение участника процесса к возложенной на него процессуальной обязанности, а с другой — положительная государственная оценка действий, направленных на ее выполнение. В некоторых случаях такая оценка выражается в применении мер поощрения»⁶.

³ Кокорев Л. Д. Уголовно-процессуальная ответственность и ее значение в предупреждении процессуальных нарушений//Уголовно-процессуальные формы борьбы с правонарушениями. Свердловск, 1983. С. 7.

⁴ Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987. С. 5, 8. Аналогично см.: Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 3—38.

⁵ Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 54.

⁶ Ветрова Г. Н. Указ. соч. С. 64.

Нетрудно заметить, что позитивная ответственность, по существу, сводится к осознанию необходимости действовать строго в соответствии с законом, к положительной оценке правопослушного поведения. Уже в этом обнаруживается слабость рассматриваемой концепции: у позитивной ответственности не видно самостоятельного содержания, оно растворяется в содержании других существующих юридических явлений — правосознания, юридической обязанности. Как верно отмечает И. П. Петрухин, такая ответственность отождествляется с понятием социального (правового) долга⁷. Существующие правовые категории уже прочно вошли в жизнь, несут определенную, четко выраженную смысловую нагрузку, и в связи с этим их использование помогает теории и практике. Понятие же позитивной ответственности, лишенное своего самостоятельного, четко определенного содержания, ничего полезного к «работе» уже существующих правовых категорий не добавляет.

Заметен и другой недостаток: категория ответственности, расширенная включением в нее позитивного аспекта, начинает объединять два проявления: правомерное поведение и поведение противоправное (правонарушение). Это было бы правильно, если бы второе являлось продолжением первого. В действительности же, как представляется, все обстоит иначе: противоправное поведение не продолжает, а отрицает правомерное. Значит, можно признать, что понятие ответственности в связи с включением в него позитивного аспекта перестает отражать реальную действительность. Доказывать опасность такого положения, думается, нет необходимости.

Нельзя не обратить внимание и на следующее: с созданием концепции позитивной ответственности содержание понятия юридической ответственности теряет свою четкость, определенность в связи с чрезвычайным расширением (в него начинает входить государственная реакция на любое поведение людей). Это способно привести к затруднениям с использованием категории ответственности в практике. Однако допустить такое нельзя, так как от правильного во всех случаях применения юридической ответственности многое зависит в жизни людей (особенно в сфере уголовного судопроизводства). Изложенное, по моему мнению, убеждает в целесообразности отказаться от концепции процессуальной ответственности. Она, по справедливому замечанию И. Л. Петрухина, представляет искусственную теоретическую конструкцию⁸.

⁷ Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 95.

⁸ Там же. С. 94. И. Л. Петрухиным приводятся и другие аргументы, показывающие сомнительность концепции позитивной процессуальной ответственности (с. 92—95).

Серьезные сомнения вызывает наличие и негативной уголовно-процессуальной ответственности. Первое, что невольно привлекает внимание при ознакомлении с этой проблемой — существенные разногласия сторонников негативной процессуальной ответственности в ее понимании, в определении ее содержания. Так, неоднозначно решается один из основных вопросов о том, должна ли быть уголовно-процессуальная ответственность виновной либо она может применяться без вины (например, З. Ф. Коврига в отличие от других авторов утверждает, что влекущее ответственность уголовно-процессуальное правонарушение — объективно, а не субъективно противоправное деяние)⁹. Далее, одни авторы одобряют, другие же отрицают включение в процессуальную ответственность такого принуждения, как изменение обвиняемому меры пресечения на более строгую (Я. О. Мотовиловкер в понятие процессуальной ответственности включает не только изменение, но и применение в любом случае мер пресечения¹⁰). По-разному определяется относимость к ответственности привода, отмены и изменения процессуальных актов, отстранения следователя от ведения дела, вынесения «негативного» частного определения суда.

Конечно, сами по себе разногласия по какому-то вопросу по общему правилу не являются аргументом, свидетельствующим об искусственности, беспочвенности такого вопроса. Однако в анализируемом случае, как представляется, имеет место исключение из этого правила: наличие значительных разногласий побуждает если и не категорически утверждать, то серьезно задуматься над этим вопросом: не идет ли спор о несущественном явлении?

В прошлые годы утверждалось, что «не каждый метод (правового регулирования. — М. С.) имеет специфический вид ответственности... Процессуальной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности не существует»¹¹. Впервые вопрос о наличии уголовно-процессуальной ответственности поставила П. С. Элькин¹². Ее работы послужили началом развернувшейся дискуссии.

Думается, что при исследовании каких-то явлений, относящихся к отдельным отраслям права, обязательно необходимо под-

⁹ Коврига З. Ф. Указ. соч. С. 78.

¹⁰ Мотовиловкер Я. О. Вопросы теории советского уголовного процесса. Томск, 1971. С. 90.

¹¹ Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 182—187. Обосновывается такой взгляд и в настоящее время. См.: Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. С. 48.

¹² Чечина Н. А., Элькин П. С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности//Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33.

ходить к вопросу с учетом положений общей теории права. В общетеоретическом плане юридическая ответственность понимается как претерпевание виновным правонарушителем определенных лишений, которые создаются возложением на него дополнительных юридических обязанностей либо отобранием принадлежащих ему субъективных прав. Отмеченные общие признаки юридической ответственности должны присутствовать и в понятии уголовно-процессуальной ответственности, если таковая существует. Это требование хорошо выполнено П. С. Элькинд, которая определяет уголовно-процессуальную ответственность как «реальное возложение на правонарушителя дополнительной уголовно-процессуальной обязанности, лишение его тех или иных процессуальных прав или же и возложение дополнительных обязанностей, и лишение соответствующих процессуальных прав»¹³. Данное определение, полностью соответствуя общетеоретическому представлению о юридической ответственности, в то же время подчеркивает специфику уголовно-процессуальной ответственности. Если ответственность уголовно-процессуальная, то выражаться она должна в возложении на правонарушителя не каких-либо, а процессуальных обязанностей либо в лишении именно процессуальных субъективных прав.

Таким образом, признаки уголовно-процессуальной ответственности четко определены, и только они должны служить критерием в определении относимости той или иной меры принуждения к процессуальной ответственности. С их использованием необходимо проанализировать все то, что предполагается отнести к уголовно-процессуальной ответственности.

Начать можно с анализа меры с наиболее ярко выраженным карательным характером — штрафа, который может быть наложен судом на переводчика, специалиста, свидетеля за уклонение от явки и исполнения своих процессуальных обязанностей (ст. 57, 73, 133¹ и 263 УПК РСФСР), а также на присутствующих в зале лиц за нарушение ими порядка в зале суда и неподчинение распоряжения председательствующего (ст. 263 УПК РСФСР). И. Л. Петрухин и Г. Н. Ветрова безоговорочно относят данную меру к уголовно-процессуальной ответственности¹⁴. Однако здесь напрашивается иной вывод: в содержании анализируемой меры нет тех признаков, которые обязательны для уголовно-процессуальной ответственности. Действительно, наложение штрафа в размере 30 р. несколько не увеличивает процессуальные обязанности и не уменьшает процессуальные права свидетеля, переводчика, специалиста — а именно в этом должна была проявиться уголов-

¹³ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 96.

¹⁴ Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 99; Ветрова Г. Н. Указ. соч. С. 59.

но-процессуальная ответственность. Для указанных лиц возникает дополнительная имущественная обязанность. Что касается их уголовно-процессуального положения, то оно остается прежним, неизменным.

И. Л. Петрухин в обосновании вывода об отнесении штрафа к уголовно-процессуальной ответственности приводит и такой аргумент: норма о наложении такого взыскания находится в уголовно-процессуальном законе¹⁵. На мой взгляд, этот аргумент не выдерживает критики: нахождение нормы в том или ином законодательном акте еще не определяет однозначно его отраслевую принадлежность¹⁶. Обязательным критерием отраслевой принадлежности нормы должен быть ее характер.

Таким образом, есть все основания утверждать, что наложение судом штрафа на переводчика, свидетеля, специалиста и других лиц не относится к уголовно-процессуальной ответственности. Несомненно, в рассматриваемой ситуации перечисленные лица ответственность несут, но она не уголовно-процессуальная по характеру.

Не видно признаков, которые должны быть присущи уголовно-процессуальной ответственности, и в изменении обвиняемому меры пресечения на более строгую¹⁷. По справедливому замечанию И. Л. Петрухина, такая мера может быть применена и без правонарушения со стороны обвиняемого, в связи с чем в данной ситуации отсутствуют основания говорить об уголовно-процессуальной ответственности¹⁸. Но даже и в иной ситуации, когда мера пресечения изменяется вслед за виновным правонарушением обвиняемого, вряд ли более строгую меру пресечения можно рассматривать как ответственность. Большая строгость — замена подписки о невыезде заключением под стражу — выражается не в уголовно-процессуальном изменении, что должно быть характерно для процессуальной ответственности. Как правильно отмечает А. М. Ларин, при задержании и заключении под стражу складываются два вида отношений: «во-первых, отношения между органом, принимающим решение о задержании или избрании меры пресечения, и обвиняемым или подозреваемым, а также между администрацией места задержания или лишения свободы, и, во-вторых, правоотношения между начальником места задержания

¹⁵ Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 99.

¹⁶ С. С. Алексеев по этому поводу пишет: «В действующем республиканском уголовном кодексе закреплены административно-правовые предписания (например, ст. ст. 239, 241, 243, 244, 250 УК РСФСР), которые остались таковыми несмотря на то, что включены в состав кодифицированного акта другой отрасли». (Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 65—66).

¹⁷ Такое действие к уголовно-процессуальной ответственности относит П. С. Элькиндр. (Указ. соч. С. 96).

¹⁸ Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 86.

или лишения свободы и обвиняемым или подозреваемым. Правоотношения первого рода являются уголовно-процессуальными, правоотношения второго рода — административными»¹⁹. При избрании заключения под стражу вместо более легкой меры пресечения изменению подвергаются правоотношения второго рода. Что касается уголовно-процессуального статуса обвиняемого, то он остается неизменным. Ведь обвиняемый после замены подписки о невыезде заключением под стражу не лишается ни одного принадлежащего ему ранее процессуального права — права на заявление ходатайств, обжалование действий следователя, представление доказательств, ознакомление с материалами дела и т. д. Не становится у него больше процессуальных обязанностей. Значит, в изменении меры пресечения нет тех признаков, которые его (изменение) могли бы характеризовать как уголовно-процессуальную ответственность. И избранное после замены заключение под стражу по сущности и целям продолжает оставаться обычной мерой пресечения, не приобретая никаких дополнительных качеств.

Сложное обстоит дело с оценкой природы такой меры, как удаление подсудимого (и других участников процесса) из зала суда в связи с нарушением порядка судебного заседания. Большинство авторов относят такую меру к процессуальной ответственности. И действительно, внешне здесь признаки ответственности как будто имеются: удаленный из зала подсудимый лишается возможности присутствовать на суде и лично отстаивать свои интересы. Но это — лишь внешняя сторона. Если взглянуть глубже, все предстанет в ином виде. Лишение принадлежащих субъекту процессуальных прав как элемент ответственности — не содержание последней, а средство ее достижения. Содержание же — претерпеть страдания, неблагоприятные последствия. При удалении из зала суда неблагоприятных последствий для подсудимого не наступает: несмотря на его отсутствие, его интересы должны быть в полном объеме обеспечены другими субъектами (судом, прокурором, защитником). Обстоятельства дела в любом случае должны быть исследованы всесторонне, полно, объективно, и подсудимому при признании его виновным должно быть назначено только справедливое наказание. Все это должно быть достигнуто и при участии подсудимого в судебном заседании, и при его отсутствии (которое возможно не только при удалении из зала суда за нарушение порядка). Следовательно, в анализируемой ситуации подсудимый не претерпевает неблагоприятных последствий, значит, здесь не обнаруживается ответственность. Цель удаления субъекта из зала суда — устранить возникшее в связи с нарушением порядка нормальное развитие судебного разбирательства. В

¹⁹ Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985. С. 76.

соответствии с такой целью рассматриваемую меру целесообразно отнести к мерам защиты правопорядка.

Применяя тот же способ анализа, можно прийти к аналогичному выводу и в отношении таких мер, как принудительный привод, отмена или изменение процессуальных актов, вынесение частного определения суда и т. п. Названные меры не содержат признаков уголовно-процессуальной ответственности. Их природа иная.

Изучение предлагаемых авторами различных видов уголовно-процессуальной ответственности приводит к следующему общему выводу: характер процессуальной деятельности не позволяет использовать процессуальные права и обязанности для причинения лишений, страданий. Процессуальные права и обязанности не являются самоцелью, в конечном счете они служат средством достижения законного материально-правового интереса. Цель использования процессуальных прав и обязанностей — обеспечить надлежащую активность субъекта для правильного применения нормы материального права. Лишение субъекта принадлежащих ему процессуальных прав (с тем, чтобы их не смог реализовать ни он, ни другой уполномоченный субъект) или возложение на него дополнительных к уже имеющимся обязанностей способно отрицательно сказаться на достижении указанной цели. Это недопустимо, поскольку в такой ситуации страдают (или будут поставлены под угрозу) интересы как отдельного участника процесса, так и уголовного судопроизводства в целом. Поэтому для возложения ответственности не должно использоваться изменение объема процессуальных прав и обязанностей. С этой целью допустимо использовать лишь права и обязанности материального характера. Следовательно, уголовно-процессуальной ответственности (и позитивной и негативной) не может быть.

Изложенное позволяет более точно определить структуру правового механизма, направленного на обеспечение нормального развития уголовно-процессуальной деятельности. Она состоит из двух частей: процессуальной и непроцессуальной, заимствованной из других материальных отраслей права. В первую часть входят меры защиты правопорядка и превентивные меры; во вторую — ответственность уголовная, имущественная (гражданская) и административная (включая и дисциплинарную).

Предлагаемый вывод имеет, на мой взгляд, практическое значение, которое проявляется в следующем: правильное определение юридической природы тех или иных мер в большинстве случаев и определение соответствующих методов их регулирования. Если ряд мер принуждения будет признан ответственностью уголовно-процессуального характера, то естественно, что реализация таких мер должна осуществляться с применением уголовно-процессуаль-

ного метода регулирования, весьма сложного по содержанию. Между тем многие меры (например, удаление подсудимого из зала суда, оштрафование свидетеля и т. п.) настолько несложны, что их применение с помощью уголовно-процессуального метода будет означать дополнительные ненужные затраты. Названные и подобные им меры требуют гораздо более простых методов применения (административных).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ю. К. Якимович

Уголовно-процессуальная деятельность, включаемая ныне действующим законодательством в стадию исполнения приговора, многообразна и разнообразна. В уголовно-процессуальной литературе имеются серьезные исследования, направленные на определение границ стадии исполнения приговора, отграничение уголовно-процессуальной деятельности в стадии исполнения приговора от фактической деятельности по исполнению наказания¹. Несмотря на имеющиеся по этим вопросам различия во взглядах, большинство авторов едины в одном: всю уголовно-процессуальную деятельность, регламентированную разделом пятым УПК, они относят к содержанию одной стадии — стадии исполнения приговора. Однако это не так. Попытаемся обосновать данное положение.

Уголовное судопроизводство (как деятельность) направлено на установление наличия (или отсутствия) уголовно-правового отношения. Уже в момент установления наличия уголовно-правового отношения в самом общем виде устанавливается и его содержание. В дальнейшем, в ходе досудебного и судебного производства, содержание уголовно-правового отношения конкретизируется на основе установления фактов, относящихся к самому преступному деянию и личности лица, обвиняемого в его совершении². Уголов-

¹ См.: Перлов И. Д. Исполнение приговора. М., 1963; Куцова Э. Ф. Исполнение приговора. М., 1960; Литвинов Р. В. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964; Матвиенко Е. А. Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968; Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978; Аврах Я. С. Исполнение приговора по УПК РСФСР. Казань, 1962; Любавин Н. А. Вопросы компетенции суда и администрации при исполнении приговора//Материалы научной конференции, посвященной проблемам исправительно-трудового права. Томск, 1961; Иванов В. А. Прокурорский надзор за исполнением приговора. Л., 1966; Карасев И. Е. К вопросу о разграничении компетенции между судом и администрацией исправительно-трудового учреждения при разрешении вопросов, возникающих в процессе исполнения лишения свободы//Вопросы государства и права. Томск, 1974; Матвиенко Е. А., Бибило В. Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. Минск, 1982.

² Подробный анализ см.: Матвиенко Е. А., Бибило В. Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. Минск, 1982. С. 3—26.

но-правовое отношение закрепляется в приговоре суда. Кассационная и надзорная инстанции могут вносить изменения в содержание установленного судом первой инстанции уголовно-правового отношения. Однако эти изменения могут основываться только на обстоятельствах, имевших место до вынесения приговора, но не учтенных или неправильно истолкованных судом первой инстанции. Точно также при решении вопроса о возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам принимаются во внимание обстоятельства, имевшие место до вынесения приговора.

Наконец, в стадии исполнения приговора осуществляется распорядительная деятельность суда. На этом производство по конкретному делу заканчивается³. Уголовный процесс выполнил свое назначение. Сформулированные в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК) задачи: быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, выполнены. Реализация уголовно-правового отношения не требует уголовно-процессуального опосредствования⁴. Однако в процессе исполнения наказания возникают вопросы, разрешение которых законодатель также относит к компетенции суда. Суд «вмешивается» в исполнение наказания, когда возникает необходимость изменить (при изменении условий содержания осужденных), заменить (при условном освобождении с обязательным привлечением к труду и замене наказания более мягким) либо вовсе прекратить (при условно-досрочном и досрочном освобождении) его исполнение. В этих случаях происходит изменение содержания уголовно-правового отношения либо досрочное его прекращение. И то и другое основывается на применении норм материального уголовного права. Именно поэтому решение этих вопросов относится к исключительной компетенции суда и осуществляется в уголовно-процессуальной форме. Применительно к этой проблеме А. М. Ларин пишет: «Уголовно-процессуальные отношения, завершившиеся обращением обвинительного приговора к исполнению, могут вновь возникнуть в виду необходимости в решении определенных вопросов, связанных с исполнением приговора.

---

³ По справедливому утверждению М. С. Строговича, «уголовный процесс считается законченным, когда вступивший в законную силу приговор приведен в исполнение». (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 11. С. 424). Так же считает и Т. Н. Добровольская. (См.: Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979. С. 18).

⁴ Подробнее см.: Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск. 1978. С. 28 и след.

Это весьма своеобразная часть уголовного судопроизводства. Вряд ли она может рассматриваться как продолжение процесса по делу, завершившемуся постановлением и обращением к исполнению приговора... Собственно к материалам уголовного дела, как к совокупности документов, фиксирующих действия и решения следователя и суда, постановившего приговор, суд при этом не обращается. Предмет доказывания в стадии исполнения приговора составляют не те обстоятельства, которые послужили основанием приговора..., а иные, относящиеся к фактам поведения осужденного, не образующим состава преступления, к изменениям состояния его здоровья уже после того, как постановлен приговор»⁵.

Впервые вывод о самостоятельности производств по разрешению судами вопросов, возникающих в процессе исполнения наказаний, был обоснован в работах Т. Н. Добровольской. По мнению Т. Н. Добровольской, это особые производства: специфичны поводы и основания возбуждения этих производств, они имеют особый круг субъектов возникающих уголовно-правовых отношений, отличается и порядок производства⁶.

Действительно, деятельность по разрешению возникающих в процессе исполнения наказания вопросов, отнесенных к компетенции суда, не может быть сведена к одной стадии, это полистадийная деятельность. Здесь, как и в производствах по уголовному делу (мы их называем основными), могут быть сформулированы промежуточные, конкретные для каждой стадии и общие, конечные для всего производства задачи. Это не продолжение деятельности по уголовному делу, а совсем иная деятельность, по иному делу.

Являясь самостоятельными, рассматриваемые (мы их называем дополнительными) производства отличаются от основных по своей направленности: они направлены на изменение или досрочное прекращение установленного и закрепленного приговором суда уголовно-правового отношения. В этих производствах не рассматриваются вопросы о преступлении, виновности и наказании. Предметом этих производств является вопрос о наличии или отсутствии обстоятельств, с которыми уголовный закон связывает необходимость изменения, замены или прекращения реализации уголовного наказания. Обстоятельства эти возникают после вступления приговора в законную силу.

Дополнительные уголовно-процессуальные производства также обеспечивают применение уголовного закона. Однако перед ними не могут ставиться те задачи, что и перед основными производствами. Перед дополнительными производствами не стоят за-

⁵ Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985. С. 62—63.

⁶ Добровольская Т. Н. Указ. раб.

дачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличение виновных, справедливое наказание лиц, совершивших преступление, ограждение от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения невиновных. Задачами дополнительного производства является обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы в каждом случае, когда имеются для этого основания, было произведено изменение или замена наказания либо досрочное прекращение его исполнения, и не было ни одного случая неосновательного изменения, замены, досрочного прекращения исполнения наказания.

Специфика предмета и задач дополнительных производств предопределяет и особенности порядка уголовно-процессуальной деятельности. Указанные производства мы называем дополнительными постольку, поскольку они именно дополняют уголовный процесс, лишь в незначительной степени характеризуют его сущность. В структуре уголовного процесса главенствующее положение занимают основные производства: как в силу важности назначения, так и по объему фактической уголовно-процессуальной деятельности. Именно они главным образом характеризуют сущность советского уголовного судопроизводства в целом. В принципе можно представить себе уголовный процесс без дополнительных и особых производств, но без основных производств уголовного процесса быть не может.

Как уже отмечалось, производства, которые в настоящей работе именуются дополнительными, Т. Н. Добровольская называет особыми. Такой же терминологии применительно к этим производствам придерживался ранее и автор данной работы⁷. Термин «особые» использовался при этом для того, чтобы подчеркнуть самостоятельность этих производств, их отличие от производств, направленных на установление, конкретизацию и закрепление уголовно-правовых отношений, т. е. от основных производств.

Производства по условно-досрочному освобождению и аналогичные им, так же, как и основные, обуславливают применение норм уголовно-правового характера, направлены на прекращение или изменение ранее установленного в результате основного производства уголовно-правового отношения и в этом смысле особыми не являются. Так же, как и основные, они связаны с уголовно-правовыми отношениями.

В уголовном судопроизводстве действительно имеет место качественно иное производство, к характеристике которого применим термин «особое». Имеется в виду производство по применению принудительных мер медицинского характера. Здесь уголов-

---

⁷ Актуальные вопросы правопедения в период совершенствования социалистического общества. Томск. 1988. С. 194—195.

но-процессуальное производство не направлено на установление или изменение уголовно-правового отношения. В сущности принудительные меры медицинского характера, хотя и предусмотрены уголовным законодательством, по своей природе уголовно-правовыми не являются. В данном случае уголовный процесс обуславливает применение материальных норм, не носящих уголовно-правового характера, т. е. выполняет несвойственную ему функцию.

Однако вернемся к дополнительным производствам. В первую очередь необходимо разграничить уголовно-процессуальную деятельность, относящуюся к стадии исполнения приговора, и деятельность, таковой не являющуюся, составляющую предмет самостоятельных дополнительных производств.

«Приведением приговора в исполнение определяется и конечная точка стадии исполнения приговора... Разрешение же судами вопросов, возникающих в процессе наказания, это самостоятельное производство, а не продолжение и не возобновление производства по уже разрешенному уголовному делу. Такое производство возбуждается при наличии специфических поводов и оснований, имеет свой, отличный от ранее разрешенного уголовного дела предмет судебного исследования, иных субъектов уголовно-процессуальных отношений, свой момент окончания и свои специфические результаты»⁸, — пишет Т. Н. Добровольская.

Соглашаясь со второй частью приведенного высказывания — о наличии самостоятельных производств, возникающих в процессе исполнения наказания, Т. Н. Добровольская несколько сужает предмет стадии исполнения приговора. В процессе исполнения наказания возникают и такие вопросы, разрешение которых, хотя и осуществляется судом в уголовно-процессуальной форме, но не выливается в самостоятельное полистадийное производство, а является по сути распорядительной деятельностью суда.

Поэтому необходим критерий для указанного выше разграничения. Таким критерием может служить характер уголовно-процессуальной деятельности. Если она носит распорядительный характер, не направлена на изменение или прекращение установленного судом уголовно-правового отношения, следует эту деятельность относить к стадии исполнения приговора. Если же уголовно-процессуальная деятельность направлена на изменение или прекращение уголовно-правового отношения (законность и обоснованность приговора при этом не пересматривается), то это, безусловно, самостоятельное производство за рамками стадии исполнения приговора.

---

⁸ Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора. М., 1979. С. 18—19.

В «чистом» виде деятельность суда носит явно выраженный распорядительный характер в следующих, из числа указанных в разделе пятом УПК, случаях:

- 1) приведение приговора в исполнение (ст. 356 УПК);
- 2) приведение в исполнение определения суда и постановления судьи (ст. 357 УПК);
- 3) предоставления родственникам свидания с осужденным и извещение их о приведении приговора в исполнение (ст. 360 УПК);
- 4) зачет времени пребывания в лечебном учреждении в срок отбывания наказания (ст. 366 УПК);
- 5) применение к осужденному наказания по нескольким не приведенным в исполнение приговорам (ст. 368 УПК);
- 6) отсрочка исполнения приговора об осуждении лица к лишению свободы, ссылке или исправительным работам без лишения свободы, а также отсрочка или рассрочка уплаты штрафа (ст. 361 УПК);
- 7) устранение сомнений и неясностей (ст. 368 УПК).

Решение всех указанных выше вопросов не требует судебного разбирательства. Судья мог бы разрешить их единолично, без участия народных заседателей и без проведения судебного разбирательства. В указанных случаях не вносятся изменения ни в содержание наказания, ни в порядок его исполнения. Решение этих вопросов не требует самостоятельного производства. Они разрешаются в рамках стадии исполнения приговора.

Другая группа вопросов, разрешаемых по действующему законодательству также в стадии исполнения приговора, носит совершенно иной характер. Разрешение этих вопросов направлено на замену или изменение наказания, либо досрочное прекращение его исполнения; на освобождение от наказания, либо приведение его в исполнение в случаях, когда исполнение приговора было отсрочено по уголовно-правовым основаниям; на досрочное снятие судимости.

При решении любого из указанных вопросов не подлежит исследованию законность и обоснованность постановленного приговора суда; происходит изменение или прекращение уголовно-правового отношения на основе обстоятельств, возникающих после постановления приговора; на основе исследования доказательств требуется установить сложный фактический состав: определенную степень исправленности или испорченности осужденного; требуется не распорядительная деятельность, а производство по установлению указанных в законе фактических обстоятельств.

Дополнительные производства могут быть классифицированы по разным основаниям. Можно подразделить их на группы в зависимости от характера разрешаемых вопросов. Однако более важной для интересов уголовного судопроизводства будет иная

классификация деятельности производств: в зависимости, во-первых, от степени серьезности последствий, наступающих в результате принятого судом решения, и, во-вторых, от степени сложности установления фактических обстоятельств дела. Например, замена исправительных работ штрафом или штрафа исправительными работами может повлечь значительно менее серьезные последствия, чем определенные виды изменения наказания, например, перевод из исправительно-трудовой колонии в колонию-поселение и наоборот, перевод из тюрьмы в исправительно-трудовую колонию и наоборот.

Установление фактических обстоятельств при досрочном освобождении по болезни или инвалидности не требует большой сложности, в то время как определение степени исправленности осужденного, независимо от того, влечет ли это досрочное освобождение, замену или изменение наказания по общему правилу, всегда значительно сложнее.

То обстоятельство, что дополнительные производства различаются между собой по степени серьезности наступающих последствий и по степени сложности установления фактических обстоятельств дела, позволяет сделать вывод о возможности дифференциации порядка производства. Необходимо два различающихся по степени сложности процессуальных форм порядка производства: обычное дополнительное производство и упрощенное дополнительное производство.

Судебное разбирательство дел обычного дополнительного производства должно осуществляться по правилам рассмотрения в суде первой инстанции уголовных дел⁹. В упрощенном дополнительном производстве, по общему правилу, нет необходимости в досудебных стадиях, а разбирательство дела по первой инстанции возможно судьей единолично, без участия народных заседателей. Безусловно, упрощенное производство не может иметь место по делам о досрочном освобождении (независимо от основания).

---

⁹ Конечно, с учетом специфики дополнительных производств.

ЛИЧНОСТЬ ОБВИНЯЕМОГО КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Н. Т. Ведерников

Личность обвиняемого наряду с обстоятельствами совершенного преступления является неизменным объектом изучения по всякому уголовному делу. В то же время нельзя не заметить, что внимание к этому объекту зачастую не в полной мере отвечает предъявляемым требованиям. Не в последнюю очередь это обусловлено недостаточной четкостью и определенностью формулировок закона относительно предмета изучения личности обвиняемого. В ст. 68 УПК РСФСР, содержащей описание предмета доказывания по уголовному делу, относительно личности обвиняемого отмечается, что подлежат доказыванию обстоятельства, влияющие на степень и характер ее ответственности, указанные в ст. ст. 38 и 39 Уголовного кодекса РСФСР, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Если напомнить, что в ст. ст. 38 и 39 Уголовного кодекса РСФСР содержатся перечни смягчающих и отягчающих обстоятельств, из которых лишь незначительная часть относится к характеристике отдельных свойств личности, а дополняющее их указание («а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого») по своему смысловому выражению не призвано раскрывать в полном объеме содержание личности обвиняемого, то следует признать, что в действующем законе вопрос о предмете изучения личности обвиняемого решен явно неудачно.

Судебно-следственная практика также свидетельствует о том, что при изучении личности обвиняемого не выдерживается какой-либо единый критерий в подходе к доказыванию обстоятельств, относящихся к ее характеристике. Поэтому вопрос о личности обвиняемого как объекте изучения по всякому уголовному делу является достаточно актуальным и важным с позиций более внимательного отношения к личности в нашем обществе и в уголовном судопроизводстве в частности.

Не случайно в литературе ставится вопрос о необходимости уточнения задач уголовно-процессуального законодательства, в том числе задачи по защите прав граждан от посягательств на их

жизнь, здоровье, честь, достоинство, личную свободу и имущество¹. Включение в число задач уголовного судопроизводства указания о защите прав личности несомненно в еще большей мере обострит вопрос о необходимости изучения личности и учета обстоятельств, относящихся к ее характеристике, при решении различных правовых вопросов, возникающих в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела.

В этой связи представляется целесообразным уяснить некоторые исходные положения относительно определения параметров изучения личности обвиняемого как самостоятельного объекта. Поскольку речь идет об изучении личности гражданина, члена нашего общества, лишь поставленного соответствующим органом государства в положение обвиняемого, за исходное при этом должны быть взяты наши представления о понятии «личность» в марксистско-ленинской философии.

При имеющемся многообразии определений понятия личности наиболее удачным представляется определение, данное И. С. Коном. Он определяет личность как «совокупность присущих индивиду (человеку как единичному представителю какого-то целого, воплощающему характерные признаки этого целого) социально-значимых черт, образовавшихся в процессе социального взаимодействия индивида с другими людьми и делающих его субъектом общественных отношений»². Философы, таким образом, рассматривают личность как субъект социальной деятельности, свойства которого детерминированы конкретно-историческими условиями жизни общества.

Для нас также крайне важны воззрения на личность психологов, которые заявляют, что «...нет личности без психики, более того без сознания»³. При этом психологами подтверждается, что понятие личности в целом есть категория общественная, а не психологическая. «В качестве личности человек выступает как единица в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений»⁴. При таком подходе к понятию «личность» подчеркивается главное — ее социальная сущность.

Для наук уголовно-правового цикла личность — это не какое-то духовное образование, это конкретный, действующий человек. Только конкретное физическое лицо совершает преступление, в силу этого становится субъектом специфических отношений, урегулированных правом, может и должно нести уголовную от-

¹ Бойков А. О перспективах судебной реформы // Соц. законность. 1988. № 9. С. 18.

² Кон И. С. Личность как субъект общественных отношений. М., 1966. С. 4.

³ Рубинштейн С. Л. Теоретические вопросы психологии и проблема личности // Психология личности. М., 1982. С. 31.

⁴ Там же. С. 31.

ветственность. Таким действующим человеком является в нашем исследовании конкретный обвиняемый, т. е. лицо, в отношении которого в установленном порядке вынесено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 46 УПК РСФСР). Этот формальный признак и наделение лица определенными правами и обязанностями делают обвиняемого процессуальной фигурой. Включение лица в орбиту уголовно-процессуальных отношений обязывает его действовать определенным образом. Конкретное поведение обвиняемого во многом зависит от свойств и качеств его личности. Проявляя свои индивидуальные качества и свойства в практических действиях по осуществлению прав и обязанностей, обвиняемый выступает как личность, как конкретный субъект уголовно-процессуальных отношений.

В литературе ставился вопрос о возможности рассмотрения личности обвиняемого в качестве объекта изучения. Исследования ученых-криминалистов показывают, что успешное решение многих задач предварительного расследования невозможно без знания личности обвиняемого⁵. Устанавливая определенные качества личности, следовательно направляет свою познавательную деятельность на личность обвиняемого именно как на объект изучения. Однако, рассматривая личность обвиняемого в качестве объекта изучения на предварительном следствии, мы не можем ограничиться указанием на свойства и черты, проявляющиеся лишь в сфере уголовно-процессуальных отношений, поскольку личность человека не проявляется полностью в какой-то одной сфере взаимодействия этого человека с другими людьми, хотя бы эта сфера в данный период времени и играла наиболее важную роль в его жизнедеятельности (в отношении обвиняемого такой сферой являются уголовно-процессуальные отношения). Обвиняемый продолжает оставаться гражданином, тружеником, семьянином. Он связан с окружающим миром множеством связей, является субъектом различных общественных отношений. Следовательно, свойства, черты, формирующиеся и проявляющиеся в общих для всех людей сферах жизни, входят и в понятие «личность обвиняемого».

Таким образом, личность обвиняемого — это физическое лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, обладающее совокупностью социально-значимых свойств и черт, формирующихся и реализующихся во взаимосвязях с другими людьми в основных сферах жизнедеятельности любого лица и в специфической уголовно-процессуальной сфере.

⁵ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 234; Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого. Л., 1973. С. 9—10.

Определение личности обвиняемого не раскрывает еще всего содержания этого понятия. Уголовно-процессуальный закон также не дает ответа на вопрос: какие же свойства, черты личности должны быть изучены следователем. В юридической литературе предлагались различные перечни и классификации сведений о личности обвиняемого, подлежащих изучению на предварительном следствии⁶. Можно принимать или отвергать те или иные классификации, конструировать новые, но несомненно, что при решении вопроса о содержании личности обвиняемого должны быть охвачены основополагающие принципиальные моменты, раскрывающие содержательную сторону личности всякого обвиняемого. При этом можно в качестве руководящих предложить следующие положения: 1) должна быть обеспечена всесторонность изучения личности обвиняемого; 2) должен быть соблюден принцип равного подхода к содержанию личности любого обвиняемого; 3) должно быть учтено положение о необходимости рассмотрения личности как динамичного явления. Рассмотрим эти принципы более подробно.

1. Уголовный и уголовно-процессуальный законы в определенных случаях требуют целостной оценки личности обвиняемого. Следовательно, личность должна быть изучена в ходе предварительного следствия всесторонне, поскольку это внутренне связанная, цельная система и ее познание невозможно при случайном подходе к выбору качеств и черт. Личность обвиняемого должна изучаться во всем многообразии своих проявлений. Человек в своей жизни вступает в отношения со множеством людей по поводу самых различных вещей, явлений действительности. В зависимости от того, по поводу чего складываются отношения между субъектами, можно выделить основные сферы жизнедеятельности любого человека. Это производственная сфера, сфера семейных отношений, быта, досуга и общественно-политическая сфера. Именно в названных сферах деятельности проявляется общественная сущность личности советского человека, выявляются его типические черты, стороны личности. Для личности обвиняемого характерно проявление ее свойств и в специфической уголовно-процессуальной сфере.

Думается, что без характеристики свойств и черт, проявляющихся во всех перечисленных сферах, познание личности обвиняемого не может быть названо целостным и всесторонним. Раскрытие требует и термин «социально-значимые» свойства, черты личности. Под ними понимаются собственно социальные свойства,

⁶ Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969. С. 16; Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975. С. 43 и др.

которые в своей совокупности дают общественную характеристику человека, и некоторые психофизические свойства. Значение последних для решения вопросов предварительного следствия в ряде случаев имеет особое значение, здесь лишь отметим, что такие качества, как темперамент, способности, мотивы обуславливают поступки людей, опосредуют зависимость их поведения от объективных условий. Поэтому они также включаются в понятие личности.

2. Требование равенства всех граждан перед законом и судом делает необходимостью равный подход ко всем обвиняемым. Вряд ли можно согласиться с мнением Ю. Ф. Лубшева о том, что «объем исследования личности конкретного обвиняемого во многом зависит от того, что собой представляет данный обвиняемый как индивидуальность»⁷. Конечно, свойства, черты конкретного лица в своей совокупности неповторимы и индивидуальны, но это не умаляет требования, чтобы в отношении любого обвиняемого устанавливалась его общественная характеристика, проявляющаяся в трех названных основных сферах деятельности, которые являются наиболее значимыми в нашем обществе, а также его социально-значимые психофизические качества и отношение к содеянному, поведение во время следствия. Данные, которые наполняют эти стороны личности конкретным содержанием, будут индивидуальны для каждого обвиняемого. Но это другой вопрос. Сейчас же мы хотим подчеркнуть, что в отношении каждого обвиняемого должны изучаться все основные сферы (стороны) личности, в которых проявляются ее свойства и которые являются социально-значимыми.

3. Требование изучения личности обвиняемого в динамике означает познание ее проявлений не только в настоящем, но и в прошлом, а в определенной мере и в будущем. Личность — пластичное образование, ее содержание не остается неизменным с течением времени. Чтобы дать целостную оценку личности обвиняемого, прогнозировать ее поведение, необходимо понять, какие свойства и черты более ей присущи, а какие — случайные, временные. Познание проявлений личностных свойств обвиняемого лишь в момент производства следствия в течение периода времени совершения преступления или его расследования не дает такой возможности. Необходимо изучить свойства и черты личности, которые были сформированы и уже проявились ранее, до следствия.

Если с позиций названных требований рассмотреть следственно-судебную практику, то приходится констатировать, что ни одно из трех выделенных положений не стало для следователей в

---

⁷ Лубшев Ю. Ф. Изучение личности обвиняемого в советском уголовном процессе // Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. 1980. № 2. С. 6.

действительной мере руководящим и направляющим. Весьма редко встречаются уголовные дела, в которых изучение личности обвиняемого удовлетворяло бы всем требованиям.

Так, обеспечение всесторонности изучения личности обвиняемого на практике выглядит следующим образом. Полнее всего представлена производственная сфера: лишь в отношении 2,7% обвиняемых в материалах дела не содержалось никаких сведений, характеризующих обвиняемого как труженика (кроме установочных данных, т. е. указания места работы, специальности, должности). Характеристика обвиняемого в сфере быта, семейных отношений, досуга изучается следователем гораздо реже. Согласно нашим исследованиям, эта важная сфера проявления личности остается неизученной в отношении каждого пятого обвиняемого. Характеристика участия обвиняемого в общественно-политической сфере сводится к указанию партийности, гражданства, воинской обязанности и некоторых других сведений в анкетной части протокола допроса обвиняемого. Общественная активность личности в материалах уголовных дел бывает представлена, как правило, лишь указанием в характеристиках с места работы (учебы) на выполняемые лицом общественные поручения, участие в жизни коллектива. Такие сведения имелись в отношении 48,9% обвиняемых. Но более глубоко данная сфера личности не изучается, а относительно более половины обвиняемых не было и таких сведений.

Встречаются, хотя и редко, дела, в которых весь процесс изучения личности обвиняемого ограничивается заполнением лишь анкетной части протокола допроса обвиняемого. Сведения о том, как обвиняемый проявляет себя в уголовно-процессуальной сфере, почти не фиксируются в материалах дела, кроме указаний на отношение лица к содеянному, нарушение им меры пресечения.

Что касается психофизических свойств личности, то одни из них принадлежат к установочным данным (пол, возраст) и всегда фиксируются следователем, в отношении других (характер, темперамент) закон, как известно, не содержит указания на обязательность их установления. Нельзя не отметить, однако, что учеными (судебными психологами и криминалистами) не раз обосновывалась важность изучения этих качеств для разрешения задач предварительного расследования. Тем не менее практика не восприняла в должной мере эти рекомендации. В результате наблюдается следующее: в отношении 26,2% обвиняемых эти свойства на предварительном следствии вообще не устанавливались. В отношении остальных обвиняемых в деле имелись лишь упоминания о тех или иных чертах характера, волевых качествах, интеллекте, например, указание на то, что обвиняемый — замкнутый, жестокий, безвольный, спокойный, добрый и т. д. человек. По существу,

эти качества и свойства личности обвиняемого в материалах уголовного дела остались не раскрытыми.

Относительно соблюдения второго принципа изучение практики показывает, что при познании личности различных обвиняемых к ним не обеспечивается равный подход. Различия в изучении личности отдельных обвиняемых заключаются в том, что если в отношении одного изучаются свойства и черты его личности, проявляющиеся во всех или большинстве сфер ее проявления, то в отношении другого лица оно ограничивается какой-нибудь одной сферой или вообще только установочными данными. Например, в отношении 10,2% обвиняемых их общественная характеристика была представлена лишь сведениями о свойствах и чертах личности, формирующихся и реализующихся в сфере трудовой деятельности, а в отношении 40% обвиняемых характеристика охватила все три сферы (трудовую деятельность, сферу быта и семейных отношений, общественно-политическую сферу). Но даже тогда, когда личность различных обвиняемых изучается всесторонне, т. е. в материалах дела представлена и общественная характеристика, и психофизические свойства личности, проявляющиеся в сфере уголовно-процессуальных отношений, степень изученности свойств и черт личности различных обвиняемых в одной и той же сфере бывает различной. Так, например, трудовая деятельность обвиняемого может быть раскрыта путем указания места, времени, работы, должности, специальности, отношения к обязанностям, выполнения норм, плановых заданий, повышения квалификации, соблюдения трудовой дисциплины, взаимоотношения с коллективом, наличия или отсутствия поощрений и взысканий. В ряде случаев в уголовном деле имеются все эти данные в комплексе, но чаще — лишь сведения по 3—4 отмеченным пунктам.

Различия в объеме изучения личности обвиняемых можно наблюдать наиболее рельефно при анализе уголовных дел по различным категориям преступлений. Но и личность субъектов, привлеченных к уголовной ответственности за совершение одинаковых преступлений, не изучается в равной мере. Например, что касается 48% лиц, обвиняемых по ст. 211 УК РСФСР, то следователь не изучал их моральные качества, черты характера, а сведения об этих свойствах личности у остальных 52% нашли отражение в материалах дела. Встречаются уголовные дела, материалы которых содержат сведения о личностных свойствах, чертах обвиняемых — соучастников преступления, отличающихся друг от друга по объему и степени изученности.

Изложенное ранее позволяет сделать ряд выводов.

1. Личность обвиняемого является неизменным элементом предмета доказывания по уголовному делу, поэтому ее изучение

на предварительном следствии правомерно рассматривать в качестве самостоятельного объекта.

2. Изучение личности обвиняемого должно соответствовать ряду положений (принципов), вытекающих из требований закона и особенностей самого объекта изучения.

3. Судебно-следственная практика слабо воспринимает рекомендации ученых относительно необходимости целостного изучения личности обвиняемого.

4. На повестку дня встает задача более четкого, полного и конкретного закрепления в законе требований к изучению личности обвиняемого, на которые практика будет вынуждена реагировать соответствующим образом.

ТИПЫ САМОЗАЩИТЫ ОБВИНЯЕМЫХ ПРИ ДОПРОСЕ

И. Т. Кривошеин

Допрос обвиняемого является одним из наиболее распространенных следственных действий, направленных на получение новой информации, новых доказательств и проверки имеющихся сведений. Для самого же обвиняемого допрос — это важнейший акт самозащиты, поскольку посредством своих показаний он реализует право на защиту. Самозащита осуществляется обвиняемым на всем протяжении допроса, и представляет собой определенный процесс. Чтобы раскрыть содержание этого процесса, необходимо определиться в исходных положениях.

В литературе, посвященной допросу обвиняемого, данное следственное действие характеризуется рядом объективных признаков. В их числе отмечаются такие, как наличие общения, специфических психологических отношений, совместной напряженной мыслительной деятельности, основываемой на столь же специфическом взаимном информировании и взаимном воздействии допрашиваемого и следователя¹.

Общение при допросе — не самоцель, а способ осуществления следователем деятельности, направленной на получение полных и достоверных показаний. Для достижения этой цели необходима напряженная мыслительная деятельность, строго дозированное информирование обвиняемого. С учетом же того, что обвиняемый менее всего заинтересован в большинстве случаев в полном и достоверном изложении показаний, следователь с необходимостью обращается к оказанию воздействия, которое выступает как составная часть познавательной деятельности следователя при допросе.

Обвиняемый — лицо заинтересованное в исходе дела, в исходе допроса. Участвуя в общении при допросе, он также стремится к минимальному информированию следователя, решает мысли-

¹ См., например: Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975. С. 309—312; Дулов А. В., Нестеренков П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 57—58; Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973. С. 19—20 и др.

тельные задачи, исходящие от следователя, задачи, которые он ставит себе сам, стремясь при этом оказать на следователя психологическое воздействие, прибегая к различным способам². Поэтому деятельность обвиняемого, как и следователя, носит познавательный характер.

Познавательная направленность деятельности обвиняемого существенно по-разному проявляется при осуществлении самозащиты. Различия обуславливаются неоднозначностью той роли, которую играют в познавательном процессе интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства обвиняемого. Чтобы показать их конкретную роль в процессе самозащиты, необходимо хотя бы в общей форме охарактеризовать их.

Интеллект является основной формой познания человеком действительности. Он связан со многими психическими процессами: ощущениями и восприятиями, памятью, мышлением, воображением, которые называются познавательными. Интеллект — это ум, свойство личности, определяющее готовность человека к усвоению, сохранению, развитию и использованию знаний и опыта, а также к разумному поведению. От интеллекта зависит приспособление к новым ситуациям, использование ранее приобретенного опыта для осуществления какой-либо деятельности, общение между людьми, передача информации от одного человека к другому, вскрытие закономерностей окружающей нас действительности и познание человека как индивида и личности³.

Эмоции сопровождают всякую деятельность человека, проникают в каждый психический процесс, сопровождают всякое психическое состояние, оказывают существенное влияние на продуктивность деятельности, на процесс решения мыслительных задач. Как писал один из ведущих советских психологов С. Л. Рубинштейн, целостный акт отражения всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и «аффективного», из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего⁴. Такое смещение то в сторону знания, то эмоционального отношения обусловлено существенным влиянием эмоций на протекание познавательного процесса. При эмоциональных переживаниях (отношениях) эмоции выполняют функцию оценки, но в отличие от интеллекта оценивают непосредственно не объективные свойства

² См., например: Дулов А. В. Указ. соч. С. 294—298.

³ См., например: Ковалев А. Г. Психология личности. М., 1970. С. 234—259.

⁴ Общая психология/Под ред. Богословского В. В. и др. М., 1981. С. 254—257; Платонов К. К. Проблемы способностей. М., 1972. С. 102—122. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 264.

среды, а их отношение к актуальным потребностям субъекта⁵, указывая на качество и величину этой потребности, на возможности ее удовлетворения на основе индивидуального развития, индивидуального опыта.

Другая функция эмоций — функция побуждения. Эмоция не только побуждает, направляет, регулирует деятельность, она мобилизует весь организм. Объект, вызвавший эмоциональное переживание, как правило, мгновенно овладевает вниманием субъекта, становится предметом наиболее ясного восприятия, как бы оттесняя все другие объекты восприятия на периферию⁶. Такая избирательность восприятия приводит к повышенной эффективности выполняемого действия, но делает его односторонним, что приводит к неадекватной оценке объективной действительности. Познавательная деятельность начинает определяться не объективными условиями ситуации, а качеством доминирующего эмоционального переживания.

Познавательная деятельность и ее результативность определяются не только развитостью интеллекта и включенностью в данный процесс эмоционального компонента. Не менее важной ее составляющей является воля⁷. Воля осуществляет в познавательном процессе роль своеобразного пускового и тормозного механизма, сознательного направления умственных и физических усилий на достижение цели или сдерживание их.

Из общей характеристики интеллекта, эмоций и воли видно, что они играют неоднозначную роль в общем познавательном процессе. Интеллектуальный компонент может находиться под преимущественным влиянием либо эмоций, либо воли. В зависимости от их превалирования по-разному происходит оценка ситуации, решение мыслительных задач субъектом. Такого же рода особенности отмечаются и в познавательной деятельности допрашиваемых обвиняемых. Однако, хотя ряд явлений и зафиксирован в литературе, но убедительного объяснения они не имеют.

Так, например, при разработке тактики допроса обвиняемого, при выборе отдельных тактических приемов рекомендуется учитывать уровень развития допрашиваемого⁸. Но, как пишет, в частности, Ф. В. Глазырин, «соотношение здесь может быть и обрат-

⁵ См.: Вимонас В. К. Психология эмоциональных влечений. М., 1976. С. 38, 47.

⁶ См.: Там же. С. 57.

⁷ Психологи определяют волю как сознательное регулирование человеком своих действий и поступков, требующих преодоления внутренних и внешних трудностей. (См., например: Общая психология /Пед. ред. Богословского В. В. и др. М., 1981. С. 315; Рувинский Л. И. Самовоспитание личности. М., 1984. С. 89—102).

⁸ См., например: Корнеева Л. М., Соловьев А. Б., Чувилев А. А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969.

ным: обвиняемый, имеющий высокое образование, определенный культурный уровень, неправильно понимает, оценивает предъявляемые ему доказательства, причинные связи, существующие между ними. В то же время преступник с начальным образованием, недостаточно культурный, очень быстро оценивает значение каждого предъявленного доказательства»⁹.

За данным явлением просматриваются различия именно познавательных особенностей обвиняемых. Высшее образование само по себе нередко не компенсирует качеств ума, интеллекта, в целом познавательных способностей субъекта. Обыденная жизнь и следственная практика служат тому подтверждением. В то же время неправильное понимание и оценка ситуации, предъявляемых доказательств, причинных связей между ними может зависеть не только от интеллекта, но и от отрицательного влияния эмоций. Эмоции могут обострить восприятие самого объекта (вещественного доказательства) и затормозить, рассогласовать протекание мыслительных процессов. Будучи дезорганизованными, они крайне затрудняют адекватность оценки, обвиняемый ясно видит лишь доказательство, которое его изобличает.

Это явление еще более ярко выступает из следующей рекомендации тактического характера. При подготовке к допросу следователю, например, рекомендуется предварительно обдумать и решить вопрос о том, какое воздействие может оказать на обвиняемого то или иное доказательство. Дело не только в том, как пишет, например, В. С. Комарков, «какую юридическую роль в доказательственной системе играет предъявляемое на допросе доказательство, но и в том, какое ему значение придает допрашиваемый»¹⁰.

Несовпадение юридического значения доказательства и оценки его обвиняемым имеет тактическое значение и не может не учитываться следователем при разработке тактики допроса¹¹. Поддерживая данное мнение, нельзя согласиться лишь с тем, как оно интерпретируется в литературе. Так, А. Б. Соловьев, отмечая факт переоценки значения отдельных доказательств обвиняемым, пишет, что «обычно это имеет место в отношении доказательств, имеющих выраженную эмоциональную окрашенность, — показаний соучастников и свидетелей, ...обнаружение следователем скрытых виновным орудий преступления, трупа, похищенных ве-

⁹ Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973. С. 137.

¹⁰ Комарков В. С. Тактика допроса: Учебное пособие. Харьков, 1975. С. 42.

¹¹ См.: Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе. М., 1981, С. 35.

щей, ...обнаруженные во время обысков различные черновые записи, самоучеты, заметки»¹².

Нельзя усомниться в том, что предъявление такого рода доказательств имеет важное тактическое значение, на этом может быть построена, в принципе, вся тактика допроса. Но нельзя согласиться с тем, что доказательства имеют эмоциональную окрашенность. Дело не в эмоциональной окрашенности доказательств, а в особенностях восприятия субъектом предметов окружающей действительности. Эмоциональный компонент вытесняет интеллектуальный, ясно видимым является лишь доказательство. Восприятие становится односторонним, познавательная деятельность определяется не объективными условиями ситуации, а доминирующим эмоциональным переживанием (обнаружены и предъявлены, например, самоучеты расхитителя, уличающие его в преступной деятельности). Однако в следственной практике известно и другое явление. Обвиняемому могут предъявляться различной силы доказательства, как в отдельности, так и в совокупности, но он не теряет самообладания, эмоции внешне почти не выражены или выражены незначительно. Развитые волевые качества не позволяют ему терять контроль над интеллектуальным и эмоциональным процессами.

Приведенные рекомендации, имеющие тактическое значение, — это не отдельные примеры, за ними стоят явления, характеризующие особенности познавательной деятельности обвиняемого. Так, у одной категории обвиняемых может быть более ярко выражен интеллектуально-волевой комплекс свойств и качеств, у другой — интеллектуально-эмоциональный. В зависимости от того, как данные компоненты развиты, как они соотносятся друг с другом, и определяются особенности мыслительной деятельности и поведения.

В зависимости от того, какой комплекс свойств является в содержании личности преобладающим, правомерно выделить два типа поведения и деятельности обвиняемого при допросе. Первый — это интеллектуально-волевой, второй — интеллектуально-эмоциональный. Названные типы поведения можно обозначить еще как рациональный и эмоциональный. Поведение обвиняемого является составной частью процесса самозащиты. Можно отметить некоторые особенности, присущие тому или иному типу поведения и соответственно типу самозащиты.

Рациональный тип самозащиты характеризуется преимущественным наличием в содержании элементов логического, аналитического и оценочного характера. Свободный рассказ, последующие объяснения, как правило, аргументированы или во всяком случае

---

¹² См.: Там же. С. 34—35.

стремление к этому явно выражено. Вопросы следователя редко дают эффект как неожиданные, не застают обвиняемого врасплох. Обвиняемые, осуществляющие самозащиту по данному типу, чаще и настойчивее задают вопросы сами, высказывают сомнения в достоверности доказательств и обоснованности обвинения, в правомерности постановки того или иного вопроса. Иногда пытаются опорочить действия следователя по отработке версии путем выдвижения собственной версии, объясняющей, «как все было на самом деле». Такая ситуация чаще возникает тогда, когда следователь поспешил представить доказательства, недостаточно их подготовив, не продумав последовательность их предъявления, не предвидя их уязвимости. Их мыслительная деятельность носит активный и самостоятельный характер. Они более критичны по отношению к поведению следователя, манере и тону разговора, обращения. Нередкими являются напоминания следователю о необходимости соблюдать законность, быть справедливым. Для обвиняемых данного типа характерно стремление к отысканию и сосредоточению внимания на общем тактическом замысле допроса. Это позволяет им оптимизировать собственную версию, форму и содержание поведения, дает возможность, с точки зрения обвиняемого, убедить следователя в собственной невинности.

Эмоциональный тип самозащиты не означает отрицания интеллекта или его ущербности. Но он характерен значительным проявлением эмоций. Для обвиняемых с данным типом самозащиты характерна значительная эмоциональная возбудимость и ее яркое проявление. Особенно это заметно при предъявлении доказательств не только прямых, но и косвенных. Легкая эмоциональная отзывчивость как на положительную, так и на отрицательную оценку их поведения сопровождается состоянием легко угадываемого удовольствия, которое может быстро смениться состоянием гнева, беспокойства или страха. Эмоциогенными факторами являются не только действия следователя, связанные с предметом допроса, но и его общее поведение. Неуравновешенность следователя, проявляющаяся иногда даже в незначительных жестах, мимике, может мгновенно сломать общий положительный эмоциональный настрой обвиняемого. Так, например, при допросе обвиняемого, которому было предъявлено обвинение в хранении и сбыте наркотических веществ, следователь дал понять, что его увлечение стихосложением является не заслуживающим внимания пустяком. После этого обвиняемый замкнулся и наотрез отказался отвечать на все вопросы следователя.

Готовность «взорваться» на малейшую обиду, несправедливость просматривается в поведении обвиняемых данного типа достаточно отчетливо. Вместе с тем легкая эмоциональная отзывчивость позволяет более быстро вступить с ними в психологический

контакт, найти общие точки соприкосновения при обращении к таким темам, как работа, семья и т. п.

Преобладание в познавательном процессе эмоционального компонента ведет к неадекватным оценкам действий следователя, всей ситуации допроса. Это преобладание обуславливает наличие в деятельности обвиняемого элементов алогичного характера, оценочные суждения имеют ярко выраженную эмоциональную окраску (отношение). Так, например, демонстративное оставление на столе следователя какого-либо доказательства нередко ведет к признанию своей вины и полному, достоверному изложению обстоятельств преступления, что, в свою очередь, дает возможность получить новые доказательства.

Изложенным не исчерпывается содержание и особенности типов самозащиты обвиняемых. Здесь отмечены лишь некоторые общие признаки, сопровождающие процесс самозащиты. Они характерны для поведения обвиняемых, как мужского, так и женского пола. Расширение и углубление исследований форм и содержания самозащиты позволит, на наш взгляд, повысить уровень изучения личности обвиняемого при подготовке к допросу, улучшить эффективность допроса в целом.

УСТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА АВТОТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Ф. В. Исмагилов

Ввиду специфики дорожно-транспортных преступлений расследование этой категории дел невозможно без использования специальных знаний в медицине, автотехнике, криминалистике и других науках. Это выдвигает на передний план производство судебных экспертиз (ст. ст. 78, 79, 81 УПК РСФСР) как важнейшую форму использования специальных знаний для выявления и объяснения имеющих значение для дела фактов и получения информации путем исследования объектов, направляемых экспертам¹.

Для исследования сугубо специальных обстоятельств элементов криминалистической характеристики названных видов преступлений исключительно важное значение имеют автотехнические знания. Исключения автотехнических экспертов, подкрепленные данными следственного изучения обстоятельств события, в совокупности могут составить основу для криминалистического анализа основных элементов характеристики — механизма и обстановки совершения преступления.

Как показало изучение уголовных дел о ДТП, при их расследовании следователи назначили в 69% случаев автотехнические экспертизы. Основными вопросами во всех экспертизах были вопросы, связанные с необходимостью установления и исследования механизма дорожно-транспортного происшествия. Это и понятно. Механизм такого рода противоправного события в силу того, что оно случается с движущимися транспортными средствами, во многих случаях действительно может быть досконально изучен лишь с использованием автотехнических данных. Кроме того, только с помощью автотехнической экспертизы можно решить и ряд других, тесно связанных с механизмом вопросов, уяснение отдельных специальных особенностей обстановки совершения преступления до и в момент столкновения транспортных средств или определение скорости движения автомобиля и скорости движения пешехода и т. д. Тем самым устанавливается, могли или нет водители предотвратить наступление общественно-вредных последствий

¹ См.: Шляхов А. Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979. С. 13—24.

своего или чужого неосторожного поведения. Установление технической возможности предотвращения дорожно-транспортного происшествия является одной из важных задач автотехнической экспертизы, которая проводится вслед за установлением и исследованием механизма происшествия.

Подчеркивая важное значение автотехнической экспертизы, как одного из средств выявления характера происшествия, Г. П. Аринушкин отметил: «Значение ее определяется не только тем, что этот вид исследования занимает по удельному весу примерно треть всех проводимых в системе экспертных учреждений Минюста СССР судебных экспертиз, но, главным образом, тем, какую роль играет автотехническая экспертиза в расследовании дел о дорожно-транспортных происшествиях в стране»².

В задачу автотехнической экспертизы входит решение разных вопросов, возникших в процессе расследования и судебного разбирательства дел о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации автотранспорта, требующих автотехнических знаний. В юридической литературе приводятся примерные перечни вопросов, решаемых этой экспертизой. Объектами ее исследования, по мнению ученых-криминалистов, являются автотранспортные средства, некоторые их узлы, агрегаты, детали, а также сами обстоятельства события, происшествия, требующие специального выяснения и оценки, а также материально-вещественные и иные «следы». При исследовании автотехническими экспертами механизма дорожно-транспортного происшествия в целом или его отдельных элементов объектом экспертизы, естественно, являются все этапы процесса протекания происшествия в его логической последовательности.

В целом же можно сказать, что основные группы вопросов, входящих в предмет автотехнической экспертизы, связаны с установлением: а) технического состояния транспортного средства и технической причины происшествия; б) механизма дорожно-транспортного происшествия в целом или его отдельных элементов.

Вопросы, связанные с установлением технического состояния транспортных средств и технических причин происшествия, рассмотрены в работах Б. Е. Боровского, В. Н. Иванова, В. П. Ломашова и др.³ Нашли соответствующее освещение в криминалистической литературе и вопросы, относящиеся к установлению механизма дорожно-транспортного происшествия с помощью автотех-

---

² Аринушкин Г. П. Судебно-автотехническая экспертиза: состояние и перспективы развития // Современное состояние и пути развития судебно-автотехнической экспертизы. Баку, 1987. С. 3—11.

³ См.: Боровский Б. Е. Безопасность движения автомобильного транспорта: анализ дорожных происшествий. Л., 1984; Иванов В. Н. Пассивная безопасность автомобиля. М., 1979; Ломашев В. П. Использование специ-

нических знаний⁴. Сложилась определенная методика экспертного исследования механизма дорожно-транспортного происшествия. При этом сложившийся комплекс методов экспертиз позволяет решать многие вопросы, связанные с установлением механизма происшествия. Однако, как справедливо отмечает А. Р. Шляхов, «сказанное вовсе не исключает возможности разработки специальных методов, первоначального применения... Практика показывает, что иногда экспертам приходится разрабатывать новые способы, приемы исследования... для успешного решения поставленных вопросов, если к моменту назначения экспертизы в распоряжении экспертов нет готовой, достаточно эффективной методики, либо существующими методами не удалось решить задачу»⁵.

В этом смысле для успешного исследования механизма дорожно-транспортного происшествия при расследовании важное значение имеет практический опыт эксперта, его личная инициатива, знание того, какая автотехническая информация может понадобиться следователю для криминалистического анализа механизма совершения преступления. Как точно подмечено, «знакомясь с обстоятельствами дела, эксперт с учетом своего опыта и познаний может иногда полнее, чем следователь и суд, определить круг вопросов, подлежащих экспертному исследованию, и в необходимых случаях выявить новые обстоятельства, имеющие существенное значение для установления истины»⁶.

Необходимость проявления личной инициативы экспертом в некоторых случаях обусловлена тем, что следователи иногда при осмотре и допросе не обращают внимания на ряд обстоятельств технического характера, либо неточно фиксируют некоторые обстоятельства (расположение транспортных средств, потерпевших, вещественные доказательства, материальные следы, дорожные знаки и разметку и т. д.), имеющие существенное значение для восстановления картины происшествия. Если же в такой ситуации эксперты не проявят подобную инициативу, то это может затруднить установление истины по делу. Наглядным примером может служить следующее дело.

Народным судом Кировского района г. Томска Макаревич признан виновным и осужден по ст. 211 ч. II УК РСФСР. Он признан виновным в нарушении ч. II п. 15.1 действующих Правил дорожного движения, а именно: управляя автобусом ПАЗ-6/2 при

альных автотехнических знаний в расследовании автопроисшествий, возникших из-за неисправности транспортных средств: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1977. С. 22.

⁴ См.: Онуцин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов. Свердловск, 1987. С. 5—18.

⁵ Шляхов А. Р. Указ. соч. М., 1979. С. 83.

⁶ Шляхов А. Р. Указ. соч. М., 1979. С. 87.

выезде из перекрестка улиц Кирова — Елизаровых в зоне нерегулируемого пешеходного перехода с разметкой «Зебра», совершил наезд на переходившую улицу гражданку С., 19 лет, находившуюся в состоянии беременности, причинив ей смертельные телесные повреждения⁷.

Как видно из материалов дела, водитель Макаревич, приближаясь к перекрестку улиц Кирова — Елизаровых, заметил, что включен зеленый сигнал светофора. Однако в этом же направлении с некоторым опережением его автобуса двигался трамвай. Проезжая перекресток под разрешающий сигнал светофора, водитель снизил скорость своего движения до 35 км/ч для того, чтобы пропустить трамвай, выполняющий поворот направо. Сразу после того, как трамвай пересек полосу движения автобуса, водитель, не останавливаясь, с той же скоростью продолжал движение и на пешеходном переходе совершил наезд на потерпевшую С.

Из протокола осмотра места происшествия видно: ширина проезжей части на месте происшествия составляет 9 м. Потерпевшая С. по пешеходному переходу прошла путь 5,2 м. Наезд совершен на пешеходном переходе. Автобус протащил потерпевшую от места наезда на расстояние 9,1 м. Автомобиль после наезда проехал еще 24,8 м и остановился справа по ходу движения. Дорожное покрытие сухое, асфальт. Тормозной путь отсутствует. Видимость из кабины водителя более 300 м.

По уголовному делу была назначена автотехническая экспертиза. Перед экспертом ставились два вопроса: 1. Как должен был действовать в данной дорожной обстановке водитель Макаревич? 2. Имел ли он технической возможности предотвратить наезд на потерпевшую С.?

Из заключения автотехнической экспертизы следует: 1. В сложившейся обстановке пешеход С. в своих действиях должна была следовать требованиям пункта 5. 5 Правил дорожного движения: «В местах, где движение регулируется, пешеходы обязаны руководствоваться сигналами регулировщика или светофора». 2. Полный остановочный путь автомобиля ПАЗ-672 в данных дорожных условиях при скорости 35 км/ч составит 19,2 м. Расстояние, на котором водитель Макаревич мог видеть пешехода, т. е. от трамвайного полотна до пешеходного перехода, составляет 16 м. Сравнивая расчетное расстояние (19,2 м) с фактическим (16 м), эксперт пришел к выводу, что водитель в сложившейся обстановке не имел технической возможности предотвратить наезд путем своевременного торможения.

На основании выводов автотехнической экспертизы о том, что водитель не имел технической возможности предотвратить наезд

⁷ См.: Уголовное дело № 1-467/82 Кировского народного суда г. Томска.

на потерпевшую, дело неоднократно прекращалось следствием. Следователь ошибочно расценивал отсутствие вины Макаревича.

Проведенная оценка заключения автотехнической экспертизы показывает, что выводы эксперта-автотехника противоречат фактическим обстоятельствам совершенного дорожно-транспортного происшествия:

1. По уголовному делу в постановлении о назначении автотехнических экспертиз следователем на разрешение экспертом был поставлен вопрос: «Как должен был действовать в данной дорожной обстановке водитель?» Эксперт поставленный вопрос оставил без внимания. Спорным является ответ и на первый вопрос. Так, эксперт пришел к выводу о том, что потерпевшая С. должна была руководствоваться п. 5. 5 Правил дорожного движения, т. е. сигналами регулировщика или светофора. Такой вывод неоснователен и противоречит обстановке совершения наезда. Детальное ознакомление со всеми материалами о месте наезда позволяет прийти к выводу о том, что пешеходный переход на перекрестке указанных выше улиц расположен от внешней линии перекрестка, т. е. за пределами данного перекрестка. В этой связи п. 5. 5 Правил дорожного движения на данный пешеходный переход, режим светофора не распространяется, в результате чего его следует отнести к нерегулируемому, а значит такой пешеходный переход с разметкой «Зебра» при движении дает преимущественное право пешеходам, а не транспортным средствам (п. 15.1, 1.14.1, 1.14.2 Правил дорожного движения). Следовательно, водитель автобуса в данном месте должен был двигаться весьма осторожно.

2. Автотехнический же эксперт в своем заключении не сделал никакой технической оценки действиям водителя в конкретной дорожной обстановке. В частности, должен ли был водитель затормозить, либо остановиться с тем, чтобы пропустить трамвай, затем пешехода. Кроме того, если эксперту для технической оценки не хватало материалов, он должен был об этом поставить в известность следователя. В этой связи возникает вопрос, имел ли право следователь ставить вопрос перед экспертизой о том, нарушились ли, какие именно и кем специальные нормы, обеспечивающие безопасность движения и т. п. По этому вопросу имеется разъяснение в комментариях к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР: «Эти нормы хотя и имеют правовую форму, содержат требования не общеправового, а технического характера: они разрабатываются на основе данных естественных и технических наук»⁸. Думается, что следователь поставил второй вопрос правильно. В конкретном случае эксперту-автотехнику следовало про-

⁸ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1985. С. 140—141.

явить инициативу в плане затребования дополнительных материалов для установления обстановки и механизма происшествия. В частности, для этого следовало получить и изучить технический паспорт перекрестка, запросить у следователя более точно дополнительную информацию, указывающую на моменты возникновения опасной ситуации для водителя (учитывая нахождение трамвая в месте происшествия). В частности, на каком расстоянии друг от друга в это время находился автобус и трамвай и т. д. Эксперт же этого не сделал, хотя сложившаяся ситуация требовала этого. В результате возникла необходимость назначения повторной экспертизы.

Анализ заключения показывает, что эксперт еще довольно редко пользуется своим правом на инициативу, определенным ст. 191 и 288 УПК РСФСР, несмотря на то, что личная инициатива необходима была по многим изученным делам для установления механизма совершения дорожно-транспортного преступления. Думается, эксперт не только имеет право, но и «не вправе умолчать в заключении о тех фактических данных, вскрытых им в процессе экспертного исследования или ознакомления с материалами дела, которые опровергают либо дополняют данные, представленные следователем (судом), или иначе освещают механизм дорожно-транспортного происшествия»⁹.

Инициатива эксперта целесообразна в целом ряде случаев, возникающих в следственной практике. Например, иногда положение потерпевшего в момент аварии является одним из главных факторов, способствующих установлению картины механизма дорожного происшествия¹⁰, а также степени влияния на механизм других обстоятельств, учет которых необходим для экспертного анализа механизма. Как показало изучение уголовных дел, следователи, правильно фиксируя положение потерпевших, не всегда должным образом учитывают данные об этом при следственном установлении механизма преступления. Если же эксперт при экспертном исследовании механизма происшествия не обратит на это внимание, то вышесказанное может привести к возврату уголовного дела на дополнительное расследование. И в этой связи справедливо высказывание Г. А. Еленюк о том, что, если эксперт устанавливает, что те или иные исходные данные противоречат вскрытому механизму дорожно-транспортного происшествия, он обязан сообщить об этом следователю¹¹. Недопустимо в интересах уста-

⁹ Терехов Г. А., Печерский В. П. Проведение в суде автотехнической экспертизы по уголовным делам // Советская юстиция. 1978. № 17. С. 18.

¹⁰ См.: Назначение и организация производства судебных экспертиз для установления факта контактного (механического) взаимодействия различного рода объектов. М., 1985. С. 7—8.

¹¹ Еленюк Г. А. Использование специальных познаний при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Караганда, 1987. С. 94.

новления истины по делу замалчивание экспертом тех фактических обстоятельств, которые он вскрыл на основе своих специальных познаний и которые опровергают исходные данные, представленные эксперту для исследования.

При исследовании механизма дорожно-транспортного происшествия экспертом-автотехником целесообразно иногда применять графические методы исследования, позволяющие проводить более полное исследование механизма происшествия. Вместе с тем необходимо отметить, что графоаналитический метод исследования является и наиболее доступным методом для наглядного восприятия механизма дорожно-транспортного происшествия всеми участниками судебного процесса, в том числе и не обладающими специальными познаниями, необходимыми для исследования механизма дорожного происшествия, ибо сопровождается наглядными, доступными для непрофессионального понимания графическими схемами. Очевидно, внедрение указанного метода в следственную и экспертную практику можно было сделать путем соответствующих методических указаний по линии Прокуратуры и Министерства юстиции СССР.

Сокращению срока проведения автотехнических экспертиз и повышению их надежности способствовало применение ЭВМ в экспертном процессе. Применение электронно-вычислительной машины в экспертной практике, как и во всех других областях практической деятельности, призвано не только решить указанные выше задачи, но и облегчить труд эксперта, избавить его от утомительных вычислений и описаний.

В результате совместных усилий математиков, автотехников и криминалистов удалось полностью формализовать процесс экспертного автотехнического исследования и разработать машинную программу. ЭВМ наиболее широко используются при проведении автотехнических экспертиз по наездам транспортных средств на пешеходов и установлению механизма их совершения.

С помощью ЭВМ возможно произвести все автотехнические экспертизы по наезду транспорта на пешехода. При этом экспертизы выполняются в 3—5 раз быстрее (нежели без ЭВМ), и повышается качество заключений экспертиз (гарантируются методическое единообразие при проведении исследований, безошибочность расчетов, грамотное составление текстов заключений и отсутствие опечаток).

Конечно, использование ЭВМ вносит определенную специфику в оценку заключений экспертов, использовавших ЭВМ. В частности, при решении вопросов, имел ли водитель возможность в данной обстановке обнаружить пешехода, каков механизм дорожного события и т. д. Однако, как показывают обобщенные данные экспертов-практиков, использование ЭВМ в автотехничес-

кой экспертизе почему-то не вызывало со стороны следователей какой-то новой реакции на подобные заключения. Это подтверждают и те материалы, которые автору удалось изучить.

В данной статье не ставилась цель выявить все возможности автотехнической экспертизы по установлению механизма совершения дорожно-транспортных преступлений, ибо эта проблема очень разнопланова. Поэтому необходимо согласиться с точкой зрения Н. С. Романова в том плане, что велика ответственность эксперта-автотехника при решении вопроса о механизме дорожного происшествия, при установлении истины. Эксперт призван по отрывочным, порой внешне малозначительным данным полностью восстановить картину происшествия, решить, применяя новейшую методику, ЭВМ, сложную логическую операцию выявления в динамике действий участников дорожного происшествия. Тем самым эксперт-автотехник посредством дачи заключения будет способствовать качественному, быстрому, всестороннему, полному и объективному расследованию уголовных дел данной категории.

Вышеизложенное свидетельствует о значительных возможностях автотехнической экспертизы в деле установления механизма совершения преступления. Однако следует отметить, что многое в правильности экспертных заключений по таким вопросам зависит от заданных исходных данных и правильной оценки экспертных заключений. Последнее заслуживает самостоятельного исследования.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРОШОК ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕВИДИМЫХ СЛЕДОВ ПАЛЬЦЕВ РУК

Р. И. Сайфиев, В. В. Яровенко

В криминалистике распространенным способом выявления потожировых следов рук является их обработка порошками различной химической и физической природы. В научной литературе описаны десятки наименований порошков¹. Предложено большое количество смесей, представляющих собой различные сложные порошки. Однако ни один из этих порошков не может быть рекомендован в качестве универсального средства. Результат выявления — понятие относительное, а не абсолютное, которое выражается в объеме выявленных признаков. Наблюдения показали, что одни порошки могут выявлять детали строения папиллярного узора, другие — детали строения папиллярных линий, третьи — поры. Если порошок выявляет поры, то он хорошо выявляет детали строения папиллярных линий и узора (особенно свежие следы, оставленные на гладкой и прозрачной поверхности), а не наоборот.

Высокое качество выявления деталей узора и старых следов рук дают пылеобразное железо, нанесенное с помощью магнитной кисти, окись цинка, окись свинца², окись меди³, которые обладают относительно малым удельным весом, окрашивание происходит за счет микрорельефа потожирового вещества. Размеры частиц порошка должны быть — 100 мк+70 мк, а для аргентората, окиси магния, висмута, алюминия кремнистого крупность не должна понижаться более, чем до +90 мк⁴. Перечисленные порошки удовле-

¹ См.: Филиппчик Г. П., Башнура Г. С., Егоров И. А., Голов В. М. Применение аэрозолей для выявления потожировых следов //Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1978. Вып. 17. С. 38—39; Найдис И. Д., Зархин А. А. Применение цветных магнитных порошков для обнаружения и фиксации следов рук //Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1981. Вып. 23. С. 73—74; Селиванов Н. А. Современное состояние криминалистической техники и пути ее развития (статья вторая) //Вопросы криминалистики. 1962. Вып. 6—7. С. 200.

² См.: Локар Эдмон. Руководство по криминалистике. М., 1941, С. 222.

³ См.: Гусев А. А. Методика дактилоскопической экспертизы. М., 1962. Вып. 4. С. 110.

⁴ См.: Грановский Г. Л. Папилляроскопическая идентификация личности //Теория и практика криминалистической экспертизы. М., 1961. Вып. 8. С. 133.

творительно выявляют поры и их взаиморасположение относительно друг друга, что же касается размера, формы и конфигурации самих пор, бокового контура папиллярных линий, то они остаются недостаточно четкими. Так как поры имеют размеры от 0,025 до 0,37 мм, а применяемые порошки по размерам превышают их в несколько раз, то их разрешающей способности мало для выявления формы, размера и расположения пор относительно оси папиллярных линий.

Принято считать, что разрешающая способность порошка зависит только от таких его свойств, как размер частиц, влажность и удельный вес⁵. Если след, обработанный одним из перечисленных выше порошков, поместить под микроскопом, то можно увидеть, что порошок лежит неровным слоем в виде бугров и ямок как на папиллярных линиях, так и между ними. Такой же результат наблюдается даже с хорошо просушенным, мелким порошком и при осторожном удалении со следа излишков порошка. Каждая частица порошка имеет неровные края, острые выступы, крючки, которые входят в сцепление, прочно удерживая друг друга и при отсутствии потожирового вещества.

Следовательно, чтобы повысить разрешающую способность порошка по выявлению индивидуальных признаков пор, важно, во-первых, создать порошок, размеры частиц которого были бы близки к размеру пор, во-вторых, изменить форму частиц порошка, чтобы при касании они не прилипали друг к другу, ровным слоем покрывали поверхность со следом. До настоящего времени в научной литературе для выявления пор рекомендованы такие способы: окапчивание, окуривание парами йода, непосредственное фотографирование⁶. Любой из этих способов требует определенных навыков, а в условиях осмотра места происшествия порой трудно применим. Так, например, при фотографировании пор требуется специальное оборудование: при окапчивании следов предмет загрязняется, а удаление излишков копоти связано с возможным повреждением следа. Наиболее надежным и простым способом, конечно, является обработка следа высококачественным порошком.

В результате многочисленных опытов нам удалось подобрать порошок, который не только качественно выявляет поры, но и дает возможность определить их форму (полумесяца, округлую, эллипса, трехугольную, четырехугольную, многогранную). Поро-

⁵ Там же. С. 133.

⁶ См.: Выборнова А. А. О целесообразной последовательности применения различных способов выявления потожировых следов пальцев рук // Советская криминалистика на службе следствия. М., Вып. 13. С. 35—48; Гусев А. А. Методика дактилоскопической экспертизы // Методика криминалистической экспертизы. М., 1962. Вып. 4. С. 109—110.

шок представляет собой вещество органического происхождения, входящего в группу плесневых грибов из класса аскомицетов. Эта группа развивается в результате разложения пищевых продуктов, в частности, хлеба. Образуемый налет состоит из мельчайшего порошка темно-коричневого цвета, который и был использован для выявления невидимых следов рук.

Проведенное исследование показало, что порошок обладает следующими существенными характеристиками, позволяющими рекомендовать его практическим работникам следствия и дознания.

1. Каждая частица порошка одного размера — 3,5 мк, одной формы — плоский кружок с гладкими, ровными краями⁷. Благодаря этим свойствам порошок слабо прилипает к следовоспринимающей поверхности и легко удаляется с ее поверхности как кистью, так и сдуванием струей воздуха, что дает возможность выявлять с высокой контрастностью следы, расположенные на светлых поверхностях. При удалении излишков порошка со следовоспринимающей поверхности необходимо следить за тем, чтобы не был удален порошок с самого следа, свидетельством чему будет снижение окраски, указывающей на прекращение этого процесса.

2. Положительным качеством порошка является и то, что наряду с отсутствием выраженной адгезии к следовоспринимающей поверхности, он хорошо прилипает к потожировому веществу следа, окрашивая его равномерно. Данное свойство обусловлено очень мелкой структурой и формой, в результате часть порошка оседает и удерживается в микроуглублениях вещества следа, а другая часть удерживается за счет липкости самого следа.

3. Качество выявленных следов стабильное, не зависит от материала следовоспринимающей поверхности. Стабильность обусловлена способностью потожирового вещества следа взаимодействовать с порошком в большей степени, чем со следовоспринимающей поверхностью, для этого достаточно, чтобы она была ровной и сухой.

4. Повышенная адгезия к потожировому веществу следа и его исключительно мелкая структура по своей разрешающей способности не уступает типографской краске, которая составляет 2000 лин/мм. Данная особенность порошка позволяет выявлять поры и иные мелкие детали строения папиллярных линий. При этом не требуется применения каких-либо сложных приемов их выявления. Достаточно использовать как можно более мягкую

---

⁷ При применении аэрозолей отмечалось, что части порошка шарообразной формы имеют наименьшую прилипаемость (например, гидроксид алюминия, аэрозоль, окись свинца). См.: Филипчик Г. П., Башиура Г. С., Егоров И. А., Голов В. М. Применение аэрозолей для выявления потожировых следов //Криминалистика и судебная экспертиза. Киев. 1978. Вып. 17. С. 72.

кисточку, проявляя осторожность и аккуратность при нанесении и удалении излишков порошка с поверхности, что достигается ее встряхиванием или сдуванием струей воздуха. Желательно в процессе выявления проводить по следу только концом кисти, причем движения рекомендуем делать не только вдоль папиллярных линий, но и поперек, с более легким нажимом.

5. Процесс окрашивания безопасен для следа, так как порошок не смазывает его. Так, например, на листе бумаги со следом порошка можно неоднократно перекачивать без риска его повреждения.

6. Использование порошка дает возможность успешно выявлять следы большой давности. На бумаге удавалось выявлять следы с различными деталями папиллярного узора, оставленные до пяти дней до выявления. Использование других порошков позволяет выявлять следы давностью до суток. Данный результат обусловлен повышенной адгезией к потожировому веществу следа и почти полным отсутствием таковой к сухой и гладкой поверхности предмета, на котором расположен след. Применительно к потожировому следу, расположенному на полированной поверхности, например на стекле, были выявлены следы, оставленные за два месяца до окрашивания.

Фиксация следов, окрашенных описываемым порошком, осуществляется теми же средствами, которые применяются при закреплении следов, выявленных другими порошками. Оптимальный выбор средств закрепления зависит от свойств следовоспринимающей поверхности и состояния следа, ими могут быть дактилоскопические пленки светлого цвета, отфиксированная фотобумага, силиконовые пасты с белым наполнителем. Последние желательно использовать в тех случаях, когда в следе выявились поры. В качестве наилучшего средства фиксации можно применять и их фототрафирование.

Приготовление порошка не представляет особой сложности и может проводиться в самых обычных условиях. Рекомендуем наиболее простой способ его получения. Какой-либо органический продукт, например, черствый ржаной хлеб помещается в полиэтиленовый пакет и находится в нем в течение трех-четырёх дней. В течение этого времени на его поверхности образуется тело гриба, состоящее из тонких светлых нитей — гифов, которые, сплетаясь, образуют мицелий с маленькими темными шариками на концах — склероциями. Когда склероции покроют всю поверхность, нужно мягкой кистью смести их на заранее подготовленную бумагу. В процессе «выращивания» порошка необходимо соблюдать два правила. Во-первых, поскольку описанные грибки являются аэробными, т. е. дышащими кислородом, то в данном пакете необходимо сделать несколько отверстий для его доступа.

Во-вторых, полиэтиленовая пленка не должна прикасаться к поверхности, на которой находятся данные грибки.

Процесс приготовления порошка требует довольно продолжительного времени и известной доли аккуратности. Если по каким-либо причинам не удалось получить рекомендуемый порошок, то он может быть заменен ликоподием, который представляет зрелые сухие споры плауна. Однако качество выявления мелких деталей несколько хуже. Ликоподий — светло-желтый, сыпучий, весьма подвижный порошок без запаха и вкуса. На ощупь он жирный, бархатистый, пристающий к пальцам. Споры под микроскопом имеют форму тетраэдров с выпуклым основанием и закругленными краями, их размер 25—30 мк⁸. Приобрести ликоподий можно в аптеках, либо собрать самим. Собирают растение в июле—августе еще до полного созревания спор. Сушат колоски при температуре не выше 40°C разостланными на бумаге. При подсыхании спорангии лопаются и споры высыпаются. Под конец сушки колоски тщательно выколачивают.

Рекомендуемые нами биологические порошки имеют следующие преимущества перед другими: постоянный размер и форму, переносят высокую и низкую температуру, плавают на воде и не смачиваются (негигроскопичны), отсутствует срок хранения, т. е. не нуждаются в измельчении, постоянной просушке. Любой работник правоохранительных органов может без труда в достаточном количестве приготовить порошок, пригодный всегда для выявления следов рук.

С помощью описываемого порошка удавалось качественно выявлять следы, расположенные на различных текстильных тканях, имеющих мелкое и плотное плетение без ворса. При этом механизм выявления следов заключается в перекатывании порошка по ткани. В этом случае желательно под ткань подкладывать лист бумаги, так как значительная часть порошка иногда проходит сквозь ткань. Удаление излишков порошка осуществляется только струей воздуха. Использование для этой цели дактилоскопической кисти или встряхивание ткани нежелательно, поскольку возможно значительное смазывание следа. Биологические порошки можно применять и в смеси, но результат выявления пор хуже из-за крупных частиц другого порошка.

В ходе проведения исследований наметились возможные перспективы использования биологического порошка в качестве люминесцирующего. Пока нам не удалось установить споры, которые бы обладали люминесценцией по своим природным свойствам. Мы предполагаем, что такое свойство спорам можно придать

⁸ См.: Муравьева Д. А. Фармакогнозия. М., 1978 С. 36.

путем их окраски⁹. Возможно использование порошка для выявления следов, оставленных подошвами обуви, изготовленной из резины и иных синтетических материалов. Благодаря наличию в них различных пластификаторов, противостирателей, наполнителей и т. д. в процессе контакта последние вместе с материалом подошвы переходят на поверхность контактирующего объекта, оставляя на ней невидимый рисунок следа подошвы. Такие следы успешно выявлялись на линолеуме, стекле, полированном и окрашенном дереве, бумаге. Нанесение порошка на поверхность в процессе выявления данных следов осуществляется теми же способами, что и при выявлении потожировых следов рук и, как правило, зависит не от следа, а от материала следовоспринимающей поверхности. На твердых поверхностях для этой цели использовали дактилоскопическую кисть, а на таких объектах, как бумага, пользовались способом перекатывания порошка.

---

⁹ См.: Бурштейн А. И. Методы санитарно-гигиенического исследования. Киев, 1950. С. 120—121.

ПРОБЛЕМА ОБЩЕПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЦ, РАНЕЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С. В. Максимов

Среди множества проблем предупреждения преступности уголовно-правовая профилактика рецидива занимает особое место, на что есть свои причины. Во-первых, несмотря на все государственные усилия, несмотря на существенные перемены в социальной жизни, в уголовном законодательстве, удельный вес рецидивной преступности в стране остается неизменным в течение длительно-го времени¹. Во-вторых, теория и практика убедительно и не раз доказывали, что «погоду» в преступности определяют лица, ранее уже совершившие преступления. В-третьих, до настоящего времени в науке, законодательстве и практике не достигнуто единого понимания общественной опасности рецидива, его социально-психологической и статистической природы. Как следствие не разработана конструктивная программа борьбы с рецидивной преступностью на длительную перспективу.

Возможности настоящей работы позволяют нам остановиться лишь на одном из аспектов рассматриваемой проблемы, а именно на вопросе об эффективности общепредупредительного воздействия на рецидив. Принимая во внимание имеющиеся различия во взглядах на общее предупреждение преступлений, последнее, по-видимому, можно определить как психологическое воздействие удерживающего характера, которое оказывает законодательство криминально-правового комплекса, практика его применения, а также собственно угроза уголовным наказанием на граждан, достигших возраста уголовной ответственности.

Перестав быть иллюзией в глазах подавляющего большинства ученых, идея общего предупреждения до сего времени не смогла стать инструментом практики (в особенности, практики борьбы с рецидивной преступностью). Обыденное сознание, а вместе с ним и сознание работников правоприменительных органов упорно игнорируют тот факт, что одно лишь существование уголовного закона, одна лишь угроза уголовным наказанием могут

¹ См., например: Криминология. М., 1988. С. 258—263.

удерживать от совершения преступлений подавляющее большинство лиц, имеющих преступный опыт. Такой нигилизм, впрочем, не так уж трудно объяснить. Современной практике нужны не абстрактные рассуждения о том, эффективен тот или иной уголовный закон или неэффективен, а точные количественные данные о его результативности. Нужны конкретные знания об эффективности общепредупредительного воздействия, т. е. о его способности ограничивать распространенность совершения преступлений одними и теми же лицами. Такая способность должна быть охарактеризована не только качественно (малая, средняя, большая и т. п.), но и количественно, что диктуется самим содержанием понятия эффективности².

Говоря об эффективности общепредупредительного воздействия на лиц, ранее совершивших преступления, мы имеем в виду, прежде всего, конкретизированное воздействие, т. е. «воздействие на лиц, которые в силу своего противоправного поведения сталкивались с действием уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства и с воздействием уголовного наказания»³. Таким образом, специфика этого вида общепредупредительного воздействия в своей основе определяется особенностями: а) психологии лиц, имеющих преступный опыт, чье поведение значительно чаще, чем поведение иных граждан, создает субъективные условия для совершения преступлений; б) законодательства, предусматривающего для данной категории лиц повышенную ответственность или иные дополнительные правоограничения; в) способа общепредупредительного воздействия на лиц, ранее совершивших преступления⁴; г) общепредупредительных возможностей того наказания, которому могут быть подвергнуты такие лица в случае совершения ими нового преступления.

С учетом упомянутых обстоятельств нами был проведен опрос осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение различных преступлений. Прежде всего нас интересовала величина общепредупредительного эффекта в отношении данной категории граждан. С этой целью им был задан вопрос: «Была ли у Вас в жизни ситуация, когда Вы могли совершить преступление, но не совершили его потому, что не хотели оказаться на скамье подсудимых?» Результаты проведенного опроса представлены в табл. 1.

² См: Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22.

³ Марцев А. И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. 1973. С. 50.

⁴ Понятие способа общепредупредительного воздействия, на наш взгляд, должно включать характеристики: 1) элементов общего предупреждения, имевших в данном случае приоритетное значение; 2) источника информации, несущей общепредупредительный «заряд»; 3) самого содержания такой информации.

Таблица 1

Оценка осужденными к лишению свободы
величины общепредупредительного эффекта (в %)

Вариант ответа	Итого в среднем (по всем категориям осужденных)
Удержание от совершения преступления имело место	63,4
Удержание от совершения преступления места не имело	36,6

Из табл. 1 видно, что почти две трети осужденных (63,4%) признали, что в их жизни были случаи, когда они не совершали преступлений потому, что не хотели оказаться на скамье подсудимых. О чем же может говорить этот показатель, если опрос как метод получения информации такого свойства имеет весьма ограниченные возможности? Во-первых, о том, что если по какой-то причине не существовало бы общепредупредительного воздействия, то преступлений совершалось бы в 1,63 раза больше, чем совершается сегодня. Во-вторых, данный показатель есть субъективное свидетельство того, что поведение лиц, имеющих преступный опыт, гораздо чаще, чем поведение иных граждан, создает психологические предпосылки совершения преступлений. В этой связи высокий показатель общепредупредительного эффекта⁵ не всегда должен нас радовать. За этим скрывается, видимо, и большее число совершенных преступлений.

Следующим вопросом, который должен интересовать исследователя, является проблема распределения общепредупредительного эффекта по видам преступлений, что могли быть совершены. С этой целью опрашиваемым было предложено уточнить: о каком именно преступлении шла речь, когда ими принималось решение отказать от его совершения. Результаты ответов опрашиваемых представлены в табл. 2.

Нетрудно заметить, что структура эффекта общепредупредительного воздействия примерно совпадает со структурой преступности, что еще раз подтверждает гипотезу о прямопропорциональной статистической зависимости между величиной общепредупредительного эффекта и распространенностью конкретного вида преступлений. Подобную зависимость наблюдали и при исследовании общепредупредительного воздействия на граждан, не обладающих преступным опытом. Так, применительно к преступлениям против

⁵ Величина эффекта общепредупредительного воздействия на иные категории граждан составляет, по нашим данным, в среднем не более 26,5%.

Таблица 2

Структура эффекта общепредупредительного воздействия на лиц, имеющих преступный опыт (в % к итогу)

Виды общественных отношений, находившихся под угрозой	Итого в среднем удержалось от посягательства на данный вид общественных отношений
Общественный порядок	23,0
Жизнь и здоровье граждан	12,6
Личная собственность	50,6
Государственная и общественная собственность	9,8
Интересы государственной службы	2,5
Иные	1,5
Итого	100,0

личной собственности граждан можно говорить о том, что общепредупредительное воздействие как фактор удержания от вымогательства практически не существует для граждан, не обладающих преступным опытом, что грабеж и разбой более «уязвимы» для общепредупредительного воздействия на обладателей преступного опыта, чем на иных граждан.

Оценивая значение полученных данных, необходимо также иметь в виду, что число случаев удержания от совершения преступлений под воздействием общего предупреждения не равно числу удержавшихся. Первое, как показало наше исследование, обычно гораздо больше. Это значит, что одни и те же лица не совершают под воздействием общего предупреждения два и более преступлений. Удельный вес данной категории лиц среди имеющих преступный опыт достигает 47% от общего числа удержавшихся от совершения преступлений. Применительно к иным категориям населения этот показатель значительно ниже (22,9%).

Общим итогом сравнительного исследования эффективности общепредупредительного воздействия на рассматриваемые категории граждан может быть вывод о существенных различиях в механизме такого воздействия. Подтверждение этому мы находим в характеристике факторов, определяющих результативность общепредупредительного воздействия на лиц, обладающих преступным опытом.

Первую группу факторов образует общепредупредительное действие законодательства. Полученные данные в определенной мере опровергают довольно распространенное мнение о преступниках как о людях, которые совершили преступление, несмотря на

довольно хорошее знание уголовного закона. Количественный анализ показывает, что и перед тем, как совершить первое свое преступление, и перед совершением последующих уровень знания о характере и размере возможной ответственности у таких лиц стабильно невысок. Обычно он не выше среднего показателя для всех категорий населения и не обнаруживает сколько-нибудь выраженной тенденции к росту по мере накопления преступного опыта. Весьма настораживает и тот факт, что более половины опрошенных (53,3%) считают существующий уголовный закон «не таким уж строгим». Исключения составляют лишь те, кому назначено наказание на срок свыше 5 лет. Наряду с положительной стороной рассматриваемого явления (довольно точной оценкой гуманистических тенденций в советской уголовной политике) оно несет в себе и негативный аспект. Для подавляющего большинства обладателей преступного опыта наказание не выполняет удерживающей функции.

Следующую группу факторов, от которых зависит эффективность общепредупредительного воздействия на рассматриваемую категорию лиц, составляет деятельность правоприменительных органов (включая те, с которыми этим лицам пришлось столкнуться). Ведущим фактором в названной группе, бесспорно, является деятельность органов, обеспечивающих неотвратимость ответственности за преступления. Прежде всего это касается уголовного розыска, чья работа составляет первичный элемент процесса реализации уголовной ответственности. Субъективным показателем, характеризующим результативность деятельности уголовного розыска, является оценка ранее совершившими преступление уровня раскрываемости отдельных видов уголовно наказуемых деяний, например, посягающих на личную собственность граждан (табл. 3).

Таблица 3

Оценка ранее совершившими преступления уровня раскрываемости отдельных разновидностей преступлений против личной собственности граждан (в %)

Показатель	Разновидности преступлений						Итого в среднем
	кража	грабеж	разбой	мошенничество	вымогательство	умышленное уничтожение или повреждение имущества	
Уровень раскрываемости	45,4	52,5	58,0	39,8	42,0	46,7	47,5

Вывод, который можно сделать на основе приведенных данных, неутешителен: в представлениях обладателей преступного опыта вероятность избежать ответственности за преступление весьма высока. Именно поэтому 48,5% опрошенных нами осужденных перед совершением преступления в той или иной мере рассчитывали избежать наказания. Из них 13,2% были полностью уверены, что их не разоблачат⁶. Среди всех категорий опрошенных выделяются несовершеннолетние, среди которых более 2/3 рассчитывали на безнаказанность.

Исследование эффективности общепредупредительного воздействия не может не касаться условий неэффективности его, среди которых выделяется негативное действие алкогольного опьянения, приводящего к серьезным нарушениям важнейших условных рефлексов человека, в том числе социально-правовых. Как следствие возникают субъективные факторы неэффективности общепредупредительного воздействия. По данным нашего исследования, 51,7% осужденных указали на решающую роль опьянения в совершении преступления.

Приведенные в настоящей работе результаты исследования, несмотря на их ограниченный характер, все же позволяют утверждать, что проблема общепредупредительного воздействия на лиц, обладающих преступным опытом, не просто малозучена, но практически значима сегодня, когда закладываются основы принципиально новой системы правового информирования населения, а значит и общепредупредительного воздействия.

---

⁶ Опрос, который проводился в начале 70-х годов А. И. Марцевым, позволил установить, что 18,6% осужденных, совершая преступления, рассчитывали на безнаказанность. (См.: Роль применения правовых норм в общей превенции преступлений //Труды Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск, 1972. С. 70).

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (статья первая)

Г. Н. Доронин, Н. А. Косточко

В современных условиях поиск путей повышения эффективности применения к преступникам норм об уголовной ответственности и наказания является одним из важных направлений юридической науки.

К числу недостаточно разработанных в науке уголовного права и криминологии относится вопрос об эффективности общепредупредительного воздействия всего спектра уголовно-правовых средств борьбы с преступностью. И в настоящее время во многом справедливым остается высказывание И. И. Карпеца, что «воздействие общепредупредительной силы наказания — почти совсем не изученный вопрос. Мы не знаем как, в какой степени и на кого влияет общее предупреждение»¹. Особенно мало сведений мы имеем об общем предупреждении преступлений подростков и юношей. Более того, в литературе содержатся утверждения, в которых умаляется, принижается роль общей превенции применительно к данной категории граждан. Так, например, А. П. Кондусов отмечает: «В отношении несовершеннолетних... общее предупреждение как цель наказания лишена самостоятельного характера»². Эта позиция подвергнута справедливой критике в ряде работ ученых³. Следует согласиться с А. И. Чернышевым, который обращает внимание на обусловленность целей уголовного наказания его объективными свойствами, а поэтому общепредупредительное

¹ Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 114. Конечно, следует иметь в виду, что высказывание имеет более чем десятилетнюю давность. В настоящее время мы располагаем результатами глубокого исследования проблемы, проведенного А. И. Марцевым. (См.: Марцев А. И. Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений: Автореф. докт. дис., Свердловск, 1975). Вышла интересная книга норвежского исследователя И. Анденеса (Анденес И. И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979), ряд других научных работ.

² Кондусов А. П. Цели наказания в отношении несовершеннолетних по советскому уголовному праву // Учен. зап. СЮИ, 1965. Вып. 12. С. 128.

³ См., например: Астемиров З. А. Трудовая колония для несовершеннолетних. М., 1969. С. 24 и сл.

воздействие на несовершеннолетних «необходимо не отрицать, а с наибольшей эффективностью использовать»⁴.

Насколько реальна и практически значима проблема общей превенции в отношении несовершеннолетних, могут служить данные проведенных нами исследований. Трех категориям подростков (школьникам — гр. А, несовершеннолетним, состоящим на учете в ИДН — гр. В, отбывающим наказание в ВТК — гр. С) предлагалось ответить на вопрос: «Приходилось ли Вам быть в таком положении, когда совершение преступления было бы полезно и возможно, но этот поступок Вы не совершили?» В группе

Таблица 1

Мотивировка отказа от совершения преступления	Гр. А	Гр. В	Гр. С
	%	%	%
Совесть не позволила	50	45	20
Неловко перед людьми	—	15	25
Из-за нерешительности	—	10	15
Подумал, что буду наказан в уголовном порядке	40	25	30
Из принципиальных соображений	10	5	10

школьников, положительно ответивших, оказалось 20%, в группе состоящих на учете в ИДН — 48%, в группе осужденных несовершеннолетних — 40%. Нас особенно интересовало, чем подростки мотивировали свой отказ от совершения преступления.

Результаты исследования приводятся в табл. 1. Из приведенной таблицы видно, что в каждой группе лиц, отказавшихся от совершения преступления, есть подростки, объяснившие свой отказ возможностью быть привлеченным к уголовной ответственности. Причем наибольший удельный вес приходится на группу школьников, что можно объяснить их повышенной восприимчивостью к социализирующему влиянию различных факторов, в том числе и угрозы наказания.

⁴ Чернышев А. И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. Томск, 1981. С. 109.

С целью перепроверки полученных данных методикой исследования предусматривалось «введение» обследуемых в вербальную экспериментальную ситуацию, в которой предполагалось выбрать способ поведения в обстановке, удобной для совершения типичного для подростков преступления — кражи из салона легкового автомобиля. И в этом случае значительная часть несовершеннолетних из числа выбравших при решении ситуационной задачи непроступный путь поведения мотивировала свое решение страхом перед уголовным наказанием (в гр. А — 20%, в гр. В — 27%, в гр. С — 33,3%), что также подтверждает реальность существования общепреventивной функции уголовного наказания.

Наличие общепредупредительного влияния уголовного наказания на подростков и юношей может быть установлено и другими косвенными данными. В частности, проведенное нами изучение правосознания осужденных к лишению свободы несовершеннолетних показало: 37% этих лиц считают, что одной из целей уголовного наказания преступников является устрашение других людей. Специальный опрос народных судей одного из регионов Западной Сибири помогает прийти к выводу: опрашиваемые не склонны приуменьшать значение общей превенции в отношении несовершеннолетних. Только 7,8% этих лиц отмечают, что факт существования уголовного закона и наказания почти не оказывает влияния на поведение подростков и юношей, тогда как 58,5% судей указали на существование достаточно сильного превентивного значения угрозы, исходящей от уголовного наказания. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о реальности проблемы общей превенции в отношении несовершеннолетних.

Заслуживает специального рассмотрения вопрос о круге несовершеннолетних, испытывающих общепредупредительное воздействие уголовного наказания. Большинство авторов (обсуждая проблему в целом) считают, что такое влияние имеет место в отношении неустойчивых в социально-нравственном отношении лиц⁵. Своеобразную позицию занимает А. И. Марцев. Он пишет: «Объективно общее предупреждение оказывает воздействие на всех граждан, подлежащих уголовной ответственности, а субъективно — на лиц с антиобщественной направленностью»⁶. Плодотворной представляется мысль А. И. Марцева о необходимости выявления особенностей восприятия угрозы наказания различными категориями граждан. Однако вряд ли целесообразно противопоставлять общее предупреждение как факт объективной действительности и процесс восприятия этого явления людьми. Любое воз-

⁵ См., например: Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 41 и др.

⁶ Марцев А. И. Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений. С. 14.

действие на личность (в том числе и общепредупредительное) с необходимостью предполагает то или иное восприятие этого влияния, формирование к нему определенного отношения. Другое дело, что угроза наказания у различных людей вызывает различный «психологический отклик», оставляет свой неповторимый след в духовном облике личности. И задача науки — установить типизированные особенности реагирования людей на различные факторы общей превенции и учесть их при разработке профилактических мер. Что же касается контингента несовершеннолетних, то здесь еще с большей уверенностью можно утверждать, что общепредупредительное влияние уголовного наказания распространяется на всех лиц данной возрастной группы. Во-первых, личность подростков и юношей находится в стадии интенсивного становления. Как известно, к этому времени еще не в полной мере складывается область нравственного и правового сознания, сфера мотивации и целеполагания, не сложилось еще целостных представлений о картине мира и т. д. В связи с этим с полным основанием можно говорить о неустойчивости как основной личностной характеристике несовершеннолетних, являющейся важным психологическим условием их безразличного отношения к факторам (элементам) общей превенции. Во-вторых, важно учитывать и то обстоятельство, что хотя специфическим средством общего предупреждения является устрашение, но предупредительное воздействие уголовного наказания на других лиц не исчерпывается этим. В качестве неотъемлемой части оно включает в себя и правовоспитательный эффект: информирование граждан о ценностях, которые государство берет под охрану уголовного закона, о способах и средствах реагирования на преступления и т. д. Вся эта правовая информация оказывает на подростков значительное социализирующее влияние. В этих условиях устрашающая и собственно воспитательная функции уголовного наказания находятся в тесной взаимосвязи, неотделимы друг от друга, слиты воедино. Отсюда и адресатом их влияния оказывается все несовершеннолетнее население в целом. В-третьих, сам факт существования уголовно-правовых запретов способен при определенных условиях выполнить роль своеобразного средства поддержания позитивного нравственного тонаса подростков, препятствующего снижению моральных критериев в их поведении. Понятно, что такое воздействие не может касаться только неустойчивых лиц. Можно было бы привести и другие аргументы в пользу защищаемой позиции, однако и всего сказанного достаточно, чтобы утверждать: проблема общего предупреждения преступлений несовершеннолетних не является частной, касающейся узкой, ограниченной части подростков и юношей, склонных к совершению преступлений. Это проблема поиска наиболее эффе-

тивных путей и средств уголовно-правового предупреждения преступлений, охватывающая все несовершеннолетнее население в целом.

Заслуживает специального рассмотрения вопрос об элементах (факторах) общего предупреждения преступлений несовершеннолетних. К числу таких элементов исследователи относят, во-первых, само уголовное законодательство⁷. Справедливо указывается на такие средства предупреждения данного вида, как отнесение определенных общественно-опасных деяний к числу преступлений и установление санкций за их совершение. Однако этот вопрос требует уточнения. Рассматривая общепредупредительное воздействие уголовно-правовой нормы на поведение людей как осуществление ее регулятивной функции⁸, правомерно, как представляется, поставить вопрос об особенностях общепреventивного влияния ее составных частей: гипотезы, диспозиции, санкции. Если учесть, что «гипотеза уголовно-правовой нормы содержит указания на те условия, при наличии которых правило поведения, сформулированное в диспозиции, подлежит соблюдению: возраст, вменяемость, признаки, характеризующие специального субъекта, а также обстоятельства места, времени совершения преступления и др.»⁹, то заслуживает внимания вопрос об общепредупредительном воздействии на несовершеннолетних норм, регулирующих возрастные границы уголовной ответственности, устанавливающих ее пределы в зависимости от вида совершенных преступлений, уровня психического развития личности и т. д. Результатом таких исследований могли бы быть рекомендации, позволяющие усилить предупредительный эффект соответствующих статей уголовного закона.

С точки зрения реализации общепредупредительного воздействия определенные требования предъявляются и к диспозиции уголовно-правовой нормы, которая (с позиции осуществления регулятивной функции) устанавливает правило поведения, иначе говоря, «содержит требование выполнить определенное действие... либо воздержаться от его выполнения»¹⁰. Диспозиции уголовно-правовых норм несут, пожалуй, основную нагрузку осуществления их превентивного воздействия. Поэтому важным направлением исследования можно считать поиск условий, повышающих эффективность предупредительного влияния данного структурного элемента уголовно-правового запрета.

⁷ См.: Марцев А. И. Общая превенция преступлений // Правоведение, 1970. № 1. С. 70.

⁸ См. об этом: Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1988. С. 40.

⁹ Там же. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 44.

Представляется, что описание в нормах уголовного закона преступлений, ответственность за которые наступает в несовершеннолетнем возрасте, должно в какой-то мере учитывать особенности восприятия правового материала подростками и юношами. Применение социологических методов исследования этого вопроса могло бы оказаться полезным при разработке конкретных мероприятий по совершенствованию техники конструирования правовых норм.

Обсуждая вопрос об общепредупредительном воздействии норм уголовного права, нельзя не остановиться на выяснении роли в этом процессе уголовно-правовых санкций, которые в науке рассматривают как «закрепленную уголовным законом форму ответственности, выраженную меру уголовного наказания (а в ряде случаев меру общественного или дисциплинарного воздействия), предусмотренного за совершение преступления»¹¹. Как и другие структурные элементы уголовно-правовых норм (в плане регулирующего воздействия на поведение людей), санкция адресована в первую очередь гражданам, ее целевое назначение при этом — довести до сведения конкретных лиц информацию о тех негативных последствиях, которые наступят в случае невыполнения требования, выраженного в диспозиции. Важно отметить, что санкция «обеспечивает обязательность требования, подкрепляя ее угрозой принуждения»¹².

Анализируя санкции уголовно-правовых норм с точки зрения вычленения содержащихся в них элементов общепредупредительного воздействия, можно говорить, во-первых, о таком их качестве, как способности усилить обязательность требований, изложенных в диспозиции, закреплять их свойство всеобщности, не допуская при этом каких-либо исключений из правил. Норме поведения, провозглашенной в уголовном законе, придается общеобязательный характер, повышается ее престиж, укрепляется социальный статус и таким образом создаются условия, благоприятствующие восприятию гражданами изложенного в норме правила, подкрепленного силой властного принуждения стандарта поведения. Во-вторых, в качестве самостоятельного (и, наверное, главного) элемента общей превенции уголовно-правовых санкций выступают содержащиеся в ней указания на наступление определенных неблагоприятных последствий в случае нарушения нормы уголовного закона. Наказание, обеспеченное силой государственного принуждения, выступает в данном случае в качестве одного из факторов, обеспечивающих равномерное поведение граждан.

¹¹ Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды. Томск, 1987. С. 75.

¹² Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования. С. 43.

Изучение эффективности уголовно-правовых санкций как элемента общей превенции в отношении несовершеннолетних с неизбежностью предполагает проведение исследований системы наказаний, применяемых к подросткам и юношам за совершение преступлений. Актуальность этой проблемы в настоящее время возрастает в связи с тем, что новое уголовное законодательство по всей видимости будет содержать специальную главу, регулируемую уголовную ответственность лиц, не достигших совершеннолетия. В нее, в частности, предполагается включение исчерпывающего перечня наказаний, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям. Насколько эта система будет совершенна с позиций осуществления ею общепреventивных функций, насколько согласуется с составными частями более широкой системы — мерами наказания, применяемыми к взрослым лицам, мерами борьбы с преступностью средствами криминологического предупреждения преступлений — все эти вопросы заслуживают пристального внимания исследователей. При этом важно иметь в виду, что любой, предусмотренный в уголовном законе вид наказания важно оценить «с профессионально-целевой (ведомственной), социологической (системной) и аксиологической (ценностной) точек зрения в их диалектическом единстве»¹³.

Рассмотрение системы наказаний как фактора общепреventивного воздействия на несовершеннолетних предполагает изучение ее отношений и связей с другими звеньями уголовно-правовой системы влияния на преступность и, в первую очередь, — с иными мерами уголовно-правового воздействия (нормами, регулирующими освобождение виновных от уголовной ответственности и наказания, условным осуждением, применением отсрочки исполнения наказания, назначением принудительных мер воспитательного характера).

Наряду с указанными выше можно вычленить и другие составные элементы общепредупредительного воздействия уголовного законодательства на несовершеннолетних. В более же широком плане проблему можно сформулировать следующим образом: насколько уголовное законодательство в целом, вся его система обеспечивают возможность реализации общепреventивной функции в отношении несовершеннолетних, нет ли несоответствия, «перекосов» в правовых средствах, препятствующих достижению указанных в законе целей. Все эти вопросы могут быть темой специального исследования.

Одной из актуальных задач научно-практического значения является изучение механизма общепредупредительного воздействия уголовно-правовых норм на несовершеннолетних. В юридичес-

¹³ Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 76.

кой литературе справедливо отмечается, что реализация предупредительной функции уголовно-правового запрета зависит от ряда факторов. В связи с этим предлагается различать социальный, личностный и социально-психологический механизмы действия юридических норм¹⁴. Существенное место среди них принадлежит социальным позициям (статусам) человека, их взаимодействию в структуре личности в экономической, политической, культурно-бытовой сферах. Поэтому особенности социального механизма профилактического воздействия уголовного закона на несовершеннолетних заключаются в определении роли таких социальных характеристик подростков и юношей, как положение в семье, учебной и трудовой деятельности, сферы быта, досуга, демографических свойств личности и т. д. Можно предположить, что общепредупредительный эффект уголовного закона зависит от степени (успешности) усвоения и выполнения подростками основных социальных ролей, характерных для данного возраста (учащегося, члена семьи, участника групп дружеского общения и т. д.), уровня согласованности этих позиций, статусов.

Такое предположение вполне «увязывается» с данными криминологических исследований, свидетельствующими о том, что несовершеннолетних преступников, как правило, характеризует наличие деформаций в сфере семьи, по месту учебы (работы), в быту и досуговых отношениях. Проведенный нами экспертный опрос народных судей по поводу выявления факторов, препятствующих эффективному общепредупредительному воздействию уголовного закона, убедительно свидетельствует о выдвигании практическими работниками на первый план дефектов семейного, школьного, производственного, досугового воспитания. Изучение социального механизма общего предупреждения преступлений представляется весьма перспективным направлением исследования, ибо оно с неизбежностью предполагает «выход» на проблемы совершенствования социальных условий жизни человека. Следует согласиться в связи с этим с Л. И. Спиридоновым, который отмечает: «Попытка решить задачу формирования у населения поголовного уважения к закону не достигнет цели, если она совершается одними только воспитательными средствами»¹⁵.

Исследование личностного механизма общего предупреждения преступлений включает в себя анализ эффекта устрашения в зависимости от определенного типа личности: сложившегося у человека уровня антиобщественной (либо противоположного по содержанию) направленности, уровня правосознания, характерных для различных групп несовершеннолетних индивидуально-психо-

¹⁴ См. об этом: Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 126—127 и сл.

¹⁵ Там же. С. 167.

логических особенностей, а также влияние на этот процесс особых психических состояний (эффектов алкогольного и наркотического опьянения) и аномалий психики человека. В процессе предварительного изучения этого аспекта проблемы была предпринята попытка установить существование зависимости мотивов отказа подростков от совершения преступления (изучение проводилось с помощью решения обследуемыми тематических ситуационных задач) от уровня криминальной зараженности личности (исследовались школьники, лица, состоящие на учете в ИДН, несовершеннолетние, отбывающие наказание в ВТК).

Полученные данные показали, что мотивирующее воздействие страха перед возможным наказанием в ситуации выбора — совершить или не совершить преступление — в большей степени свойственно школьникам и в меньшей степени — несовершеннолетним, отбывающим наказание в ВТК. Школьники также в два раза чаще, чем осужденные, отметили такой нравственный мотив отказа от преступления, как «совесть не позволила». Эти сведения в определенной мере свидетельствуют о наличии корреляции между степенью (уровнем) выраженности антиобщественной направленности личности и устрашающим воздействием на нее установленного в законе уголовно-правового запрета.

Логично также предположить, что восприятие несовершеннолетними уголовно-правовых запретов и формирование к ним отношения определяются сложившимся уровнем правосознания подростков и юношей. Нами была предпринята попытка установить наиболее характерные для этих лиц дефекты представлений о таких правовых явлениях, как преступление, возраст уголовной ответственности, вид и размер наказания, которое может последовать в связи с совершением конкретного преступления (кражи)¹⁶. Исследование показало, что большинство подростков более или менее отчетливо понимают, что такое преступление (хотя в группах лиц, состоящих на учете в ИДН и осужденных, эти представления менее определены), достаточно осведомлены о возрасте наступления уголовной ответственности. Вместе с тем половина опрошенных (а среди лиц, состоящих на учете в ИДН — 54%) имеют «облегченные» суждения о правовых последствиях, которые могут быть в случае нарушения уголовно-правового запрета — совершения преступления. Чаще всего опрашиваемые склонны считать, что последуют условные меры наказания, отсрочка исполнения приговора, постановка на учет в ИДН и комиссию по делам несовершеннолетних, будет проведена беседа в милиции, обсуждение в коллективе и т. п. Такие представления весьма пагубны для механизма общей превенции уголовно-правовых норм,

¹⁶ Изучались те же три категории несовершеннолетних.

в определенных конкретных жизненных ситуациях они могут выступать своеобразным психологическим условием, препятствующим достижению предупредительного эффекта и благоприятного функционирования личностного механизма общей превенции.

В результате исследования личностного механизма общего предупреждения преступлений несовершеннолетних установлены также подвзжность, зависимость предупредительного эффекта от ряда индивидуально-психологических свойств и состояний подростков. Оказалось, что, чем выше уровень тревожности личности, ее подверженность аффекту страха, тем более рельефно выражено общепредупредительное воздействие уголовно-правового запрета. На экспериментальном материале (с помощью метода ситуативных задач) убедительно доказан обратный эффект состояния алкогольного опьянения. Оно (это опьянение) в значительной мере снижает чувствительность к средствам социального контроля, способствует проявлению невыдержанности и тем самым уменьшает устрашающее воздействие уголовно-правового запрета.

Таким образом, можно сказать, что сама идея классификации несовершеннолетних по существенному личностному признаку, влияющему на вероятность наступления общепредупредительного результата, заслуживает внимания. Изучение этого вопроса поможет более глубоко разобраться в механизме превентивного воздействия уголовно-правовых запретов на несовершеннолетних.

Рассматривая механизм общего предупреждения, нельзя не обратить внимания на роль в нем таких социально-психологических явлений, как общественное мнение коллектива, групповых норм и ценностей, бытового и досугового окружения. Имеются все основания предполагать, что общепредупредительный эффект уголовно-правового запрета в значительной мере сглаживается ценностными установками малых групп, в которые включены большинство подростков и юношей. Нами была предпринята попытка проверить это предположение и на экспериментальном материале выяснить влияние на эффективность устрашения такого фактора, как отношение к уголовно-правовому запрету ближайшего бытового окружения несовершеннолетних (обследовались указанные выше три категории подростков и юношей).

При анализе подростками криминальной ситуации (исследование проводилось в помощью метода ситуационных задач) — кражи личного имущества граждан — с позиций своих родителей оказалось, что почти все опрошиваемые оценили поступок как антиобщественный, вредный («совершенно преступление», это «плохой», «аморальный поступок»). Совершенно иной результат был получен при анализе ситуации с позиций своих друзей. Гораздо меньше опрошиваемых оценили этот поступок как негативный: в группе школьников таких ответов оказалось 74%, в группе лиц,

состоящих на учете в ИДН, — 50%, в группе осужденных к лишению свободы — 40%. Более того, у большинства подростков двух последних групп, судя по ответам, их ближайшее дружеское окружение одобрило бы этот поступок. Исследование показало также, что индивидуальное правосознание опрошиваемых (в том числе и отношение к уголовно-правовому запрету) в значительной мере дублирует показатели правосознания неформальных групп. Отсюда следует вывод: эффективность общепредупредительного воздействия на подростков уголовно-правового запрета в значительной мере зависит от отношения к запрету со стороны дружеского окружения. В связи с этим представляет интерес классификация общностей несовершеннолетних в зависимости от их отношения к уголовно-правовым запретам, характера деформаций интересов и ценностей, на базе которых осуществляется консолидация молодежных объединений. Таким образом, можно заключить, что пути совершенствования деятельности по усилению общепредупредительной функции уголовного закона пролегают через изучение закономерностей формирования правосознания групповых общностей и их влияние на индивидуальное правосознание и поведение конкретных лиц. Поэтому следует согласиться с существующими в литературе высказываниями, что «отношение «изолированный индивид—норма уголовного права» есть абстракция и что реальное формирование отношения человека к уголовно-правовому запрету — результат не только особенностей его личности, но и взаимодействия как общества в целом, так и тех малых групп, членами которых он является»¹⁷.

Обсуждая элементы общепредупредительного воздействия мер уголовно-правового предупреждения преступлений, нельзя не согласиться с позицией ученых, считающих, что «предупреждение преступлений — не только функция советского уголовного права, но и цель позитивной уголовно-правовой ответственности, воплощенной в поведении, соответствующем юридическим нормам»¹⁸. Предупредительный эффект в таком случае является не столько результатом следования уголовно-правовому запрету, сколько определяется воздействием примера правомерного поведения окружающих. Такое опосредованное регулятивное влияние уголовно-правовых норм может стать перспективным направлением исследования проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних, ибо психологической особенностью данной возрастной группы является повышенное стремление к подражанию, ориентировка в поступках вначале на взрослых (родителей, учителей и других лиц), а затем изменение доминирующей направленности

¹⁷ Спиридонов Л. И. Цит. раб. С. 185.

¹⁸ Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Цит. раб. С. 161.

восприятия на ценности и оценки своих сверстников¹⁹. Утверждение стереотипов правомерного поведения в значимых для подростков ситуациях (например, выполнение гуманистических ритуалов в юношеских клубах, спортивных командах и т. п.) способно оказать благотворное влияние не только на тех людей, личность которых формируется на основе этих позитивных традиций, но и на тех, кто потенциально может в подобных ситуациях оказаться. Психологическим механизмом данного вида уголовно-правового предупреждения преступлений выступают подражание и конформизм.

---

¹⁹ См. по этому вопросу: Ко н И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979. С. 92—96.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРИ ДОСУДЕБНОЙ ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛОВ В ПРОТОКОЛЬНОЙ ФОРМЕ В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Ю. К. Якимович

При исследовании проблем уголовно-процессуального доказывания в производстве с протокольной формой подготовки материалов следует основываться на положениях, имеющих принципиальное значение.

1. Доказывание осуществляется в каждой стадии уголовного судопроизводства и имеет, как правило, в каждой стадии специфические конкретные задачи, предмет и пределы. Одни и те же фактические данные, являющиеся доказательствами в одной стадии, могут утрачивать доказательственное значение в других стадиях, в которых действуют иные правила допустимости¹.

---

¹ С. А. Шейфер обоснованно пишет о том, что «...правовые формы доказывания не остаются неизменными на протяжении процесса. Меняются фактические обстоятельства, подлежащие установлению на той или иной стадии. Различны виды используемых там доказательств, специфичны пределы их оценки, а также выводы, к которым приходит уполномоченный орган государства в момент принятия итогового решения. Различаются между собой и применяемые в отдельных стадиях процесса способы сбора доказательств». (Шейфер С. А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986. С. 45).

Во многих работах исследуются вопросы специфики доказывания в различных стадиях уголовного процесса. См.: Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в различных стадиях советского уголовного процесса //Тр. Иркут. ун-та. Иркутск, 1969. Т. 45. Сер. юрид. Вып. 8. Ч. 4; Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978; Каз Ц. М. Обстоятельства, подлежащие установлению в стадии возбуждения уголовного дела //Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства. М., 1962; Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983; Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев, 1984; Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1976; Карнеева Л. М. Доказывание при отказе в возбуждении уголовного дела //Сов. государство и право. 1975. № 2; Шейфер С. А. Собрание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986 Григорьев В. Н. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела //Доказывание по уголовным делам. Красноярск, 1986.

2. Особенности доказывания зависят не только от того, на какой стадии производства оно осуществляется, но и от вида и подвида производства.

3. Досудебное производство в протокольной форме, наряду с дознанием и предварительным следствием, является составной частью стадии досудебной подготовки материалов. В целом же производство с протокольной формой досудебной подготовки материалов представляет собой упрощенное производство.

Источники, в которых содержатся фактические данные, получаемые при досудебной подготовке материалов в протокольной форме, можно подразделить на следующие группы:

1) заявления, сообщения и другие, указанные в ст. 108 УПК, источники, служащие поводом к возбуждению уголовного дела, а в данном случае — поводом к началу протокольного досудебного производства;

2) объяснения правонарушителя и иных лиц;

3) протокол осмотра места происшествия;

4) предметы;

5) документы, исходящие от предприятий, организаций, учреждений, должностных лиц и граждан;

6) документы, составленные лицом, производящим досудебную подготовку материалов в протокольной форме в связи с этой подготовкой.

На основе этих фактических данных устанавливаются обстоятельства, указанные в ст. 415 УПК, составляющие предмет доказывания в протокольном досудебном производстве. Эти источники предусмотрены для судебного протокольного производства действующим уголовно-процессуальным законодательством: такой вывод основывается на анализе ст. ст. 414, 415, 69, 70, 109 УПК². Но могут ли быть использованы фактические данные, полученные в ходе досудебной подготовки материалов в протокольной форме, в качестве доказательств на последующих этапах, судебных стадиях производства? Рассмотрим этот вопрос применительно к каждому из указанных выше источников.

1. Фактические данные, полученные в результате производства осмотра места происшествия и зафиксированные в протоколе осмотра, несомненно являются доказательствами в судебных стадиях. Осмотр места происшествия — следственные действия, а протоколы следственных действий ст. 69 УПК относит к числу источников доказательств.

2. Представляется, что столь же безусловно предметы, полученные в протокольном досудебном производстве, не могут являться вещественными доказательствами в судебных стадиях. Ве-

² Кроме источника, указанного в п. 6. О нем см. ниже.

вещественными доказательствами они могут стать только после выполнения судом определенных процессуальных действий.

Тот или иной предмет считается вещественным доказательством только после его осмотра (о чем должен быть составлен протокол) и вынесения особого постановления о приобщении к уголовному делу (ст. 84 УПК). Но осмотр предметов может быть произведен только после возбуждения уголовного дела. И лишь после возбуждения уголовного дела эти предметы могут быть приобщены к нему в качестве вещественного доказательства³.

Поэтому, если в суд вместе с материалами протокольного досудебного производства поступают предметы, предварительно при решении вопроса о возбуждении уголовного дела судья должен проверить, относятся ли эти предметы к делу. Затем в судебном заседании эти предметы должны быть осмотрены и определением суда приобщены к рассматриваемому делу. С этого момента данные предметы приобретают качество вещественных доказательств.

Так же, как и в стадии возбуждения уголовного дела, при досудебной подготовке материалов в протокольной форме предметы могут быть получены в результате осмотра места происшествия, представления и истребования.

3. Документы, исходящие от организаций, предприятий, учреждений, должностных лиц и граждан. Чаще всего эти документы появляются в протокольном досудебном производстве в результате истребования их лицами, осуществляющими это производство. Но не исключается и возможность их представления предприятиями, организациями, учреждениями, должностными лицами и гражданами по собственной инициативе. Указанные выше документы (за исключением конечно тех, которые могут быть признаны вещественными доказательствами), если они получены с соблюдением установленных процессуальных правил и обладают признаком относимости, являются доказательствами в судебных стадиях. При этом (в отличие от предметов, могущих быть вещественными доказательствами) суду не требуется производить какие-либо дополнительные процессуальные действия для того, что-

³ Такого же мнения придерживается Н. П. Кузнецов, рассматривая природу предметов, обнаруженных и представленных в стадии возбуждения уголовного дела. См.: Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 66.

Неточность в этих вопросах допускали Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькин. Они писали: «В исключительных случаях вещественные доказательства могут быть получены и до возбуждения уголовного дела при проведении осмотра места происшествия, а также при представлении доказательств гражданами, предприятиями и организациями. (Проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 187). Очевидно, здесь речь идет не о доказательствах (в смысле ст. ст. 69, 83 УПК), а о предметах, которые таковыми могут быть после их осмотра и приобщения к делу.

бы придать документу, полученному в досудебном протокольном производстве, доказательственное значение. Процессуальный режим «работы» с документами не зависит от этапа уголовно-процессуальной деятельности. Для того, чтобы придать документу силу доказательства, не требуются процессуальные действия, производство которых был бы запрещено до возбуждения уголовного дела. Поэтому следует согласиться с мнением, что «...документы истребованные органами дознания, следствия, прокуратуры и суда в соответствии с нормами уголовно-процессуального права, должны рассматриваться как доказательства независимо от того, в какой момент уголовного судопроизводства они получены»⁴.

4. Объяснения правонарушителя, очевидцев и иных лиц предусмотрены в качестве источников фактических данных в досудебном протокольном производстве (ст. 415 УПК). На этом этапе производства фактические данные, содержащиеся в объяснениях, являются доказательствами. Однако по смыслу действующего уголовно-процессуального законодательства лица, чьи объяснения были получены до возбуждения уголовного дела, после его возбуждения должны быть допрошены в качестве соответственно обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, свидетелей. Значит в последующих стадиях объяснения теряют силу источников доказательств. Их заменяют полученные в результате следственных действий (допросов) показания⁵.

К такому же выводу приводит анализ ст. ст. 281, 286, 287 УПК, предусматривающих случаи оглашения в судебном заседании показаний обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, данных ими при производстве дознания или предварительного следствия. В судебном заседании, таким образом, допускается возможность оглашения именно показаний, но не объяснений.

---

⁴ Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела Воронеж, 1983. С. 64.

⁵ К такому же выводу приходят многие процессуалисты, рассматривающие вопрос о доказательственном значении объяснений, полученных в стадии возбуждения уголовного дела. См., например: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказывания в советском уголовном процессе. С. 207—208; Тетерин Б. О способах собирания доказательств в уголовном процессе //Правоведение, 1964. № 2. С. 69; Незванова Г. Г. Проверка оснований к возбуждению уголовного дела //Науч. тр. Ташкент. ун-та, 1967. Вып. 309. С. 135.

Однако немало авторов придерживаются противоположного мнения. См.: Степанов В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. С. 127; Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975. С. 127; Карнева Л. Основания отказа в возбуждении уголовного дела //Соц. законность. 1977. № 3. С. 57; Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. С. 68—70.

По смыслу ст. 415 УПК рассмотрение в суде дел, досудебная подготовка материалов по которым производилась в протокольной форме, происходит по тем же правилам, что и рассмотрение других категорий дел. Пленум Верховного Суда РСФСР в Постановлении от 24 декабря 1985 г. также обращает внимание судов на это. «Порядок производства по делам о преступлениях, перечисленных в ст. 414 УПК РСФСР, определяется общими нормами уголовного процесса за изъятиями, установленными главой 34 УПК РСФСР. В связи с этим какие-либо отступления от предусмотренного законом порядка судебного разбирательства по делам, возбужденным по материалам с протокольной формой досудебной подготовки, недопустимы⁶. Единственное «изъятие», которое предусмотрено в главе 34 УПК относительно рассмотрения дела в суде, касается сроков рассмотрения. Других изъятий нет. А это означает применительно к рассматриваемому сейчас вопросу, что суд обязан допросить подсудимого, потерпевшего, свидетелей и не вправе ссылаться в приговоре как на доказательства на объяснения этих лиц, данные ими при досудебной подготовке материалов в протокольной форме.

Между тем, Верховный Суд РСФСР в этом же Постановлении дал следующее разъяснение: «Если отсутствие в судебном заседании очевидцев правонарушения или иных лиц вызвано причинами, исключающими возможность их явки, суд по смыслу ст. 286 УПК РСФСР вправе огласить объяснения, данные ими органу дознания при досудебной подготовке материалов»⁷.

Во-первых, не понятно, из каких соображений исходил Верховный Суд, разрешив оглашать объяснения только в случае неявки свидетелей и не указывая другие, предусмотренные ст. ст. 281, 286, 287 УПК, случаи.

Во-вторых, Верховный Суд превысил свои полномочия, установив дополнительные, не предусмотренные главой 34 УПК, изъятия из общего порядка судебного разбирательства дел, подготовленных по протокольной форме.

5. Заявления, сообщения, другие источники, послужившие поводом к возбуждению досудебного производства в протокольной форме. Чаще всего поводом⁸ к возбуждению досудебного произ-

⁶ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 3.

⁷ Там же.

⁸ Полагаю, это в данном случае можно применить аналогию уголовно-процессуального закона: в качестве поводов к возбуждению протокольного досудебного производства использовать предусмотренные ст. 108 УПК поводы к возбуждению уголовного дела. С этого момента, т. е. с момента поступления сообщения или заявления о совершенном преступлении или появления иного повода из числа указанных в ст. 108 УПК, включая непосредственное обнаружение работниками органа дознания признаков преступления, и следует исчислять установленный десятидневный срок протокольного досудебного произ-

водства в протокольной форме служит непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания. Но встречаются и другие из числа указанных в ст. 108 УПК поводы: заявления граждан о конкретных случаях обмана покупателей, нарушения правил торговли спиртными напитками, сообщения должностных лиц о хищениях и т. п.

Процессуальный порядок закрепления фактических данных, содержащихся в источниках, служащих поводом к возбуждению уголовного дела в случаях, когда досудебное производство осуществляется в протокольной форме, не имеет особенностей, в сравнении с другими категориями дел, и регулируется ст. ст. 109—111 УПК.

В литературе довольно распространенным является мнение, что «сведения», содержащиеся в заявлениях о преступлении, могут быть использованы как доказательства в ходе дальнейшего производства по делу, а их источником служат указанные в ч. 2 ст. 69 УПК «иные документы»⁹.

Следует согласиться с этим мнением. Сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц должны быть сделаны в письменной форме (ч. 3 ст. 110 УПК), что предполагает наличие определенных реквизитов — бланки, подписи, штампы, печати и т. п. Такие же требования должны соблюдаться и в отношении указанных в п. 2 ст. 108 сообщений общественных организаций. Таким образом, указанные сообщения удовлетворяют требованиям ст. 88 УПК РСФСР.

К заявлениям граждан также предъявляются определенные требования: письменное заявление должно быть подписано заявителем. Устное заявление заносится в специальный протокол, который также подписывается заявителем и должностным лицом, принявшим заявление. Во всех случаях заявителю разъясняется ответственность за заведомо ложный донос, о чем делается отметка в протоколе, которая удостоверяется подписью заявителя (ч. ч. 1, 2 ст. 110 УПК). В случае явки с повинной также составляется

водства. Началом срока производства в протокольной форме ни в коем случае нельзя считать дату регистрации заявления или сообщения о совершенном преступлении, как это предлагается некоторыми авторами. (См., например: Негода Г., Кливер Ю. Практика применения протокольной формы досудебной подготовки материалов //Соц. законность, 1986. № 3. С. 3; Басков В. И. Практика применения протокольной формы уголовного судопроизводства //Сов. государство и право. 1986. № 11. С. 88). Такое решение приведет к затягиванию производства. Об этом свидетельствует изучение практики протокольного производства.

⁹ См: Ларин А. М. Расследование по уголовным делам. Планирование и организация. М., 1970. С. 6; Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 685; Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975. С. 128; Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. С. 63.

протокол, в котором подробно излагается сделанное заявление (ст. 111 УПК).

Отличие вышеуказанных заявлений от объяснений заключается в том, что обстоятельства и факты излагаются в них по инициативе граждан, а не по требованию должностных лиц органа дознания. Именно подобные ситуации и подразумеваются в ст. 8 УПК, когда речь идет о документах, исходящих от граждан. Если же орган дознания требует от граждан сообщить известные им сведения о фактах и обстоятельствах преступления, то излагаются эти сведения в объяснениях или протоколах допросов, которые документами в смысле ст. 88 УПК не являются. Дополнительной гарантией достоверности содержащихся в заявлении сведений является предупреждение заявителя об уголовной ответственности за ложный донос.

В связи с этим можно сказать, что заявления граждан о преступлении — особый вид предусмотренных ст. 88 УПК иных документов, исходящих от граждан, но требующих особого процессуального оформления.

Таким образом, фактические данные, полученные из источников, предусмотренных ст. 108 УПК, в протокольном досудебном производстве могут служить доказательствами в судебных стадиях.

6. Документы, составленные лицом, производящим досудебную подготовку материалов в протокольной форме, в связи с этой подготовкой.

В данном случае речь идет о документах, оформляющих не предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством действия: осмотры предметов, изъятие предметов, направление жидкости на исследование и т. п. Поскольку указанные и подобные действия не предусмотрены уголовно-процессуальным законом, то и полученные в результате их производства фактические данные не могут служить доказательствами даже на этапе досудебного протокольного производства и тем более в судебных стадиях.

Между тем практическая необходимость в проведении ряда процессуальных действий при досудебной подготовке материалов в протокольной форме имеется. Следовало бы разработать и закрепить в законе систему, условия и порядок проведения подобных процессуальных действий. Если при этом правила судебного разбирательства дел, подготовленных в протокольной форме, останутся прежними, то и тогда фактические данные, полученные в результате производства подобных действий, не смогут служить в суде доказательствами. Последнее возможно только при изменении правил о допустимости доказательств в судебных стадиях для рассматриваемой категории дел, что в перспективе не исключается.

О НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Э. С. Гордон

Фактические данные (доказательства), выявленные в процессе освидетельствования, имеют весьма существенное значение для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

Особую роль освидетельствование играет на первоначальном этапе расследования, когда его проведение направлено на установление таких следов преступления, которые в силу специфики своего происхождения и свойств могут с течением времени существенно изменяться и тем самым могут быть невосполнимо утрачены для следствия. Если своевременно не решить вопрос о производстве освидетельствования, то обстоятельства, имеющие важное значение для дела, впоследствии очень часто никакими другими процессуальными средствами установить не удастся. В силу этого расследование многих преступлений не должно обходиться без освидетельствования. Последнее должно, как нам представляется, стать таким же часто встречающимся процессуальным действием, как и осмотр места происшествия.

Но вопрос не только в частоте использования освидетельствования. Необходимо, чтобы освидетельствование стало эффективным действием по сбору и использованию средств уголовно-процессуального доказывания.

Однако следователи не всегда имеют достаточное представление о возможностях освидетельствования и процессуальном порядке его производства, а поэтому в ряде случаев не используют данное процессуальное средство¹.

Так, при обобщении практики расследования уголовных дел вышеперечисленных категорий следователями Первомайского РОВД г. Ижевска было выявлено, что освидетельствование проводилось более чем в 35% случаев. Причем более чем в 88% случаев имело место судебно-медицинское освидетельствование.

¹ Глебов В. Г. Проблема эффективности освидетельствования при расследовании уголовных дел: Дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1989. С. 127.

Примерно еще в 25% уголовных дел имелись достаточные основания для производства освидетельствования и, как правило, следственного. Но даже в тех случаях, когда последнее проводилось, постановление о его производстве было вынесено лишь в 10%. Поэтому, говоря о повышении эффективности освидетельствования при расследовании уголовных дел, необходимо выделять как пути повышения эффективности, процессуально-правовой регламентации освидетельствования, так и пути повышения эффективности правоприменительной деятельности в процессе производства данного следственного действия.

Вопросы об эффективности уголовно-процессуального закона, его норм и их применения достаточно полно рассмотрены в научной литературе². Нас интересуют вопросы эффективности правоприменения, в частности, производства освидетельствования. При этом мы исходим из того, что под эффективностью правоприменительной деятельности понимается «способность обеспечить такую согласованную с требованиями закона реализацию правовых норм, которая бы при наименьших издержках максимально положительно воздействовала на регулируемые общественные отношения и поведение их участников в предписываемом направлении»³. Отправляясь от этого, можно определить как эффективную такую деятельность следователя по применению освидетельствования, когда оно будет проведено в соответствии с требованиями закона и с наименьшими издержками, а в результате будут максимально достигнуты его цели, что будет существенно способствовать установлению по уголовному делу объективной истины.

Рассмотрим некоторые возможные пути повышения эффективности законодательного регулирования производства освидетельствования.

Во-первых, в ст. 181 УПК РСФСР нет разграничения освидетельствования на его виды — следственное и судебно-медицинское, как это, например, сделано в УПК Украинской ССР (ст. 193), Казахской ССР (ст. 130), Азербайджанской ССР (ст. 207). Представляется необходимым в УПК РСФСР предусмотреть его как действие, направленное на установление на теле человека следов преступления или для установления физиологического состояния освидетельствуемого лица. Целью судебно-медицинского

² Казинян Р. С., Соловьев А. Б. Проблемы эффективности следственных действий. Ереван, 1987; Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984; Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Моршакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности /Под ред. В. М. Савицкого. М., 1979.

³ Зинатуллин З. З. Эффективность уголовно-процессуального принуждения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 15.

освидетельствования является установление и фиксация таких, имеющих существенное значение для дела, следов преступления и обстоятельств, которые через короткий промежуток времени могут внешне измениться или вообще исчезнуть.

Целесообразно проведение судебно-медицинского освидетельствования допустить и до возбуждения уголовного дела, что будет вполне соответствовать разрешению задач уголовного судопроизводства по быстрому и полному раскрытию преступлений и, в первую очередь, таких, как изнасилование, причинение телесных повреждений, хулиганство и других. Это будет согласовываться и со сложившейся практикой. Есть смысл предусмотреть и случаи, когда проведение судебно-медицинского освидетельствования является обязательным, как это сделано для судебно-медицинской экспертизы в силу ст. 79 УПК РСФСР.

Цели освидетельствования связаны со сбором и использованием средств уголовно-процессуального доказывания. Так, в соответствии со ст. 181 УПК РСФСР освидетельствование проводится для установления на теле обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего следов преступления или особых примет. Однако такое определение в законе целей данного действия представляется неполным. Поэтому предполагается необходимым законодательное закрепление еще одной цели освидетельствования — установление физиологического состояния лица.

На практике потребность такого освидетельствования бывает часто связана с расследованием уголовных дел об автотранспортных преступлениях. Однако нельзя этот вид освидетельствования смешивать с проверкой на предмет наличия в организме алкоголя или иных наркотических веществ у определенных категорий рабочих и служащих (летчики, машинисты и т. п.), а также с так называемым наркологическим освидетельствованием, проводимым медицинской комиссией по направлению органа дознания и заключающимся в исследовании представленных материалов о злоупотреблении каким-либо лицом спиртными напитками.

Другим направлением повышения эффективности освидетельствования является закрепление в законе оснований его производства, как это сделано в ст. ст. 167 и 168 УПК РСФСР, определяющих основания выемки и обыска. Потребность в этом вызывается тем, что на практике нередко освидетельствование проводится только тогда, когда следователю достаточно точно известно о наличии на теле конкретного лица определенных следов преступления или особых примет. Тем самым понижается поисковый, исследовательский характер освидетельствования. Избавиться от такого положения можно, изложив формулировку ч. 1 ст. 181 УПК РСФСР следующим образом: «Следователь, имея достаточные основания полагать, что на теле обвиняемого, подозре-

ваемого, свидетеля или потерпевшего имеются следы преступления, образовавшиеся в результате его совершения, или особые приметы, а также то, что существующее у них физиологическое состояние повлияло на совершение преступления, производит освидетельствование указанных лиц для их установления».

Еще одним направлением совершенствования правового регулирования освидетельствования нам представляется изменение ч. 5 ст. 181 УПК РСФСР, определяющей, что при освидетельствовании лица другого пола, если освидетельствование сопровождается обнажением этого лица, следователь не присутствует, а освидетельствование производится врачом. Однако в ряде случаев, хотя освидетельствование и связано с обнажением лица, участие в его освидетельствовании врача как специалиста не является необходимостью.

Поэтому, на наш взгляд, в тех случаях, когда освидетельствование сопровождается обнажением лица другого пола и при этом не требуются медицинские познания, процедура производится следователем одного с освидетельствуемым пола. Целесообразность такого варианта тем более очевидна, что указанные лица, являясь юристами, проведут освидетельствование и сумеют отразить его ход и результаты в протоколе более качественно, чем это будет сделано врачом и с его слов отражено в протоколе.

В силу того, что освидетельствование связано с ограничением гарантированной Конституцией СССР неприкосновенности личности, есть определенный смысл установления его производства лишь по санкционированным прокурором или его заместителем постановлениям.

Как бы совершенна ни была нормативная регламентация производства освидетельствования, ее эффективность выявляется в процессе деятельности участников уголовного судопроизводства и ею в значительной мере определяется. Поэтому необходимо найти пути повышения эффективности деятельности по проведению освидетельствования.

Первым направлением является точное соблюдение требований закона, определяющих процессуальный порядок освидетельствования. В основном это касается обязательности вынесения постановления о производстве освидетельствования, что часто следователем не делается. Между тем вынесение постановления побуждает следователя еще раз обсудить вопросы о достаточности оснований для освидетельствования, о тактике его подготовки и проведения, что в конечном итоге способствует повышению эффективности этого действия.

Другим направлением повышения эффективности освидетельствования является неотложность его проведения. Своевременность освидетельствования позволяет не только установить нали-

чие или отсутствие следов преступления или особых примет, но и на основе этого выдвинуть обоснованные версии по делу и определить оптимальные пути их проверки.

На практике неотложный характер освидетельствования в основном реализуется. Так, более чем в 70% случаев оно проводилось при решении вопроса о возбуждении уголовного дела или в первые же дни производства предварительного следствия⁴. Эффективность освидетельствования в значительной мере зависит от умелого исследования тела человека. Это предполагает активное привлечение для оказания помощи при проведении освидетельствования специалистов в различных областях знаний, а также использование разнообразных технических средств, которые повышают поисковые возможности. Выбор, того или иного специалиста, конечно, зависит от вида и характера следов, которые предполагается установить. Однако, учитывая все возрастающее значение микроследов для раскрытия и расследования преступления, представляется необходимым во всех случаях принимать меры по их изъятию, для чего привлекать специалистов-криминалистов, химиков, биологов.

Таковы, на наш взгляд, некоторые из возможных путей повышения эффективности освидетельствования.

---

⁴ Ефимичев С. П., Зинатуллин З. З. Освидетельствование в практике следственных органов //Проблемы предварительного следствия. Волгоград, 1979. Вып. 9. С. 28.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. В. Голик, Б. Г. Прошкин. Теоретические вопросы стимулирования поведения человека: социология и право	3
В. Н. Сохин. Понятие «криминологическая политика»: определение, методологические функции	16
С. А. Елисеев, Л. М. Прозументов. Общественное мнение об эффективности борьбы с извлечением нетрудовых доходов (результаты конкретного социологического исследования)	23
В. А. Уткин. Правовые формы стимулирования воспитательно-профилактической активности общественности и трудовых коллективов	32
Н. И. Ланкин. О совершенствовании правовых и организационных форм стимулирования трудовой активности лиц, лишенных свободы	43
В. К. Новосельцев, Д. А. Савченко. О влиянии различных форм организации совместной трудовой деятельности осужденных на развитие их межличностных отношений	49
О. В. Филимонов. Правовое регулирование посткриминального контроля за поведением лиц, осужденных без изоляции от общества и освобожденных из мест лишения свободы, в странах восточной Европы	58
Л. М. Прозументов, С. И. Типигин, А. В. Шеслер. Некоторые особенности групповой преступности несовершеннолетних	68
Е. А. Заплатина. Особенности личности женщины-рецидивистки	73
М. К. Свиридов. О механизме обеспечения уголовно-процессуальной деятельности	82
Ю. К. Якимович. Дополнительные производства в советском уголовном процессе	91
Н. Т. Ведерников. Личность обвиняемого как объект изучения на предварительном следствии	98
И. Т. Кривошеин. Типы самозащиты обвиняемых при допросе	106
Ф. В. Исмаилов. Установление механизма совершения дорожно-транспортных преступлений в ходе производства автотехнических экспертиз	113
Р. И. Сайфиев, В. В. Яровенко. Биологический порошок для выявления невидимых следов пальцев рук	121
С. В. Максимов. Проблема общепредупредительного воздействия на лиц, ранее совершивших преступления	127
Г. Н. Доронин, Н. А. Косточко. Элементы общего предупреждения преступлений несовершеннолетних в механизме уголовно-правового регулирования (статья первая)	133
Ю. К. Якимович. О доказательственном значении фактических данных, полученных при досудебной подготовке материалов в протокольной форме в стадии судебного разбирательства	145
Э. С. Гордон. О некоторых путях повышения эффективности освидетельствования при расследовании уголовных дел	152

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Редактор **Л. С. Малиновская**
Технический редактор **Л. Е. Дятлова**
Корректор **Л. П. Бородич**

ИБ 2259

Сдано в набор 14.09.88 г. Подписано в печать 24.10.90 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура Литературная.
Печать высокая. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 8,51.
Тираж 500 экз. Заказ 6998. Цена 1 р. 30 к.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4.
Издательство «Красное знамя», г. Томск, пр. Фрунзе, 103.

1-450185

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00383029

30 к.

Издательство
Томского
Университета